

Kazanskij Anatol

Библиотека газеты «День»

CARTOONIA

scanning/сканирование
www.cartoonia.ru & www.cartoon-twins.ru

Kazanskij Anatol

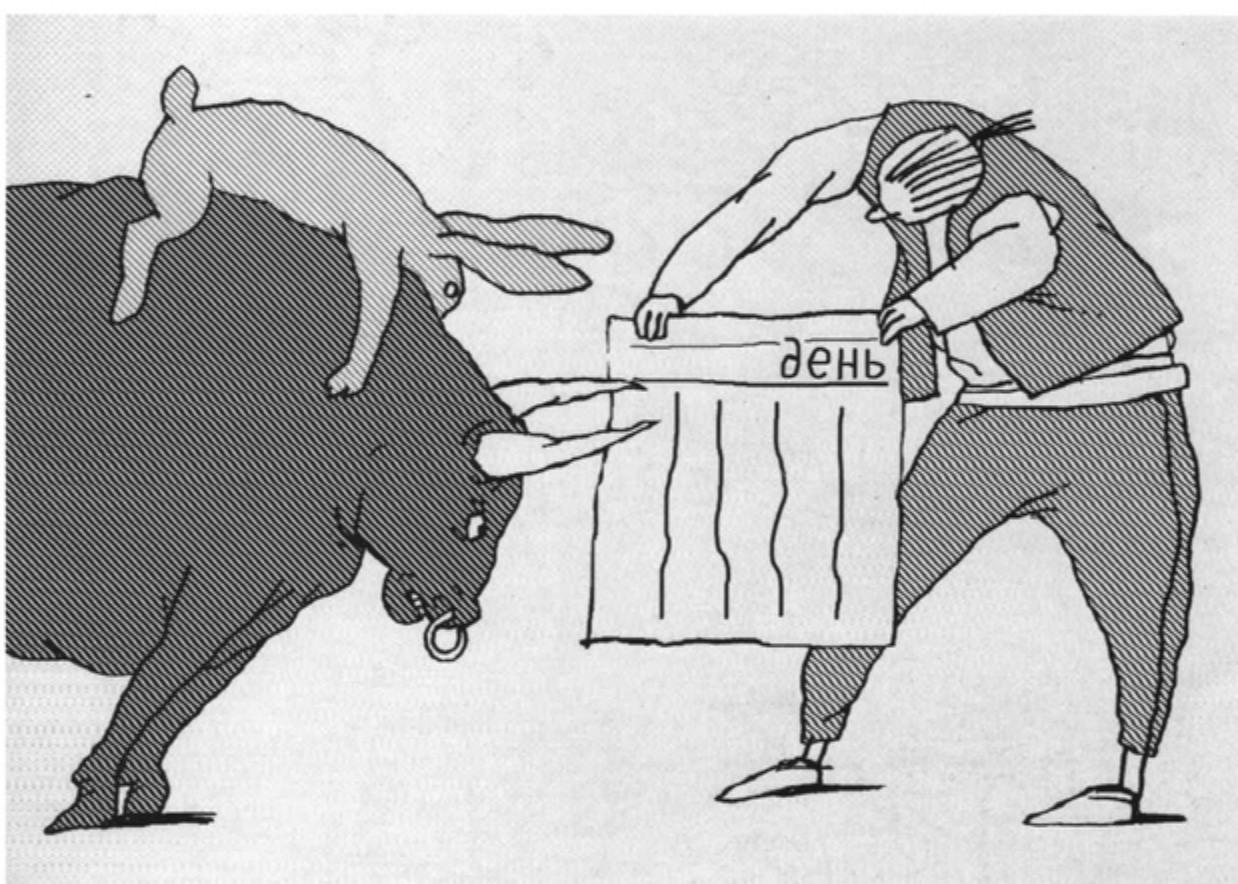
НАЛИЧИЕ ВКУСА - ЭТО НАЛИЧИЕ СОВЕСТИ

Он был карикатуристом «Дня». Он рисовал — в «в номер». Но его рисунки раздвинули время. Стали образами, глубокими метафорами, которые каждый раз, спустя годы, поворачиваются к нам новой гранью его мысли. И снова идут к читателю. Анатолий Казанский, его вкус, его стиль — неотъемлемая, очень дорогая для меня, часть 10-летней биографии газеты «День».

Есть какой-то особый знак в том, что текст «Глубина отпечатка», ко второй сюрреалистической части альбома Анатолия Казанского, успел перевести на английский наш Джим Джеймс Мейс — американец, украинский патриот, известный ученый. Первый, кто открыл миру правду об украинском Голодоморе 1932-1933-х, блестящий журналист «Дня».

Если когда-нибудь будет написана история новейшей украинской журналистики, уверена, там будет глава о создателях новых смыслов и новых графических образов. И имена духовных великанов «Дня» Джеймса Мейса и Анатолия Казанского будут рядом, среди отцов-основателей.

Лариса ИВШИНА, главный редактор газеты «День»

A Sense of Taste Is a Sense of Conscience

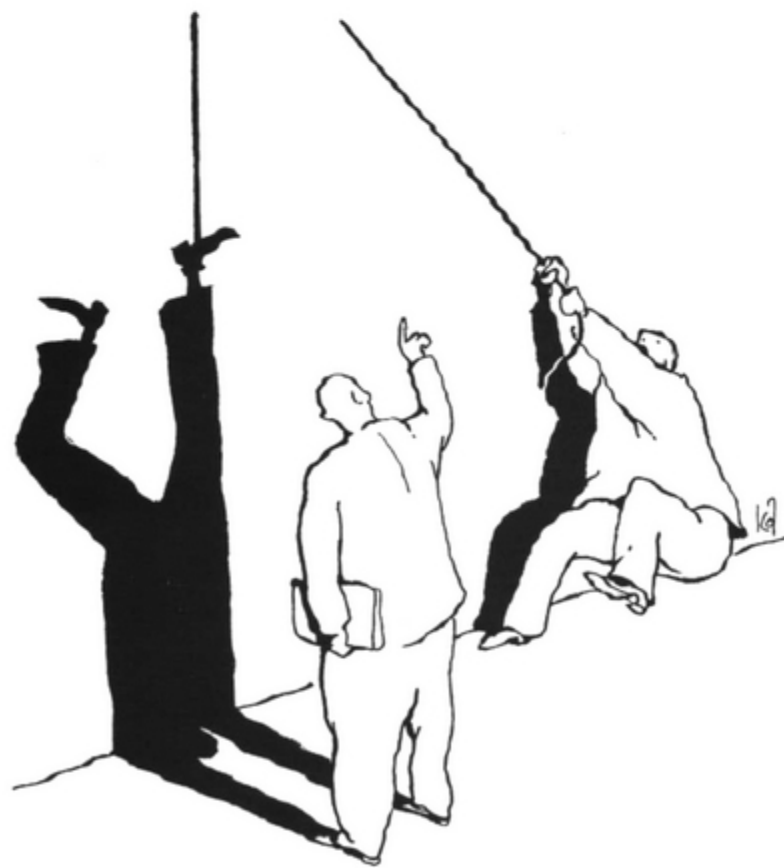
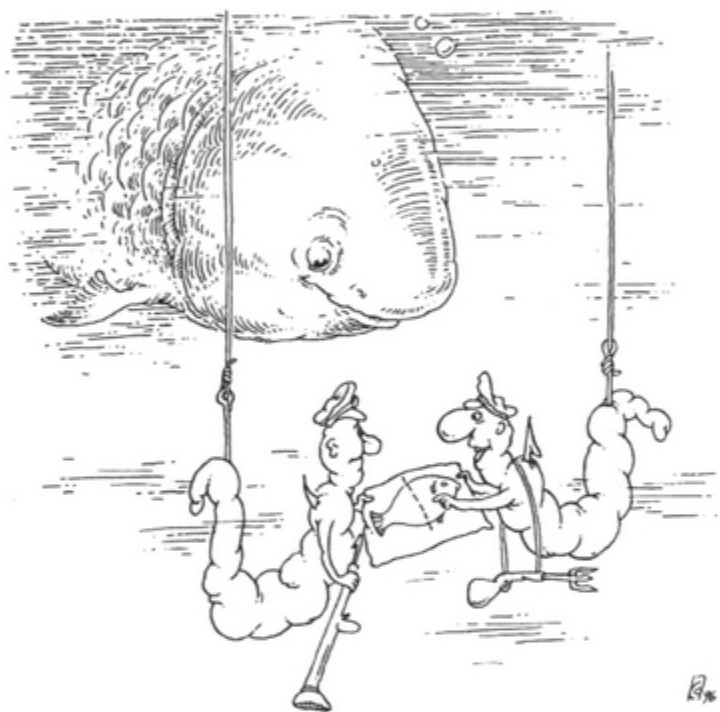
He was *Den/The Day's* cartoonist. Although he usually drew for a particular issue, his sketches went far beyond the time limits. They became figures and profound metaphors that show us a new facet of his thinking every time we see them as years go by. They are again coming to the reader. Anatoly Kazansky, his taste and style, are an integral and very dear for me part of *Den's* 10-year life story.

It is somewhat symbolic that the text «Depth of Imprint» for the second, surreal, part of Kazansky's album was translated into English by James Mace, «our Jim», an American, a Ukrainian patriot, a well-known academic, and *Den/The Day's* brilliant journalist, who revealed the truth of the 1932-1933 manmade famine in Ukraine to the world.

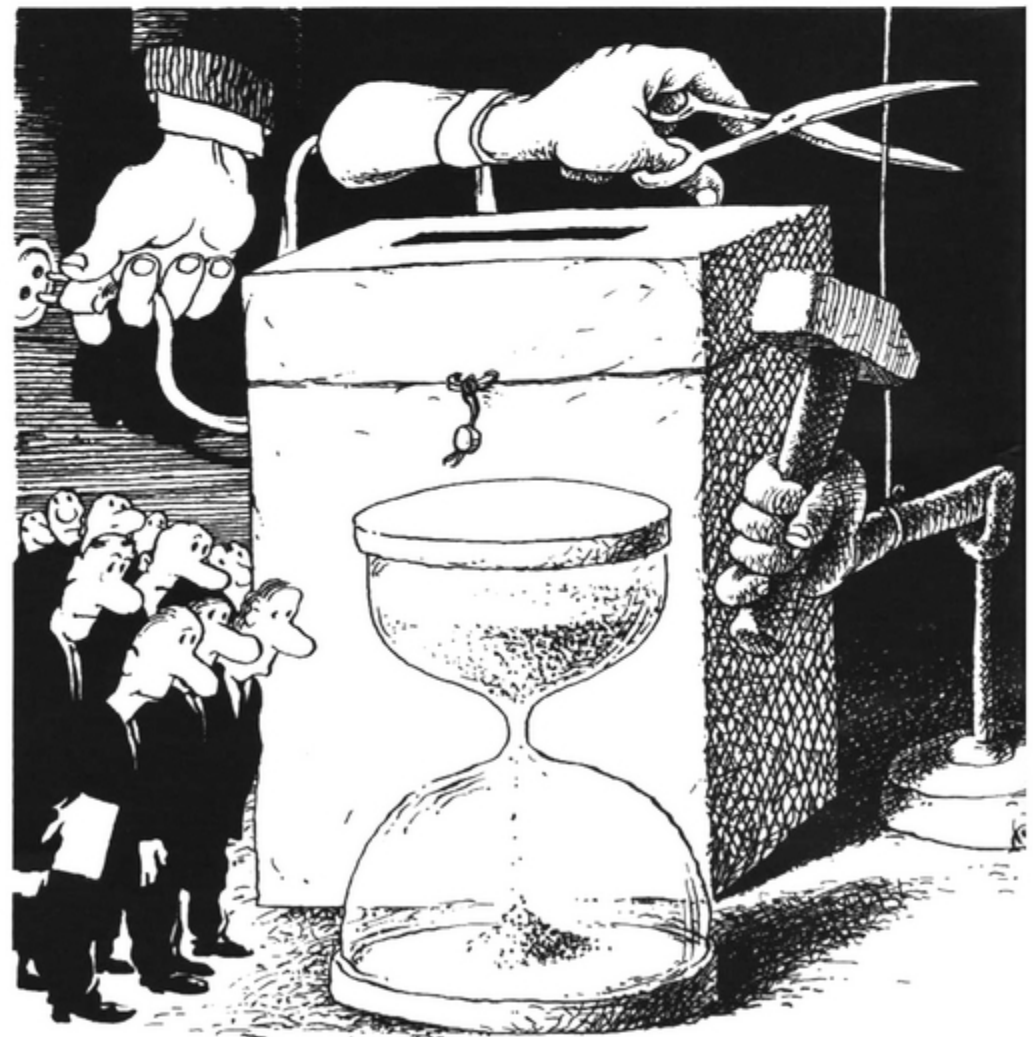
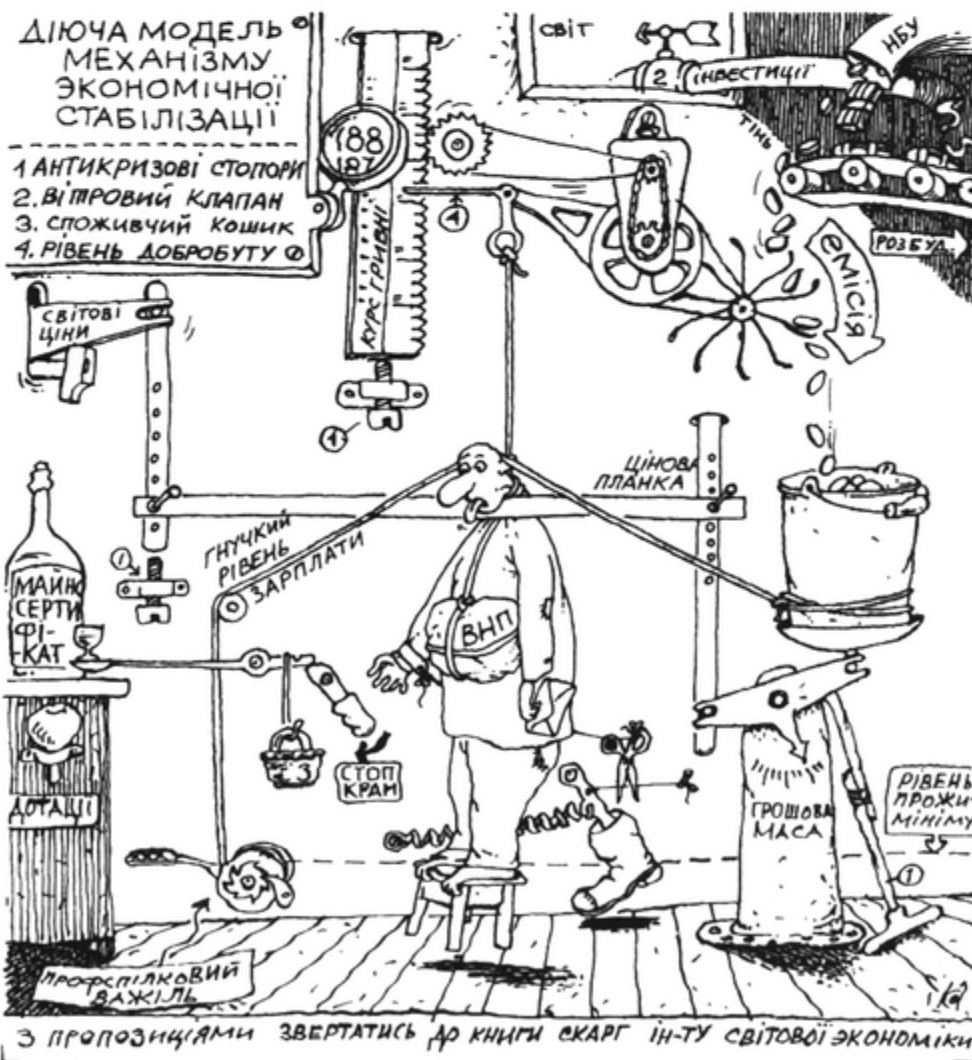
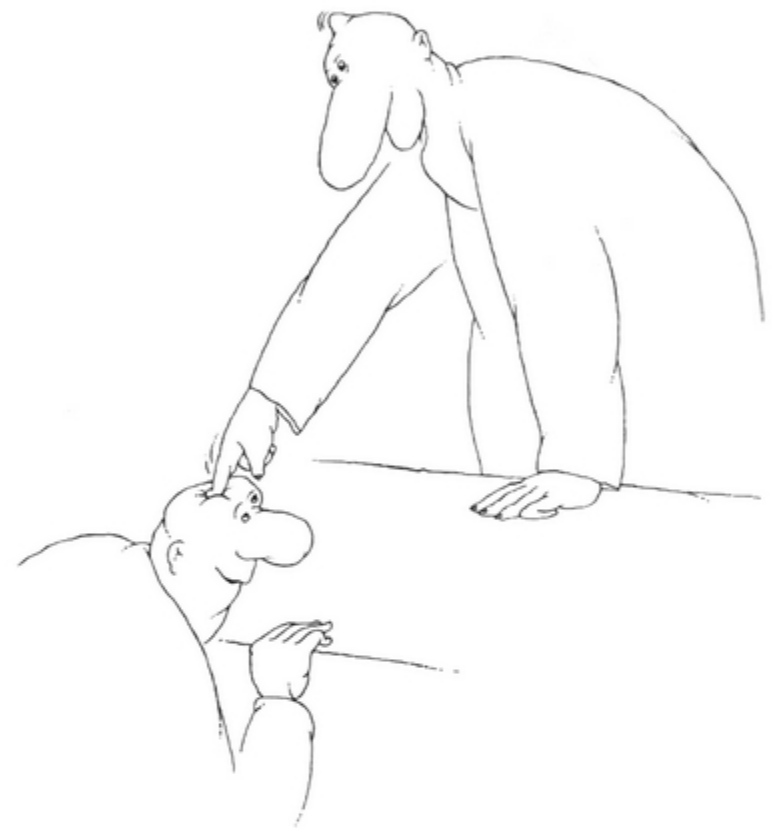
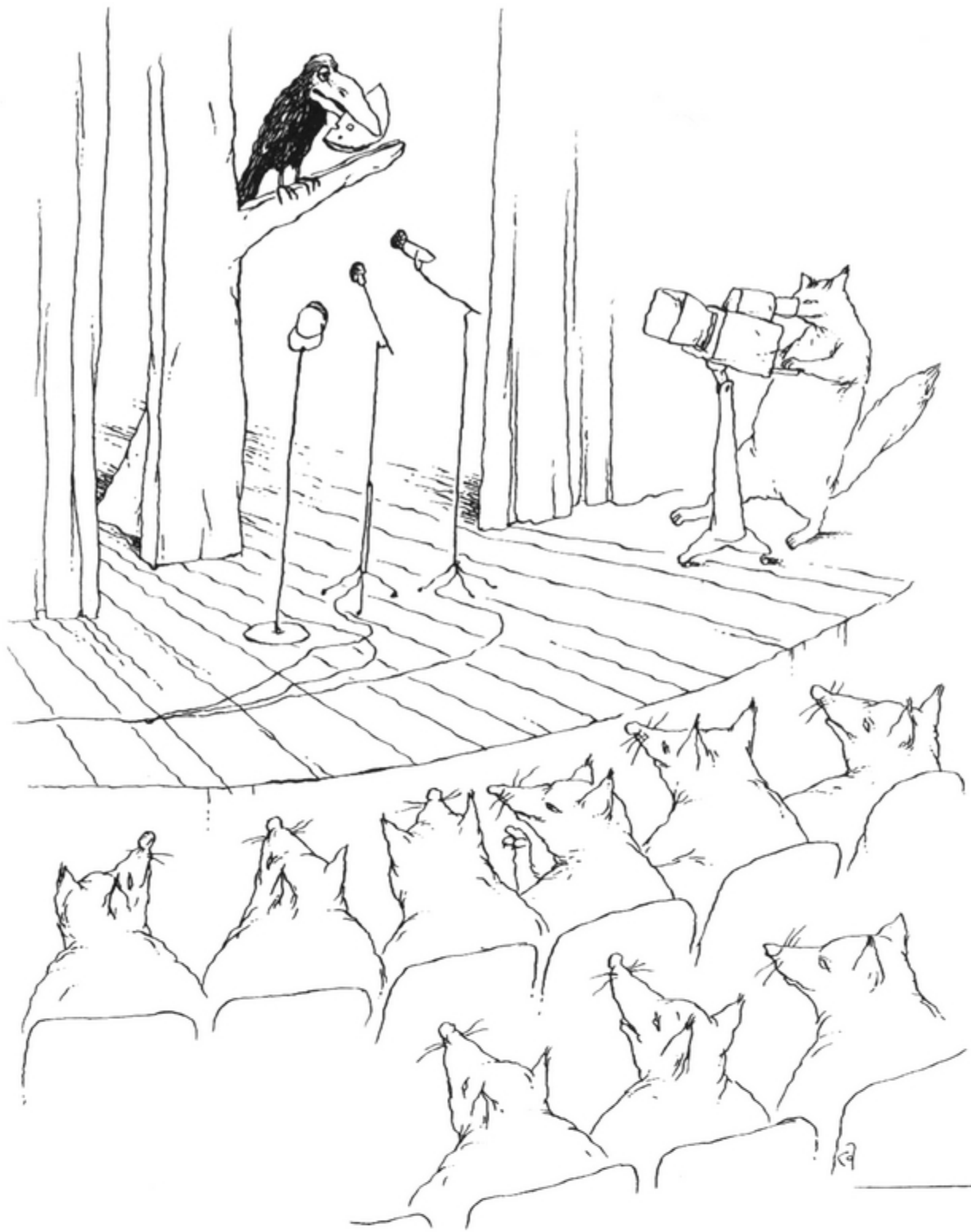
If a history of modern Ukrainian journalism is ever written, I am sure it will include a chapter on the creators of new senses and graphic images. And the names of James Mace and Anatoly Kazansky, *Den/The Day's* two spiritual giants, will stand next to each other among the names of other founding fathers

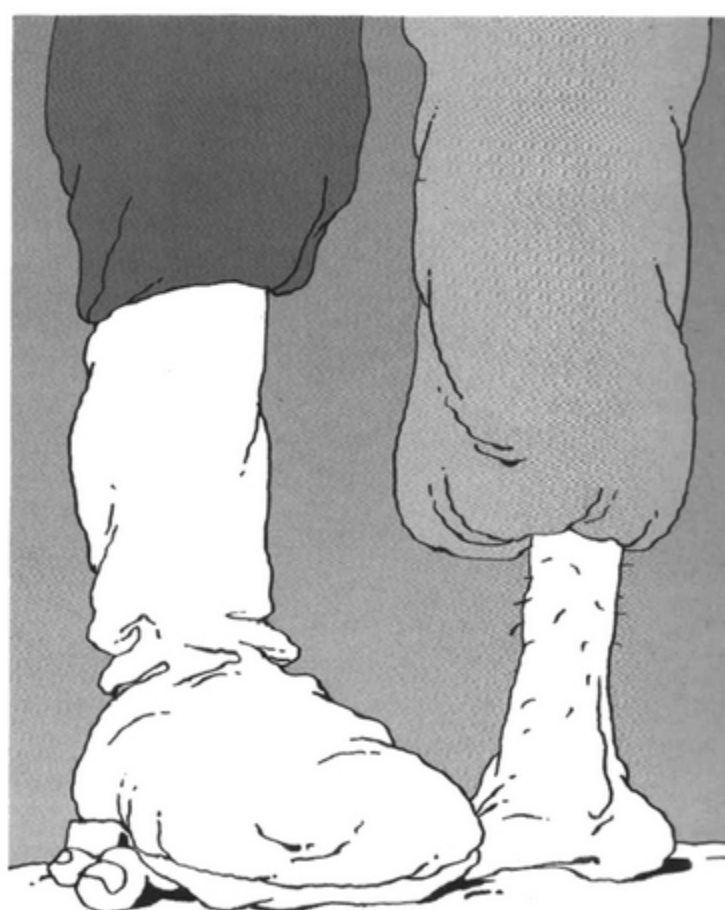
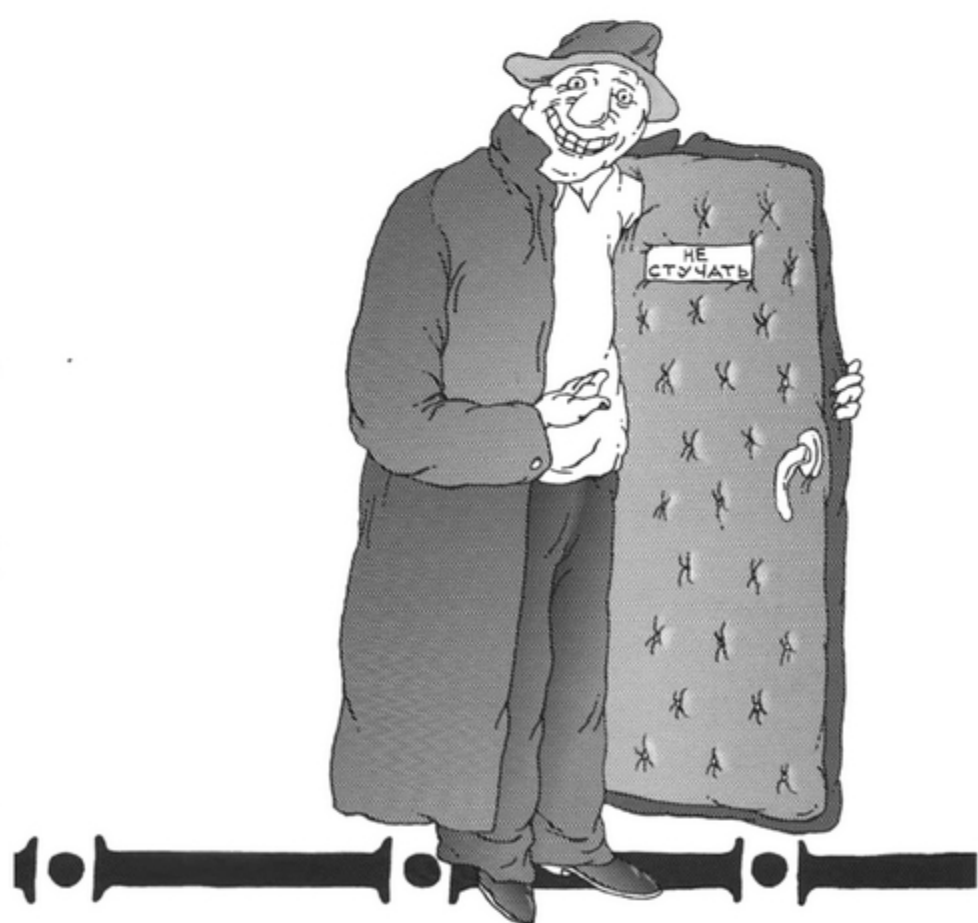
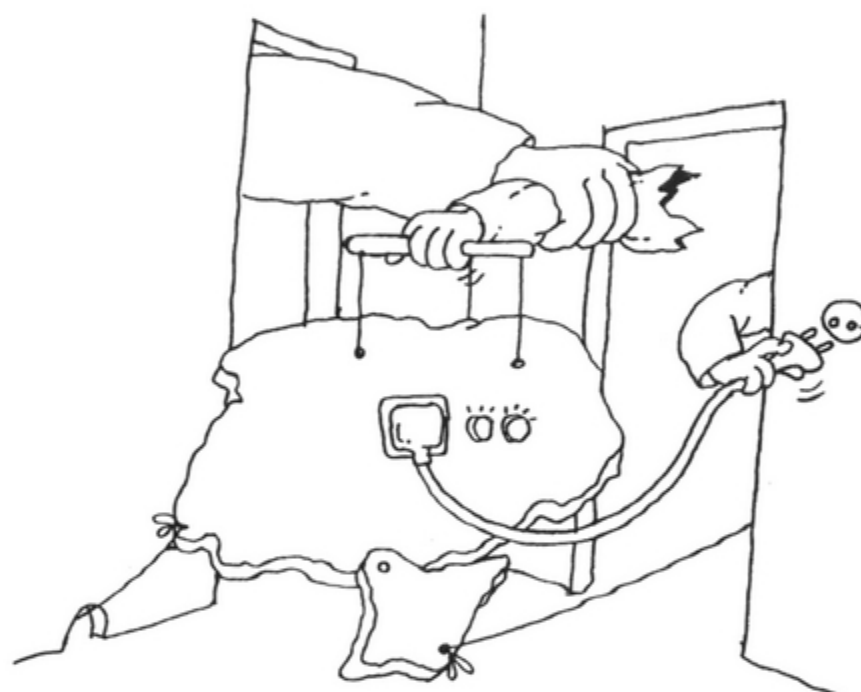
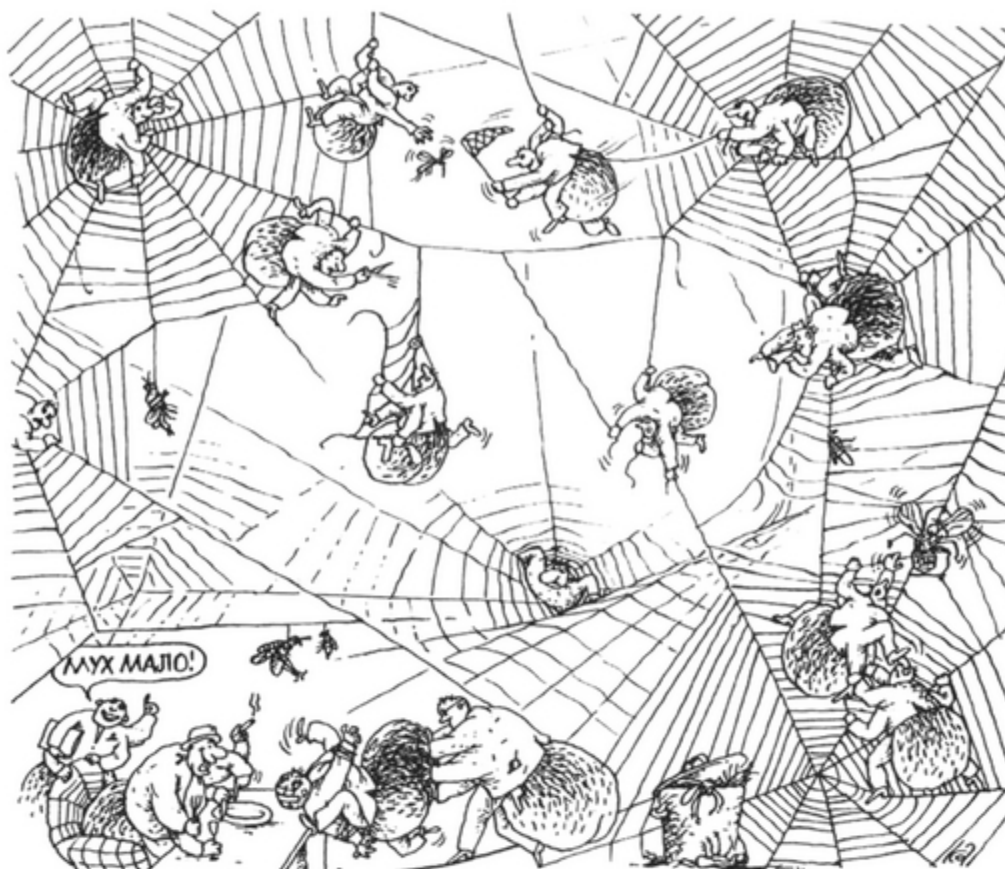
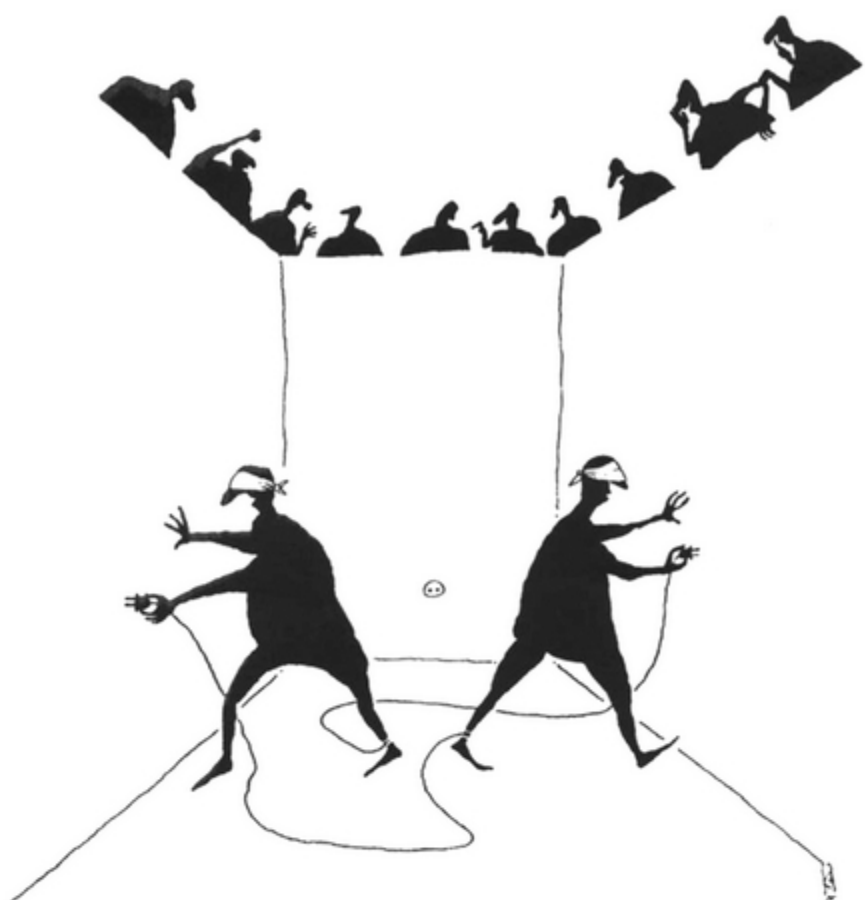
Larisa IVSHINA, "Day's" editor-in-chief

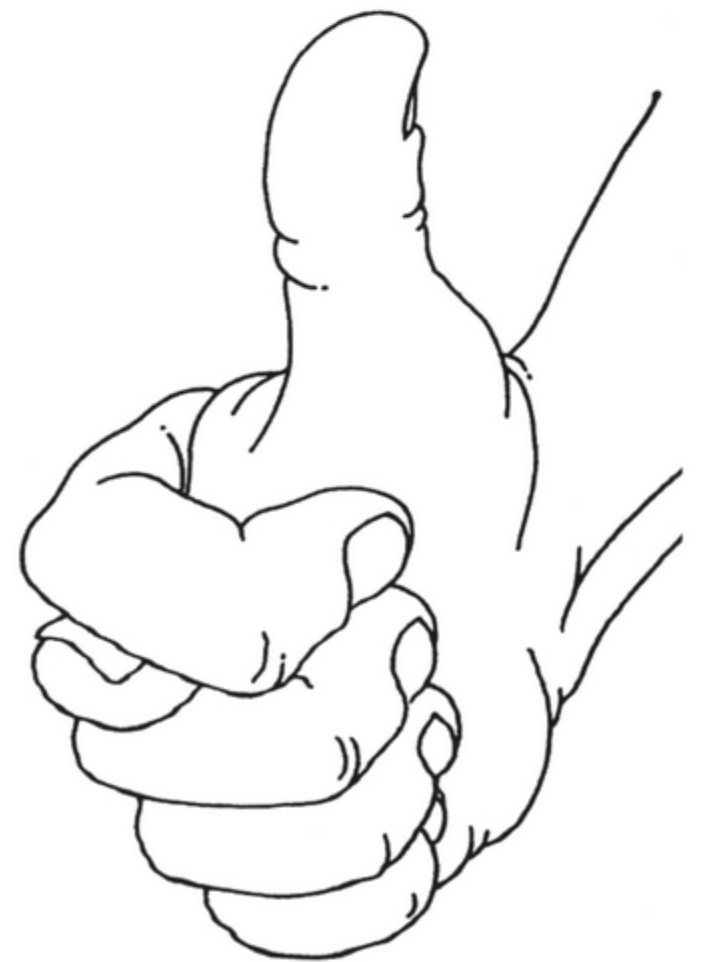
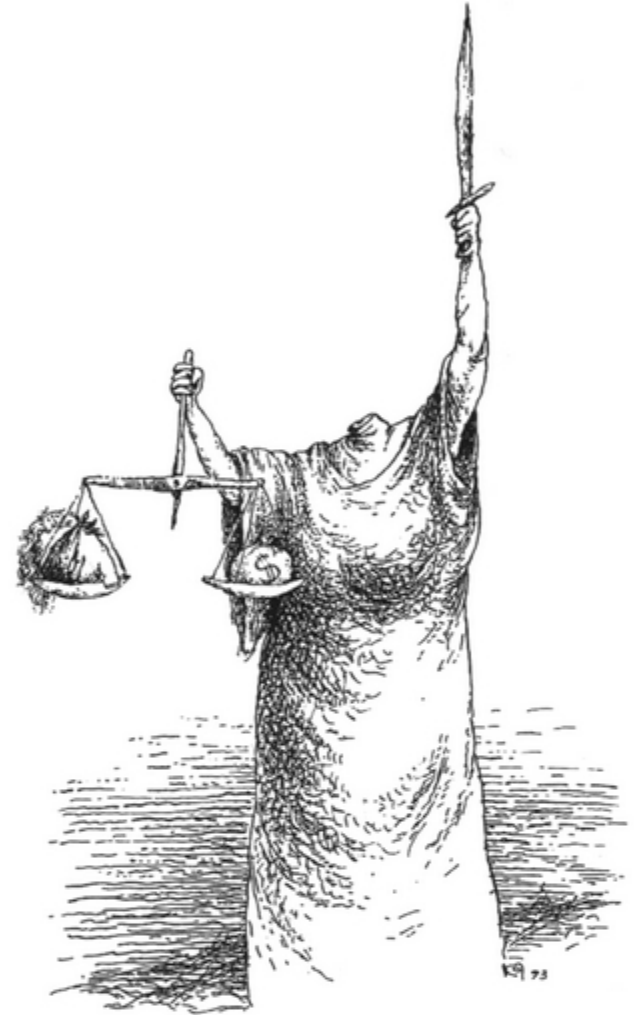
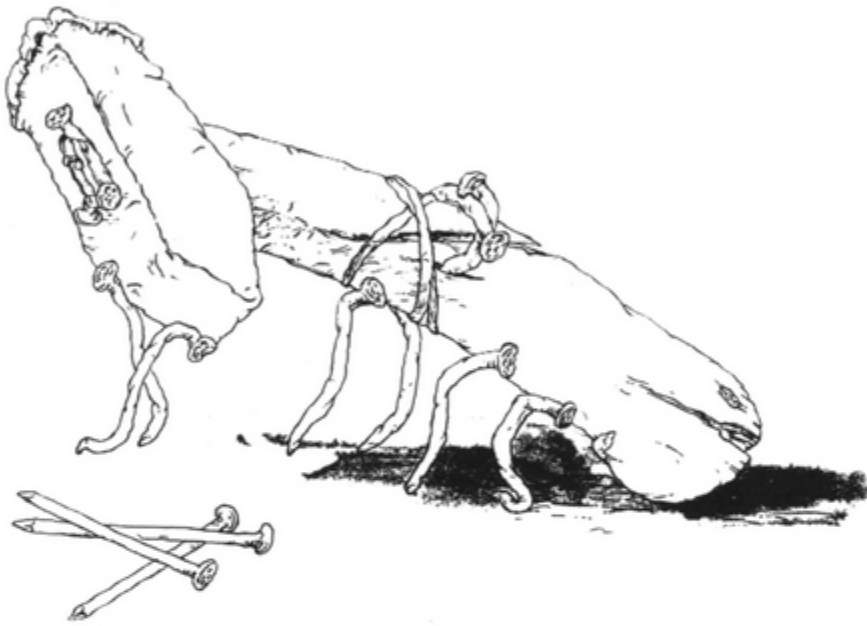

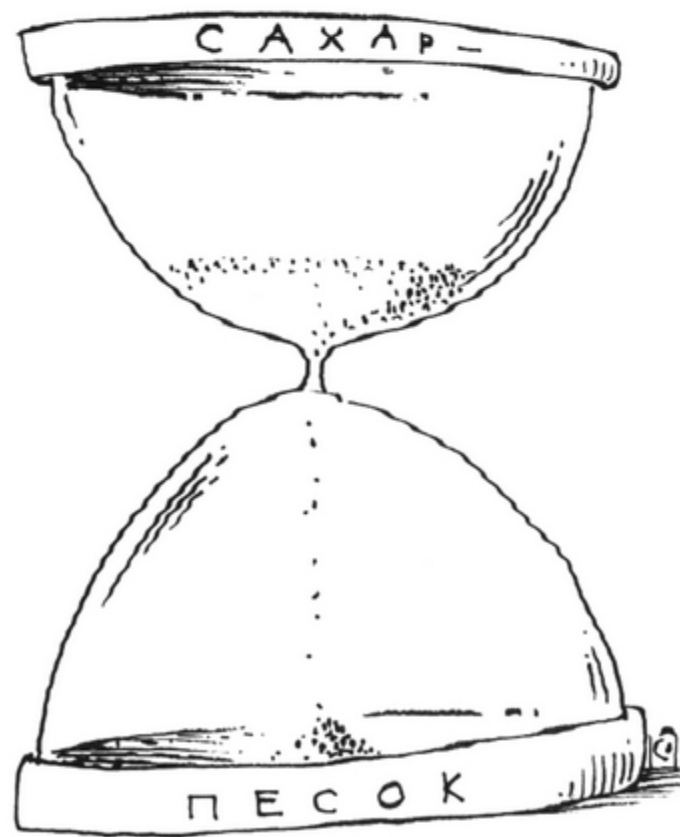
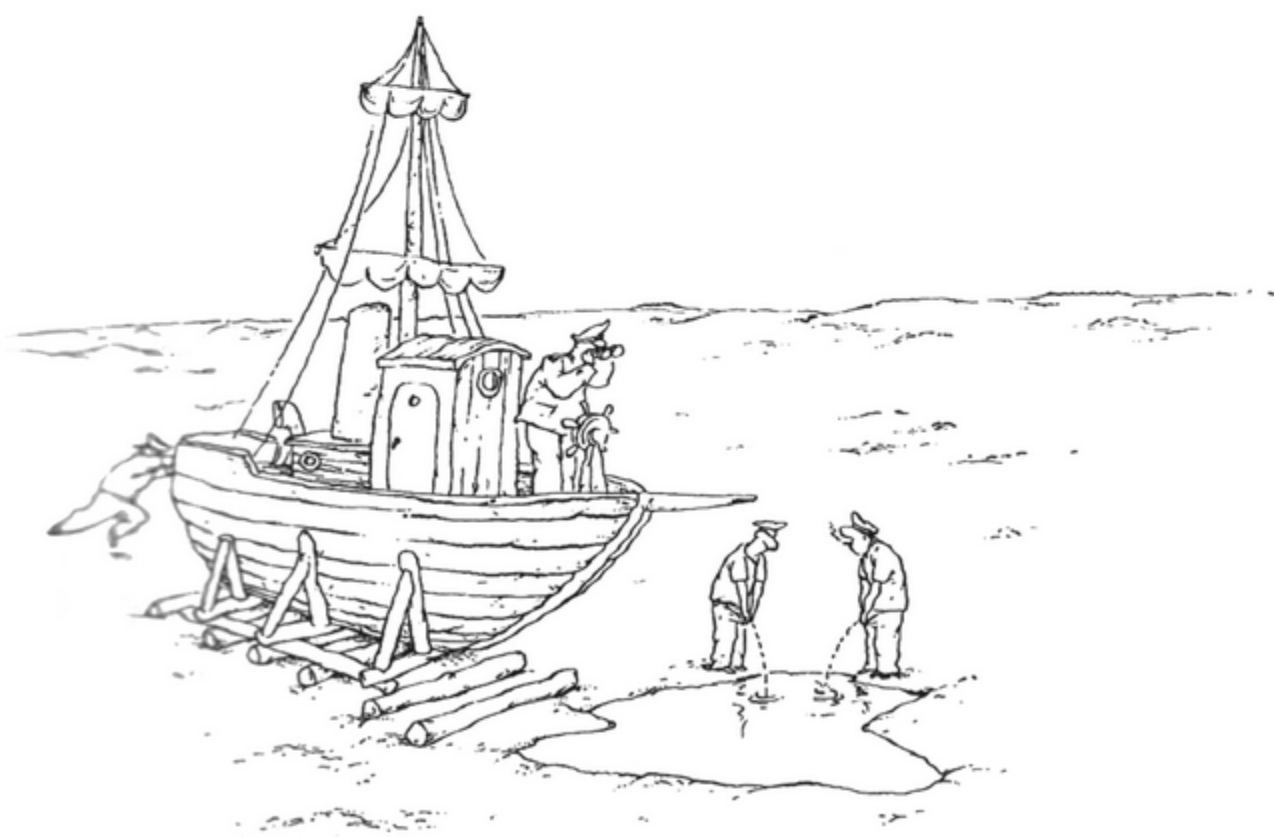
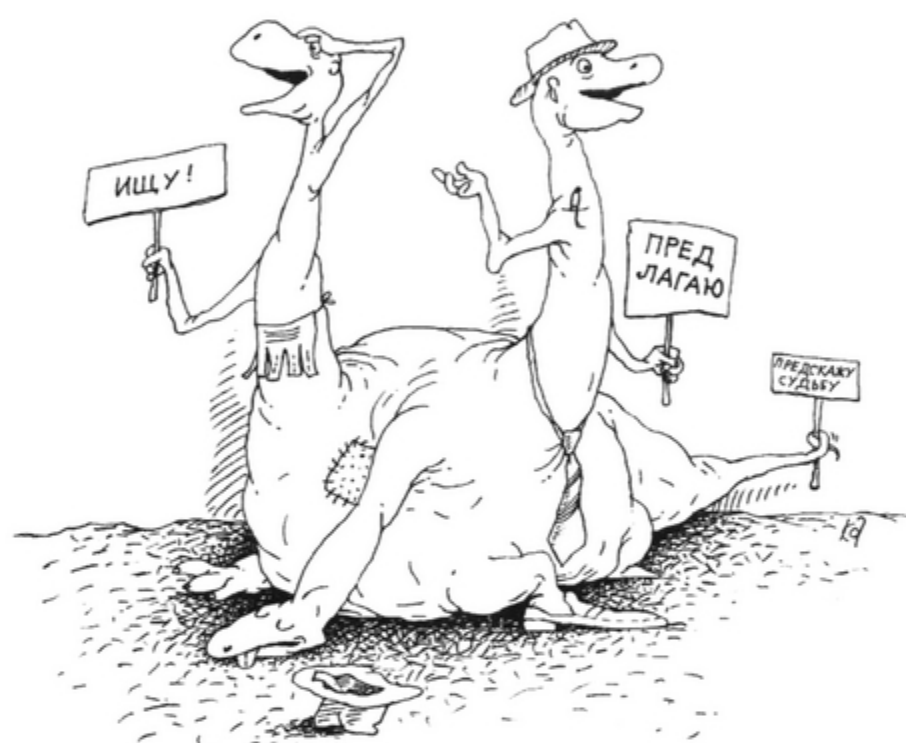
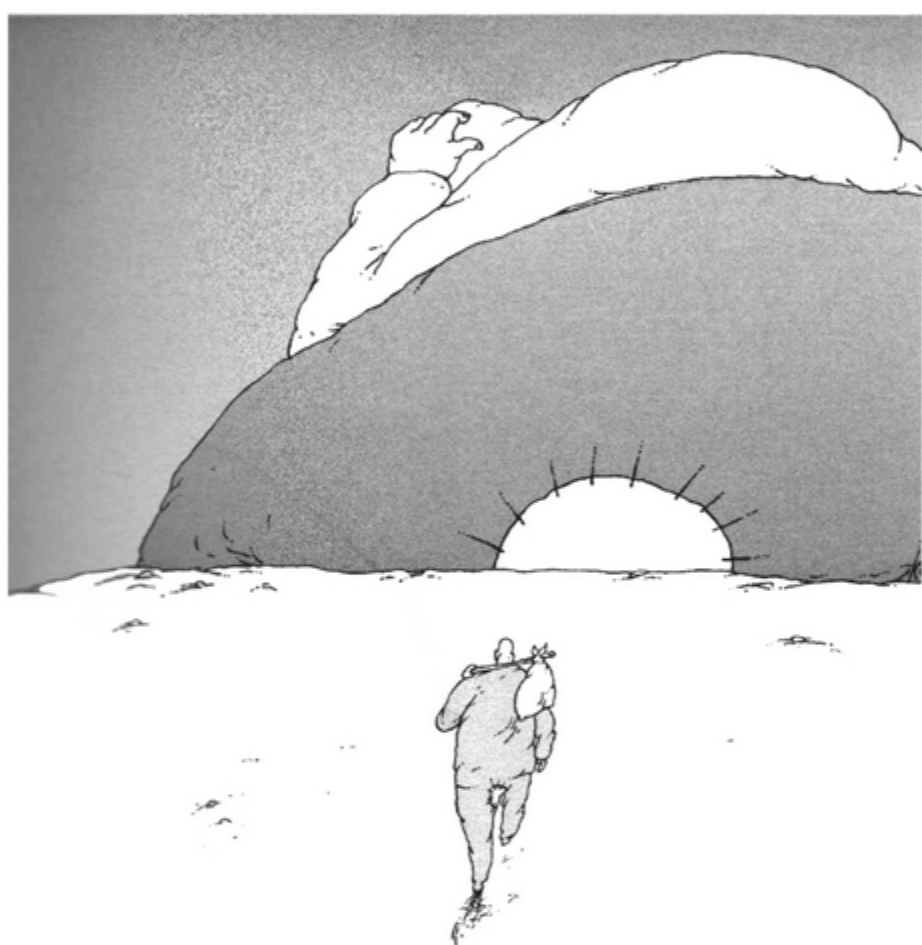
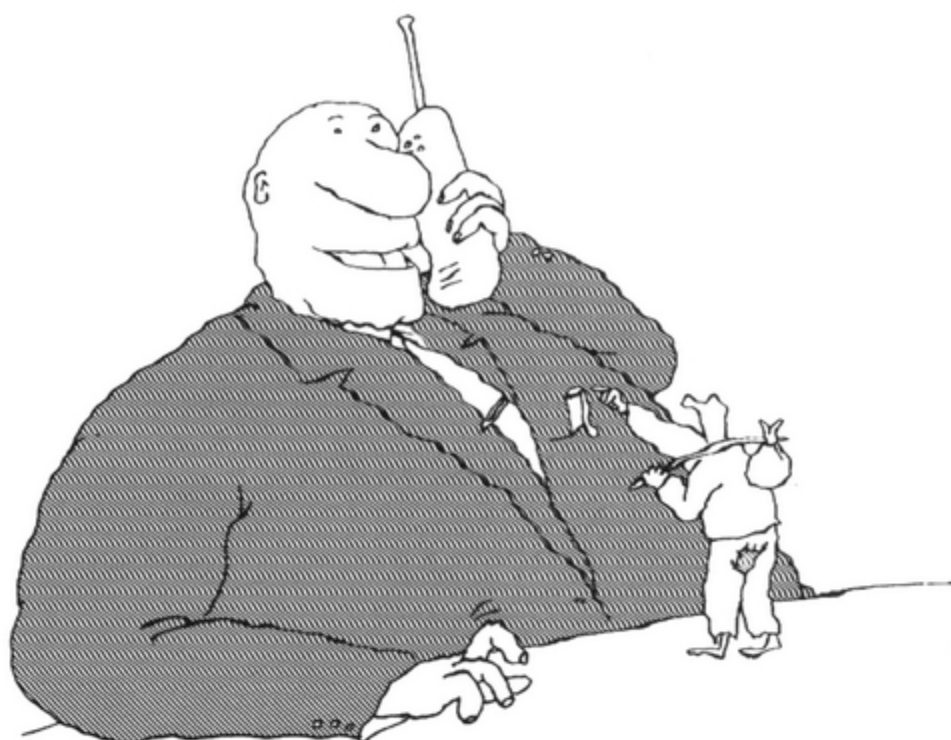

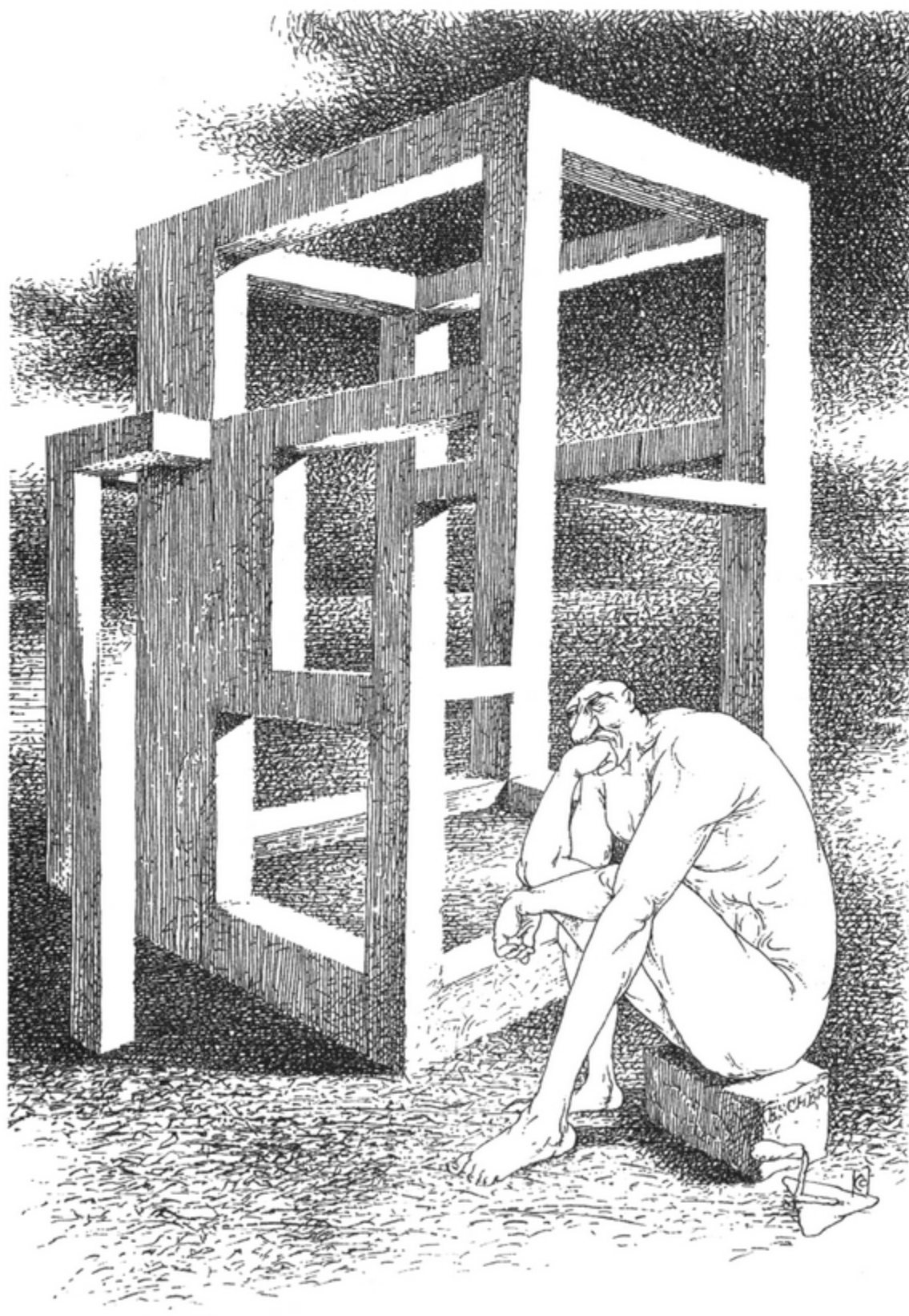
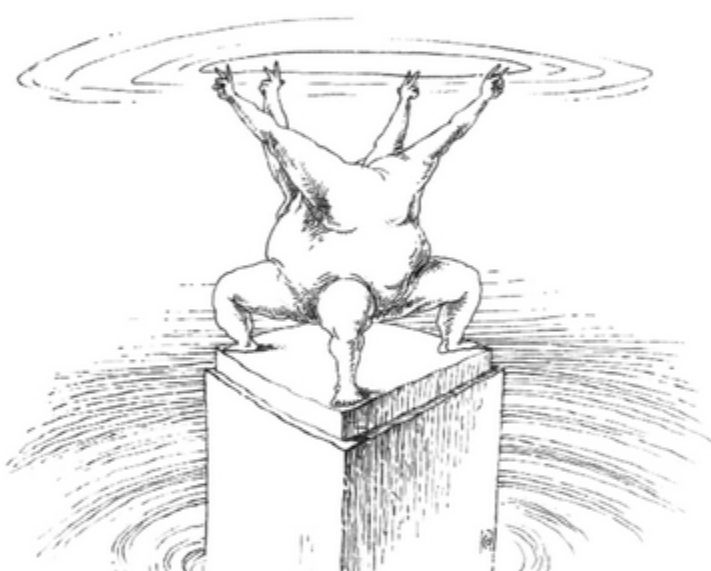
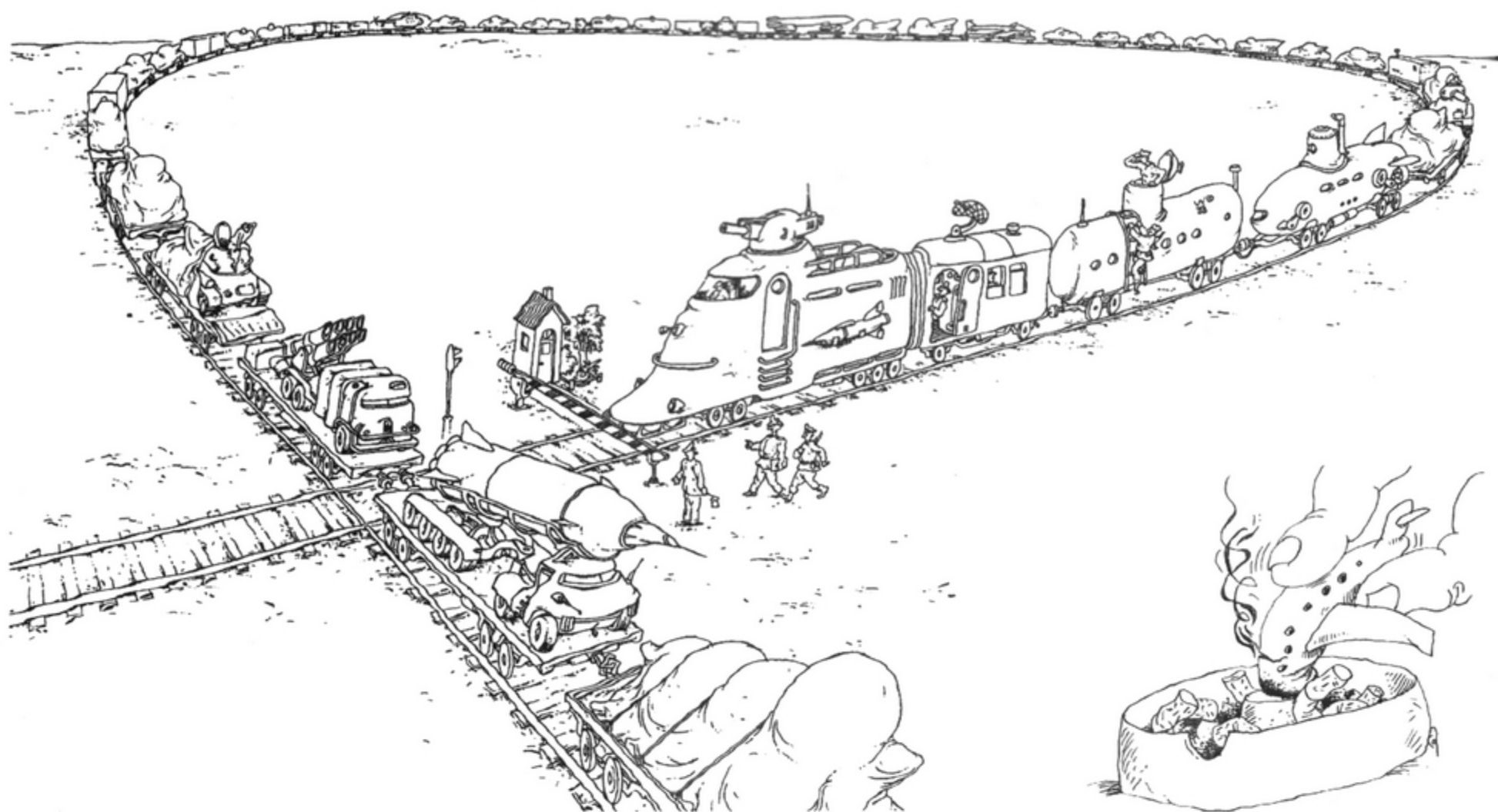

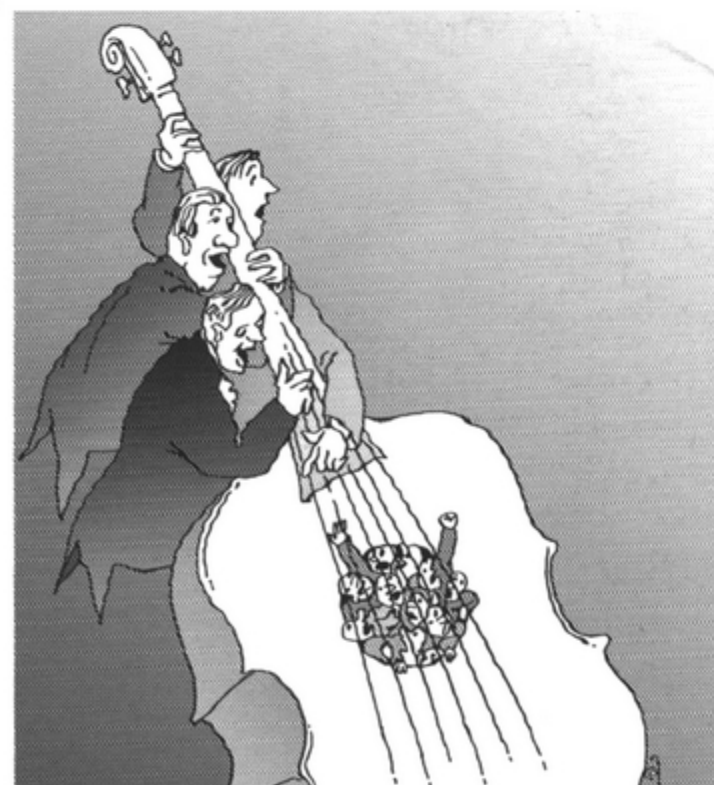
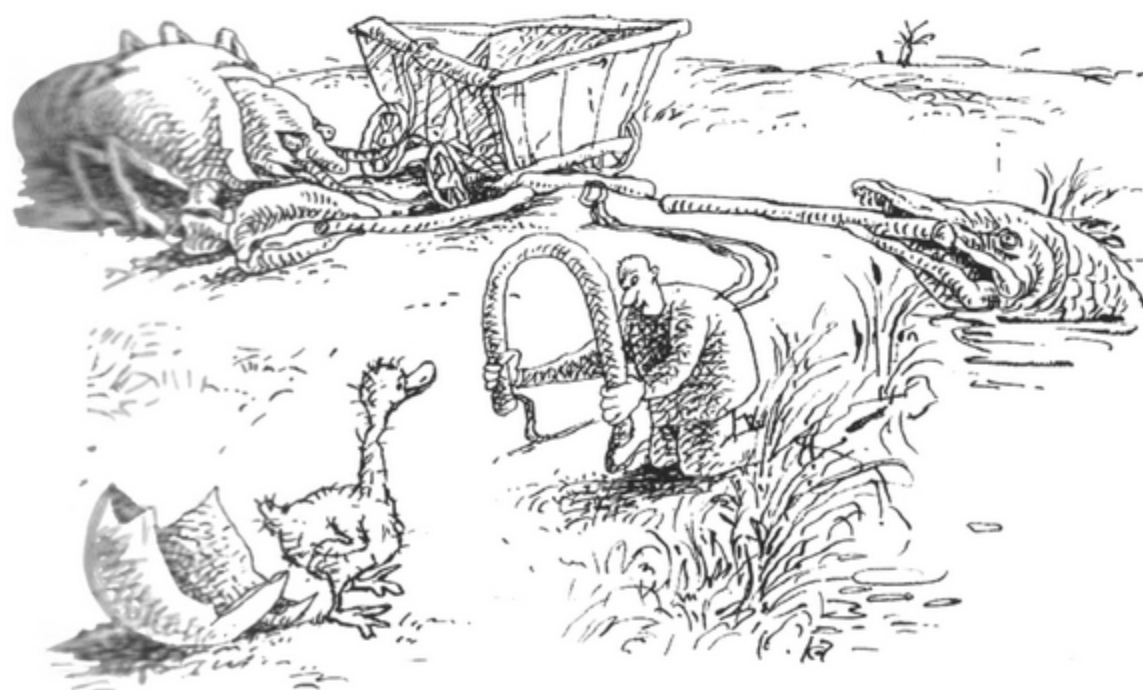
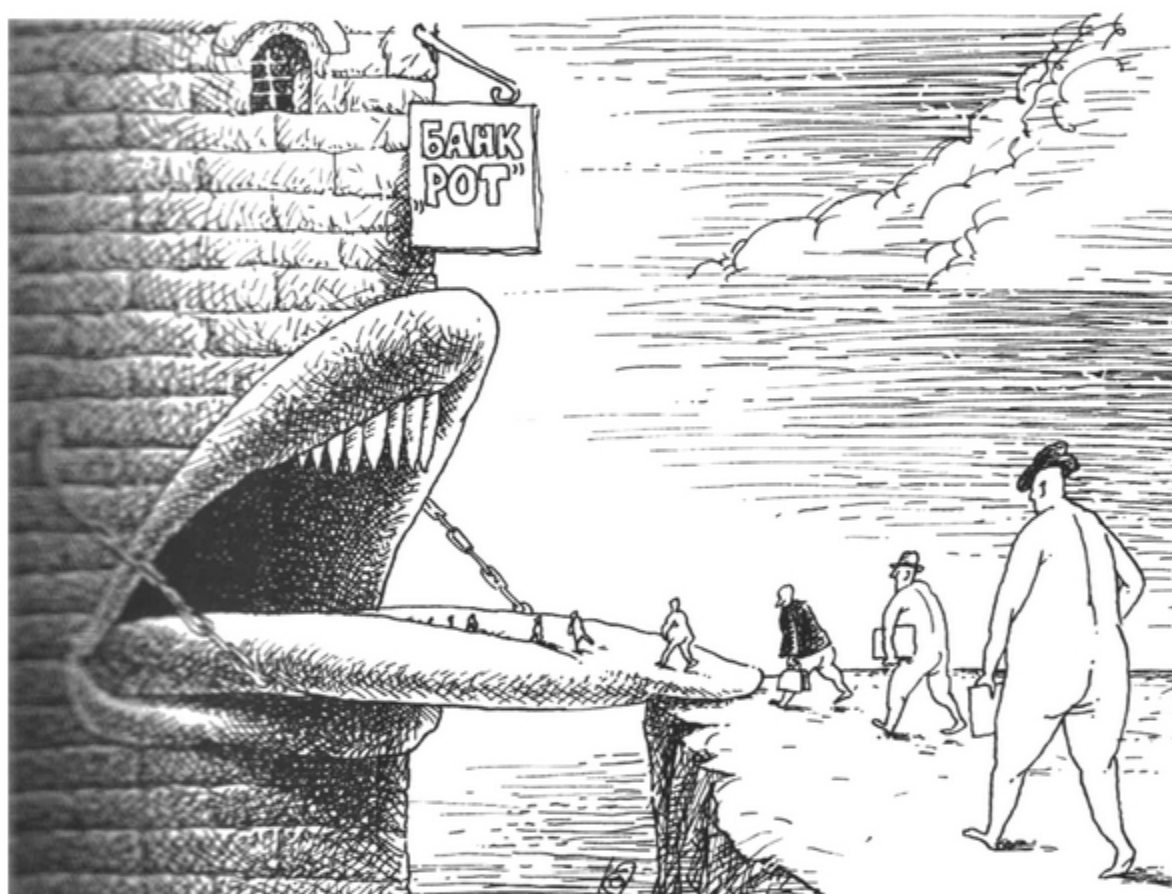

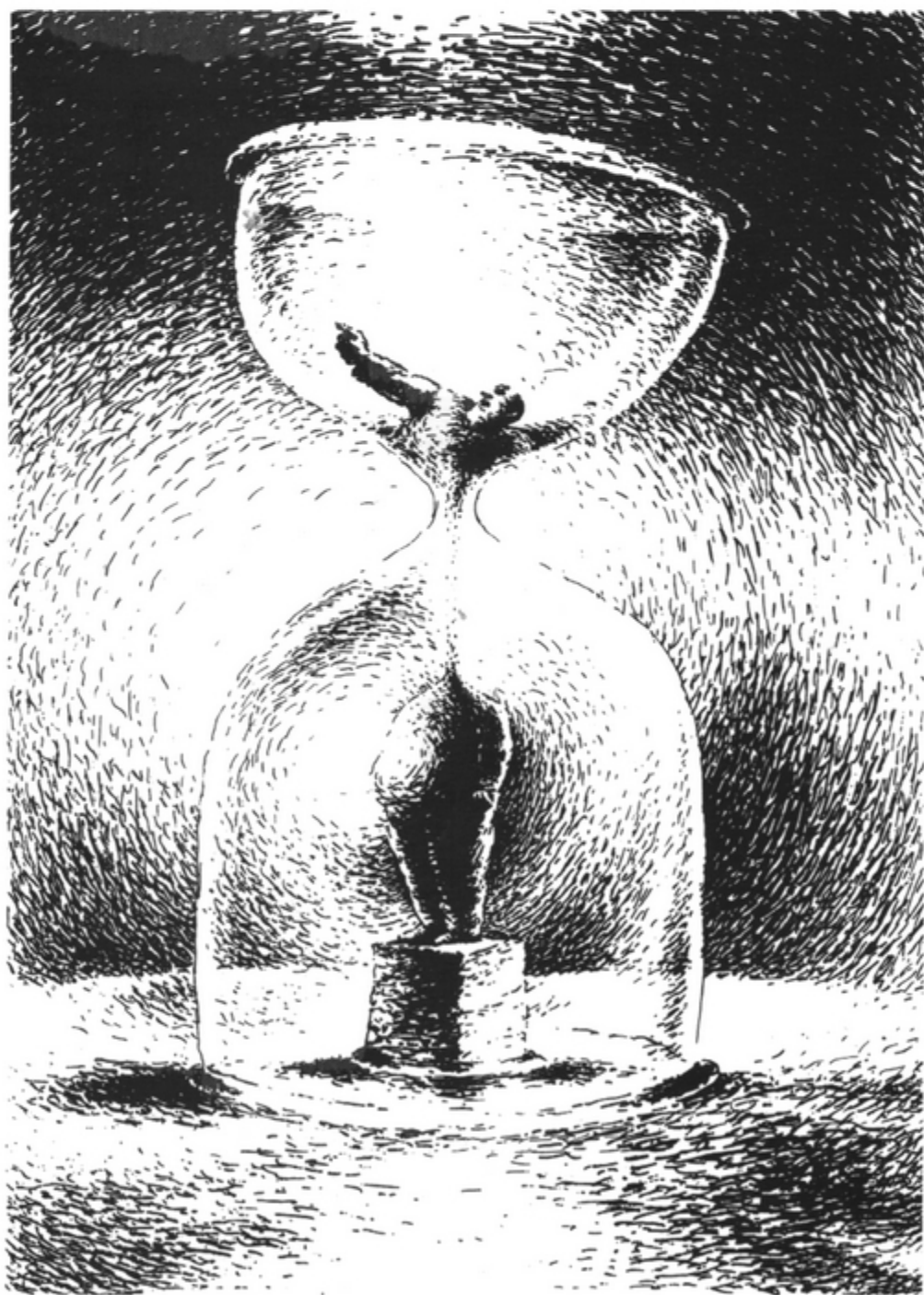
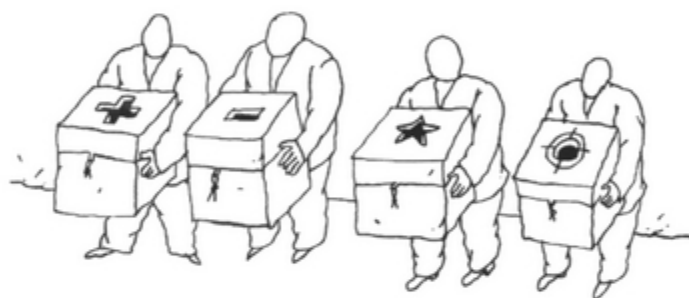
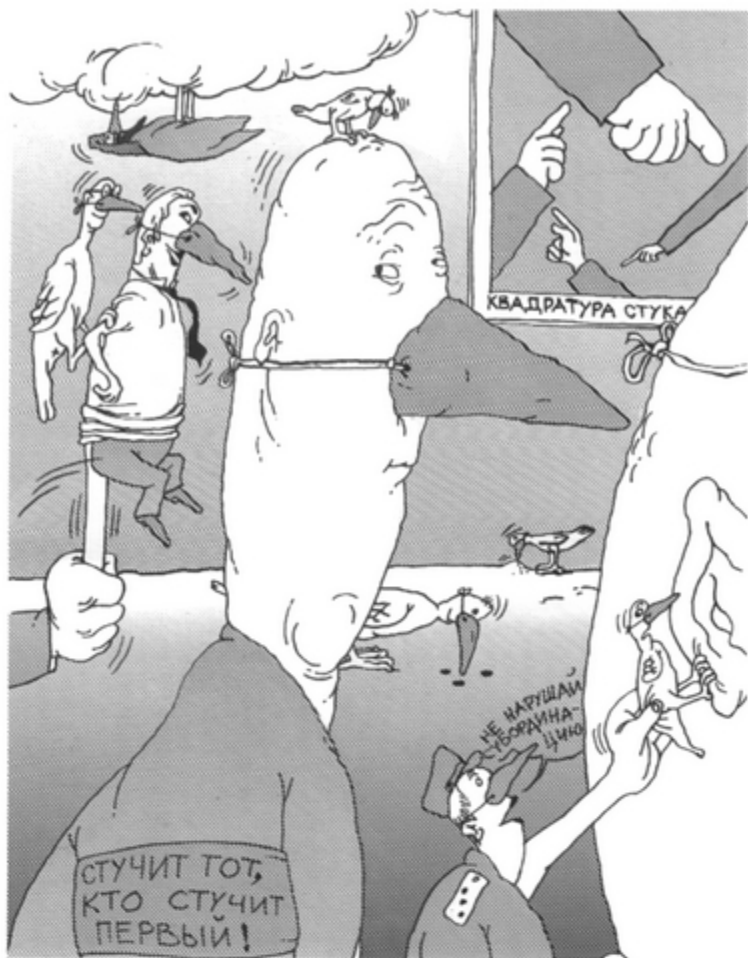

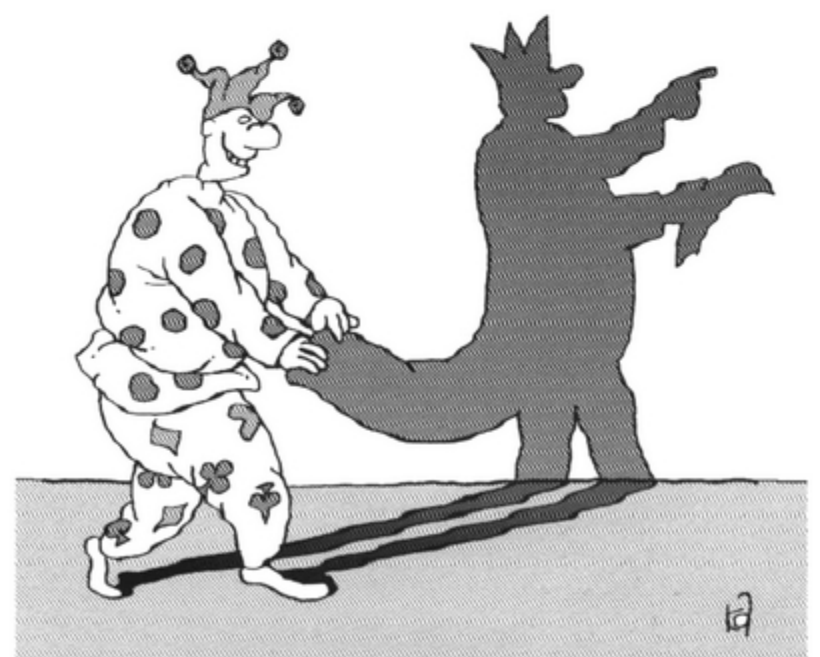
©

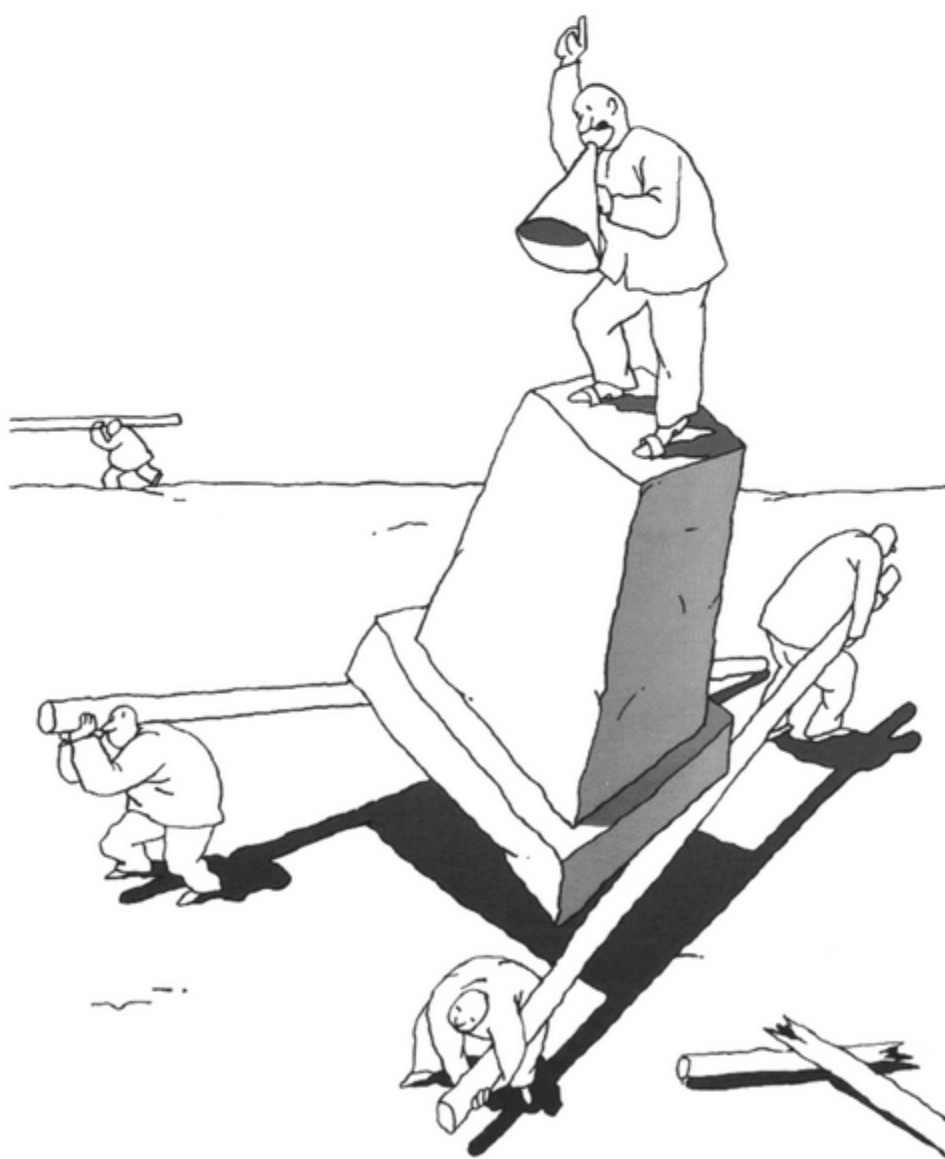
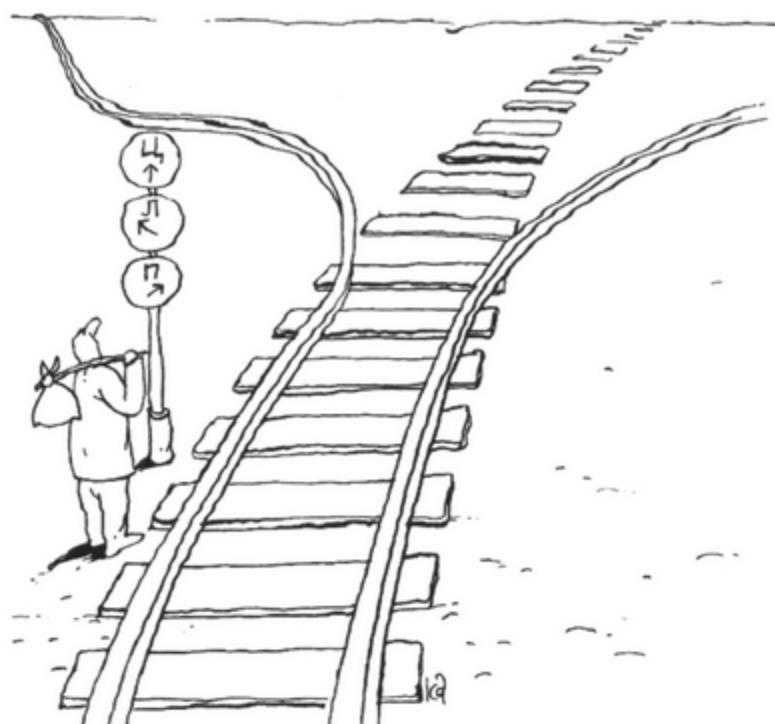

©

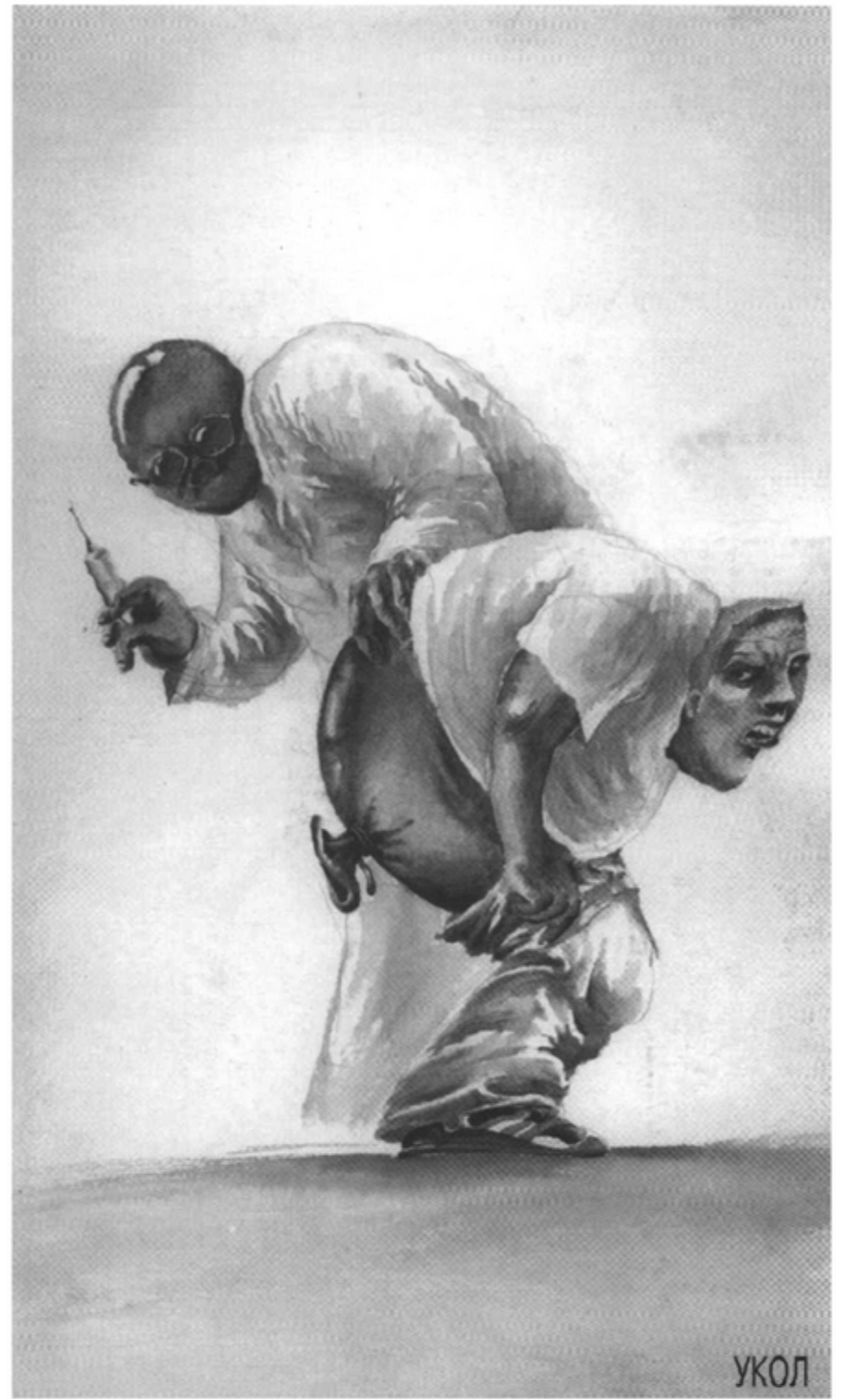
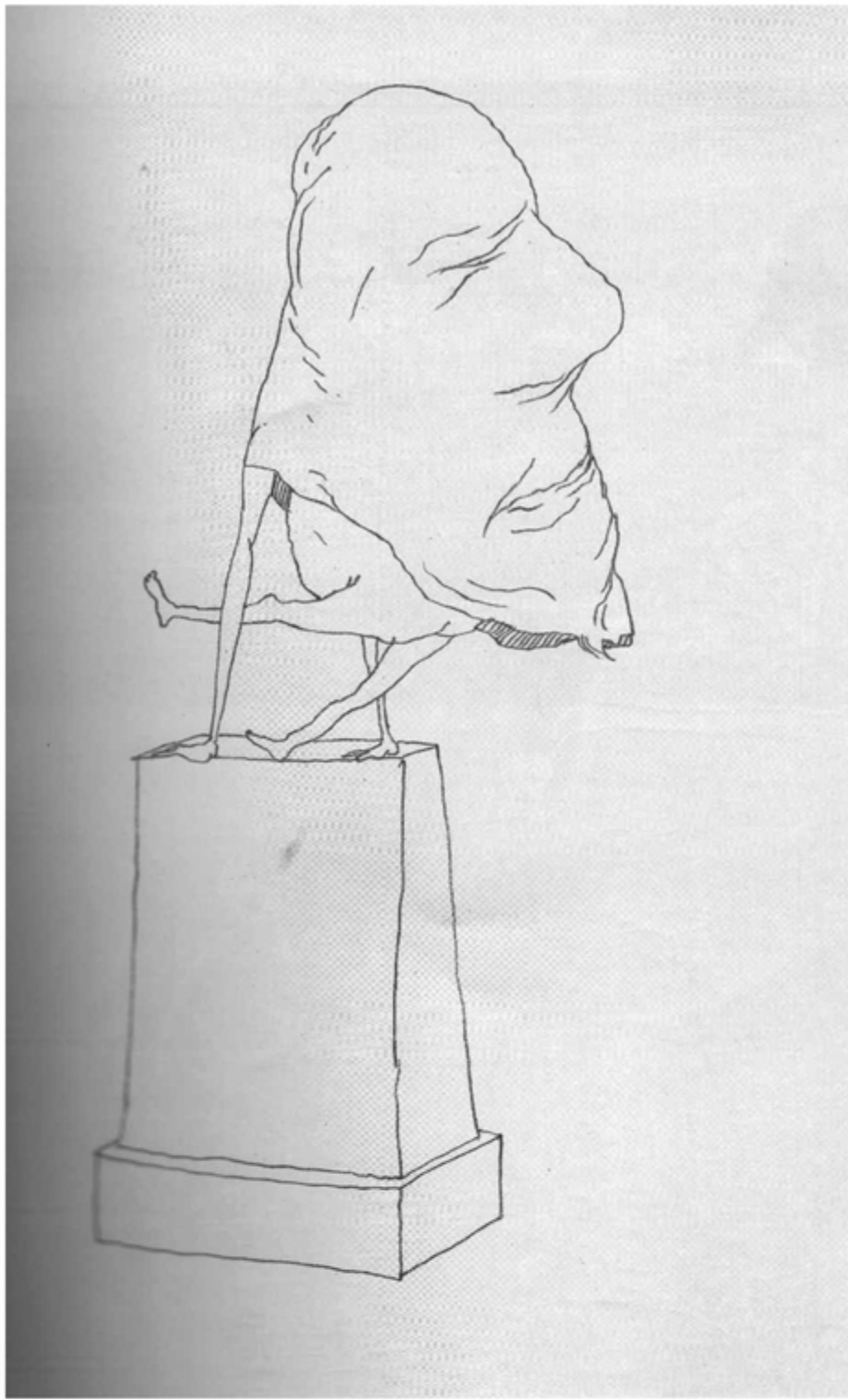

©

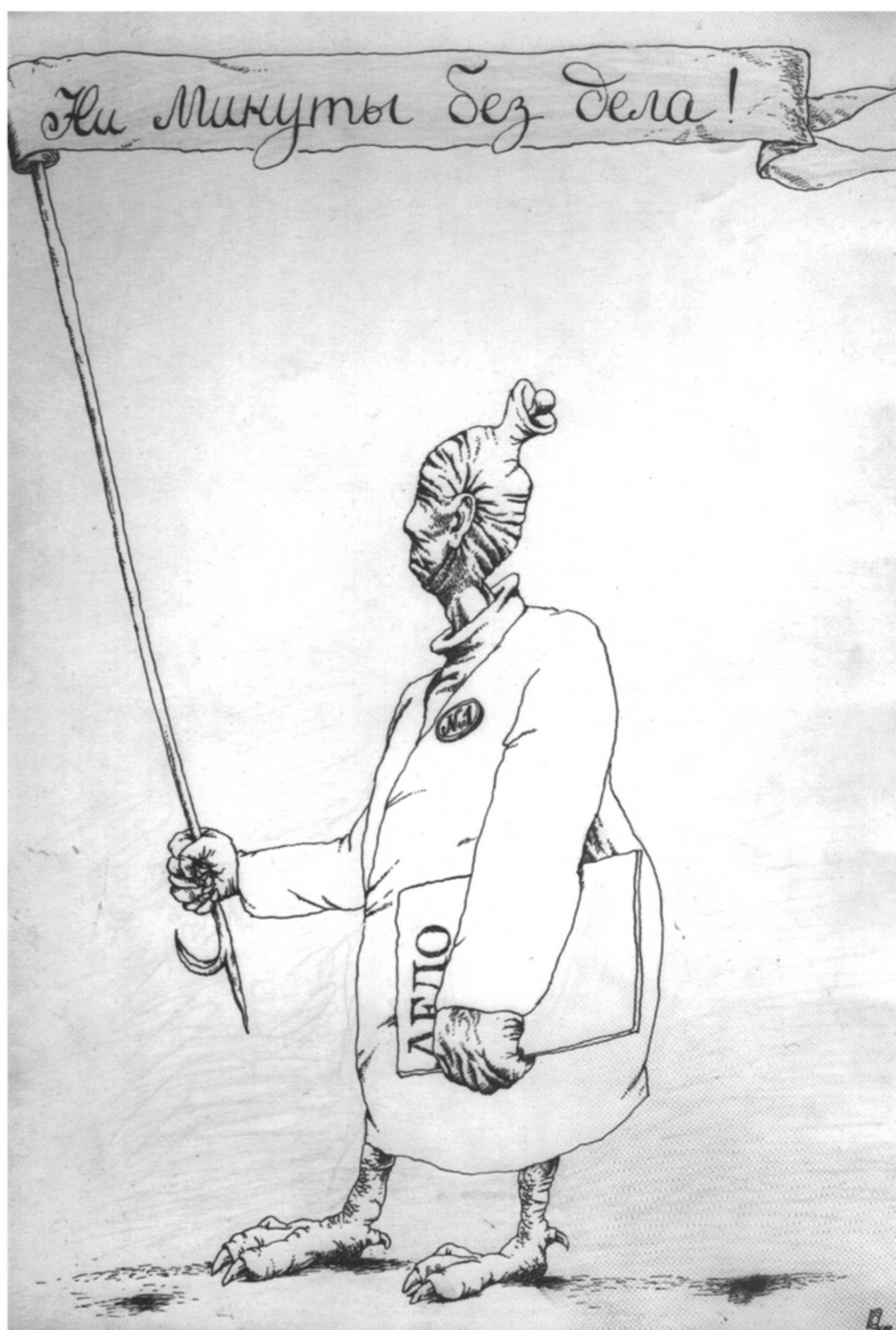
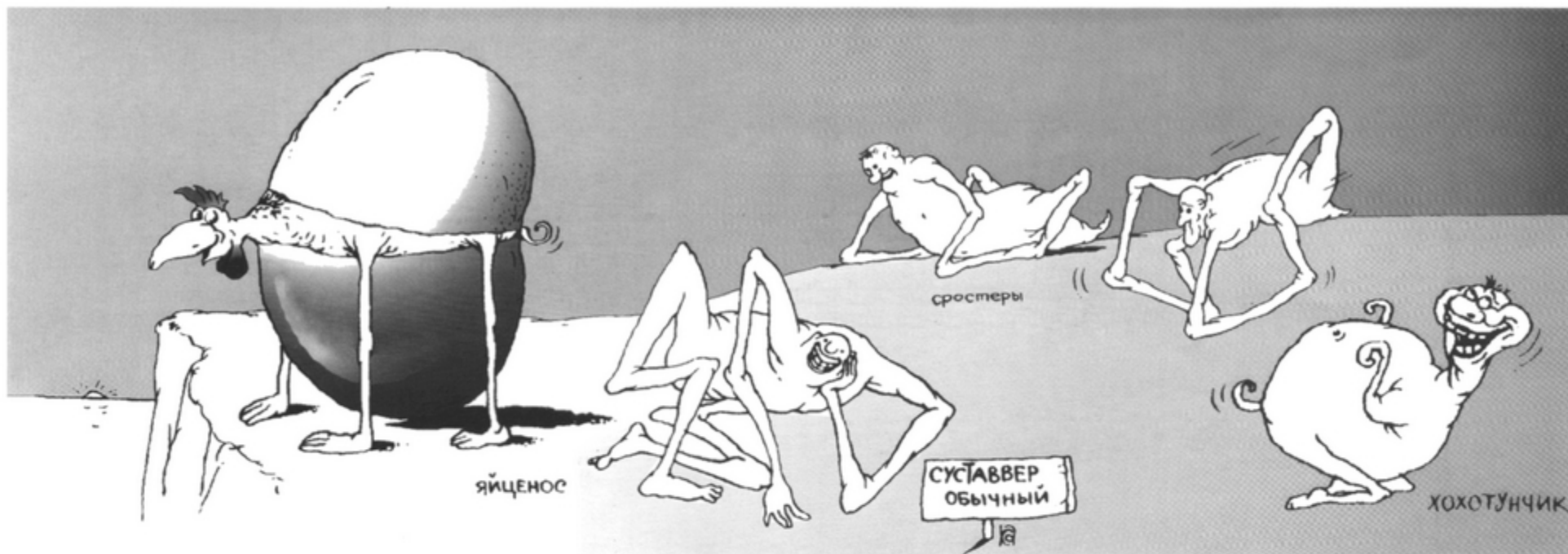

УКОЛ

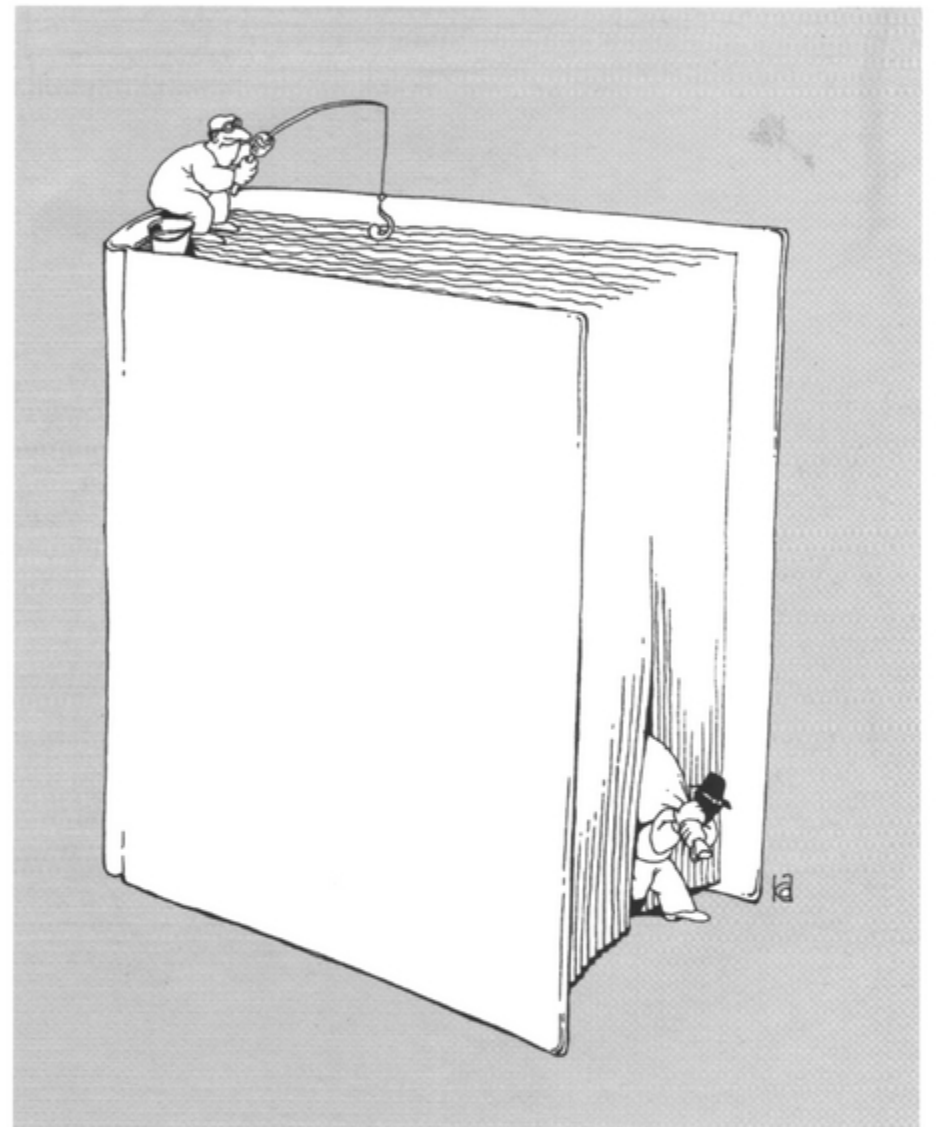
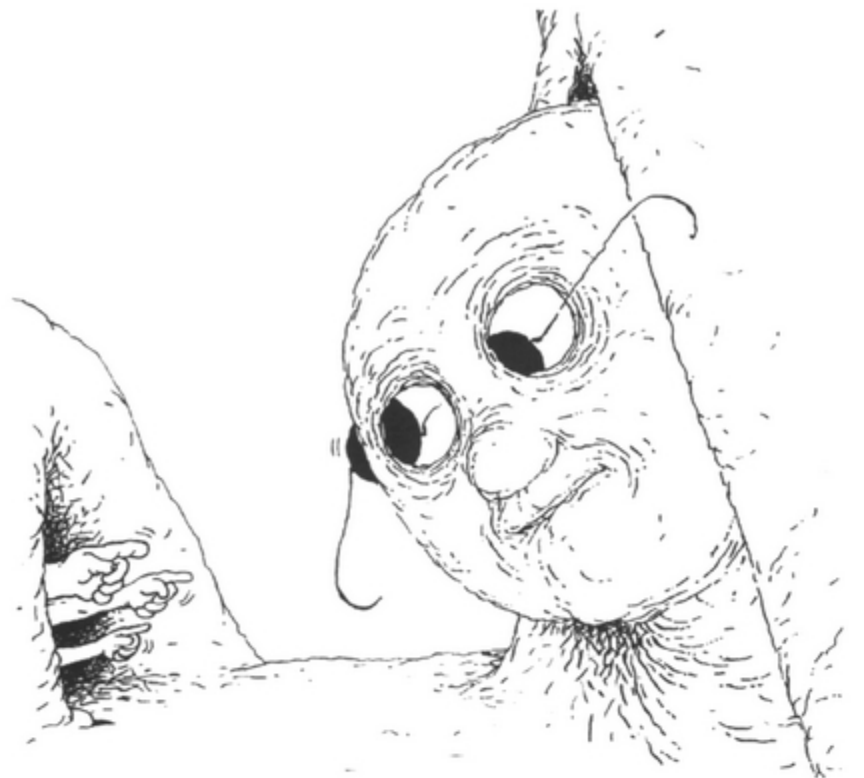

Копирование
вступило 20
А.В.

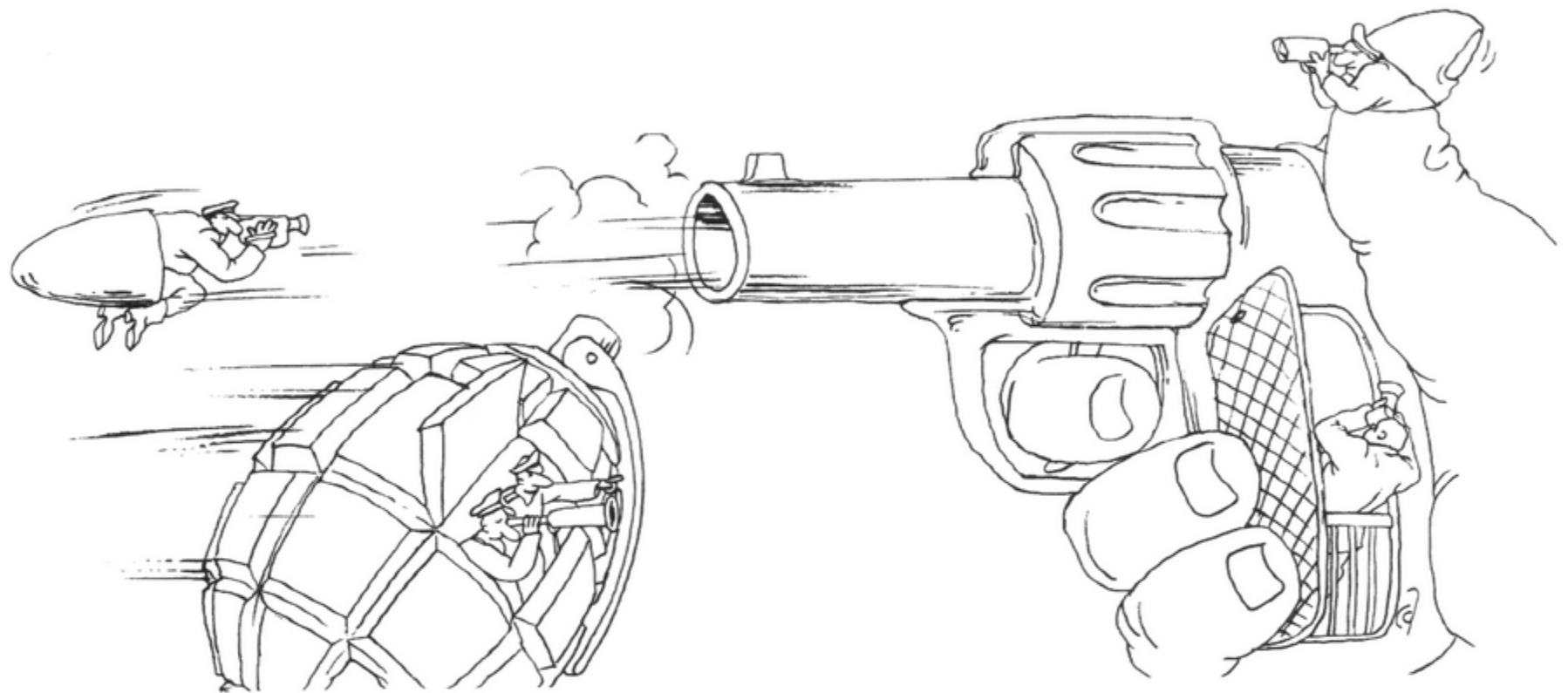
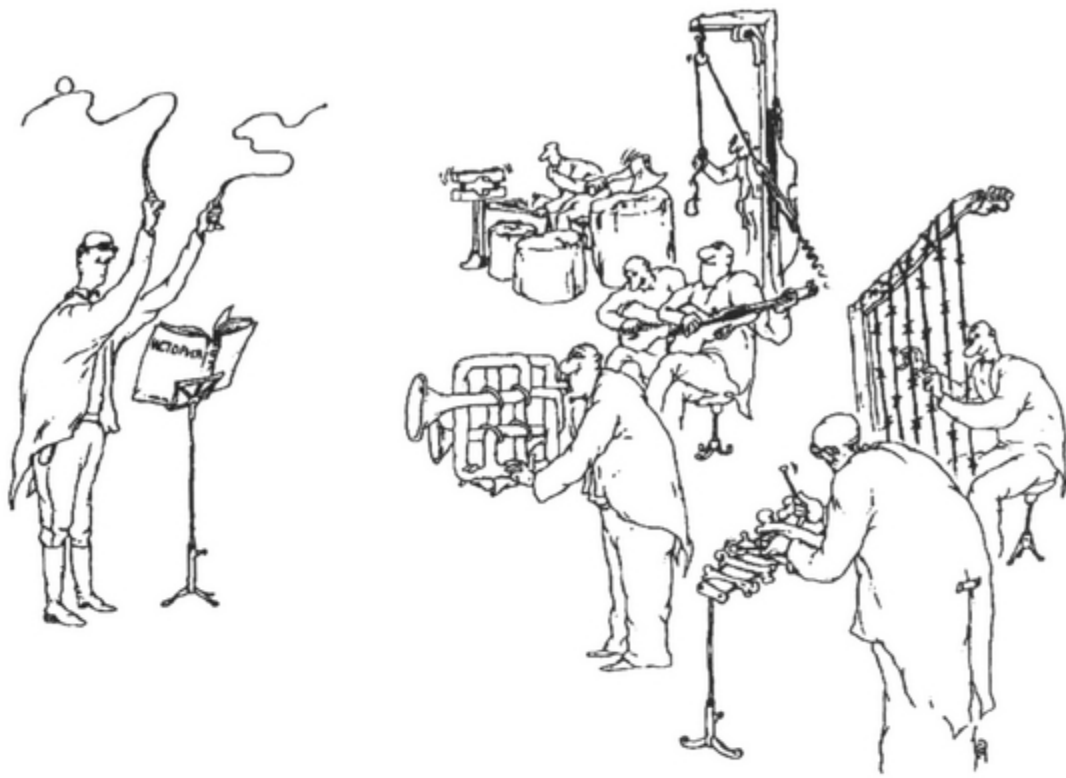
©

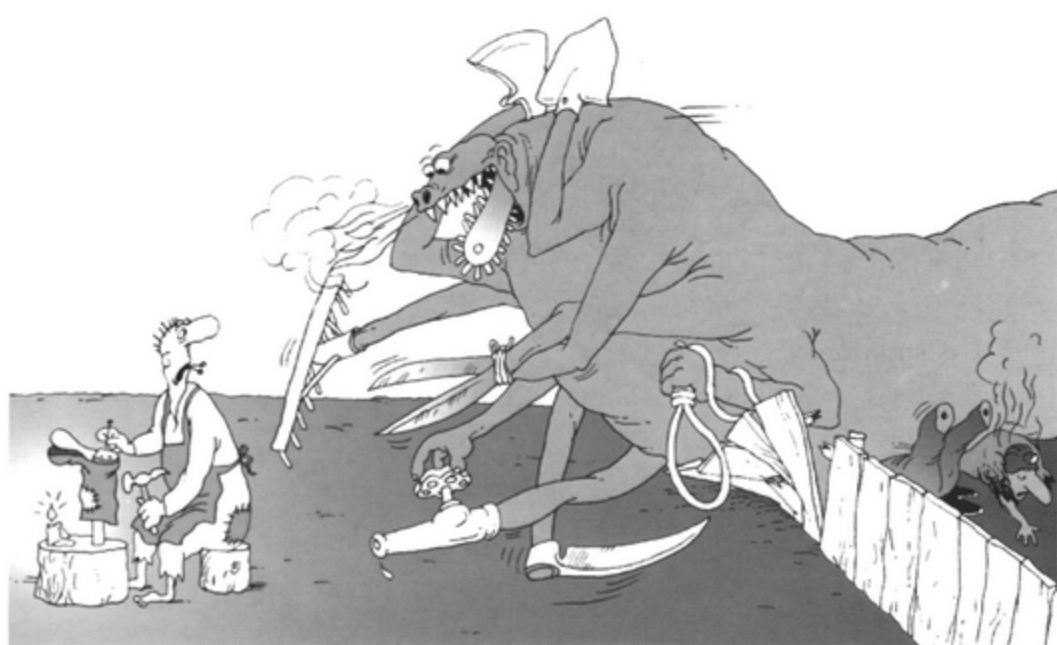
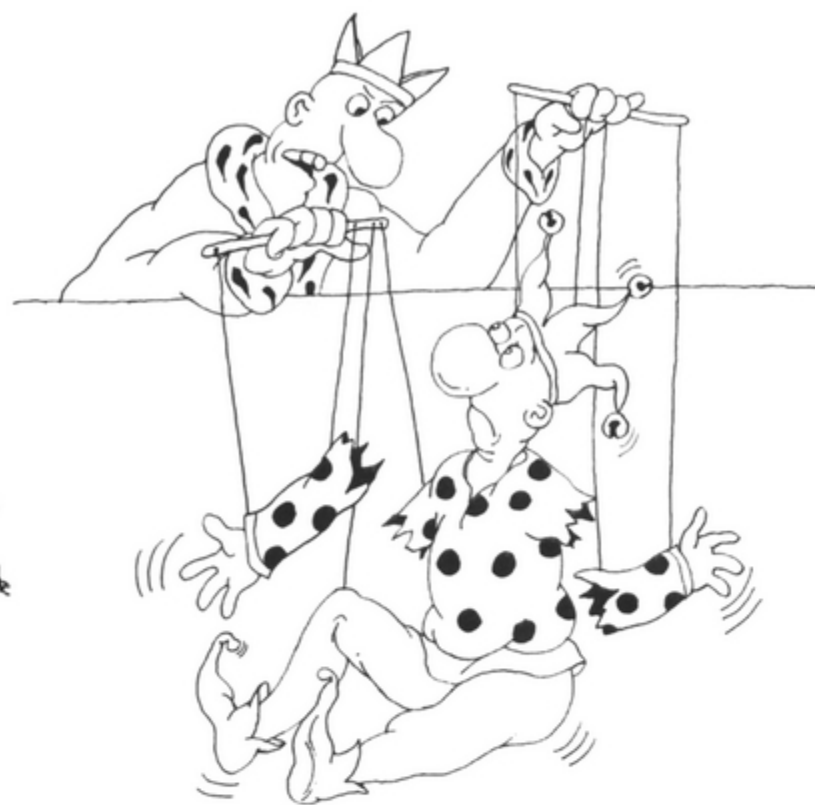
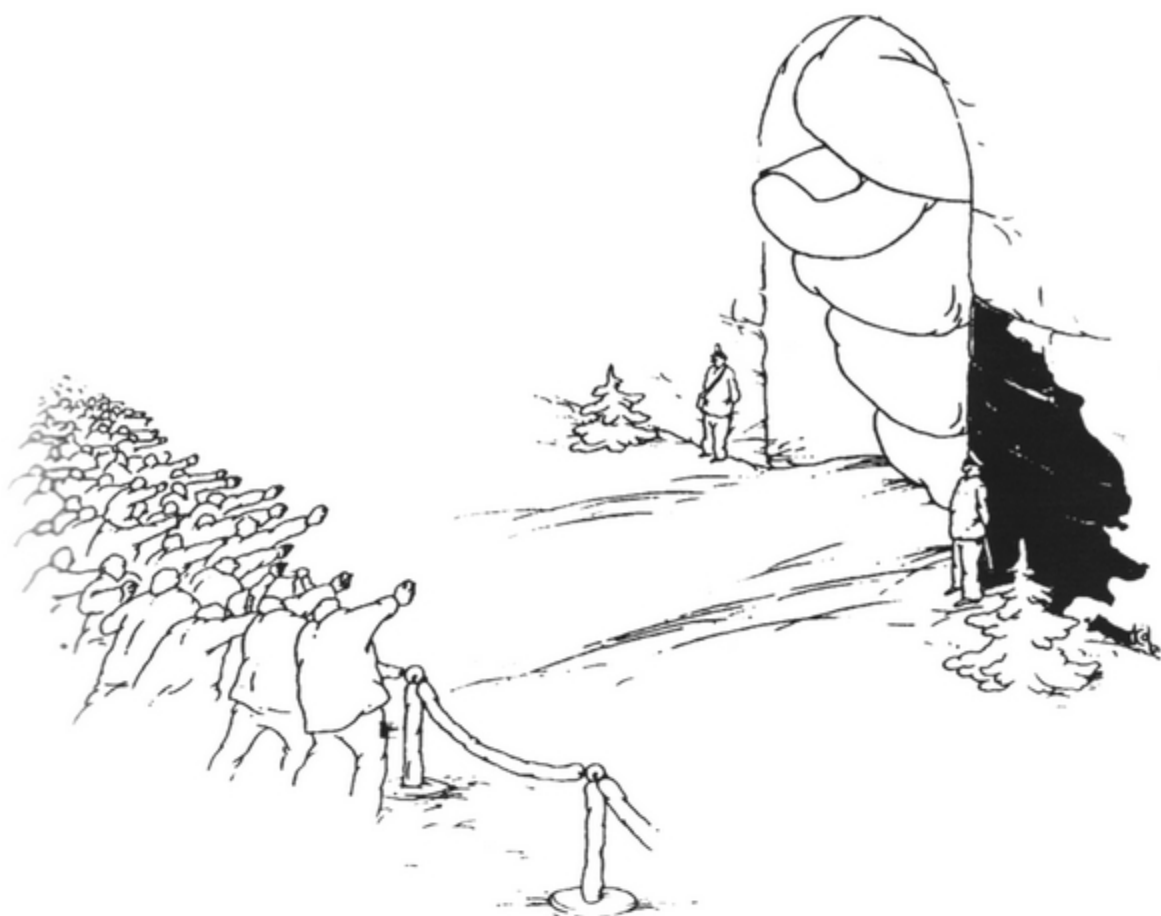

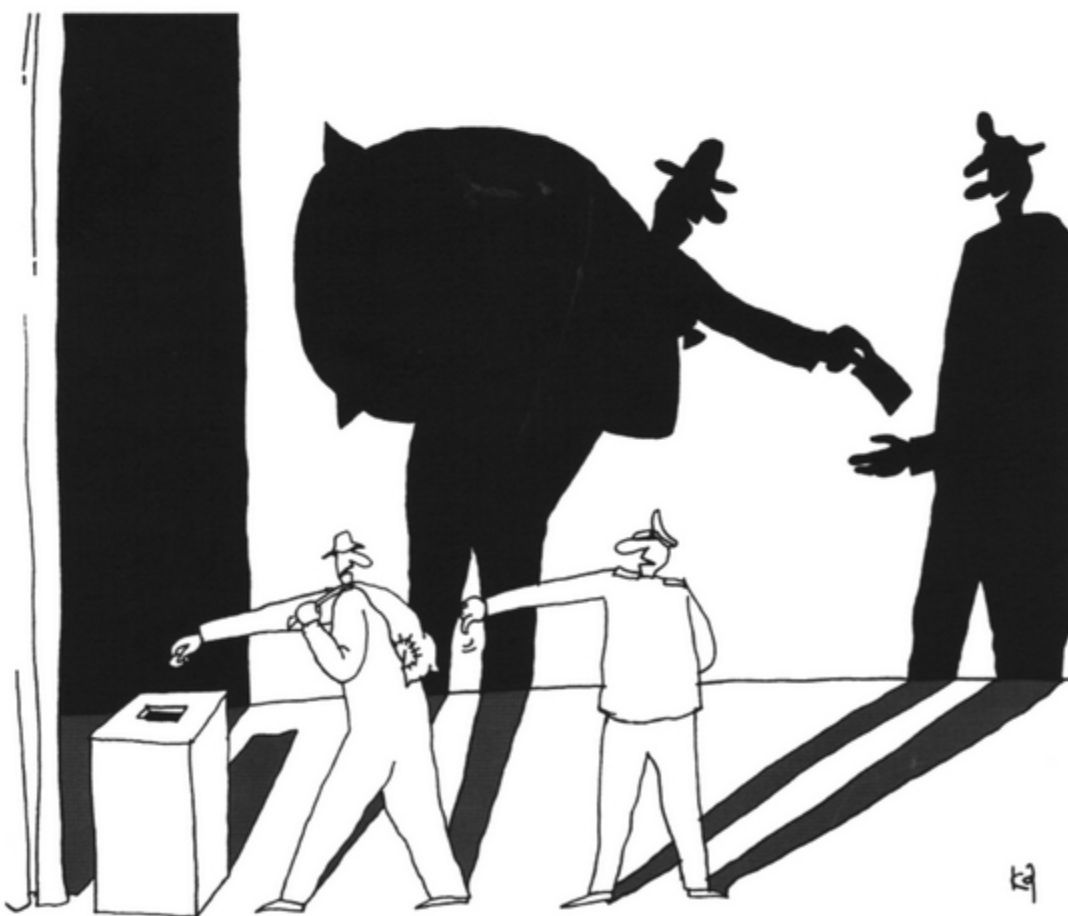
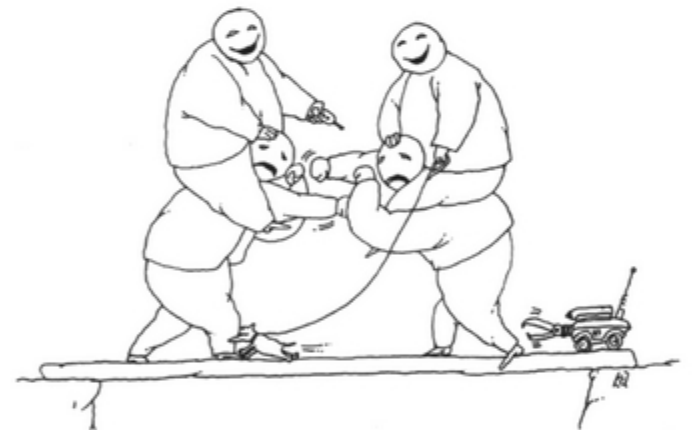
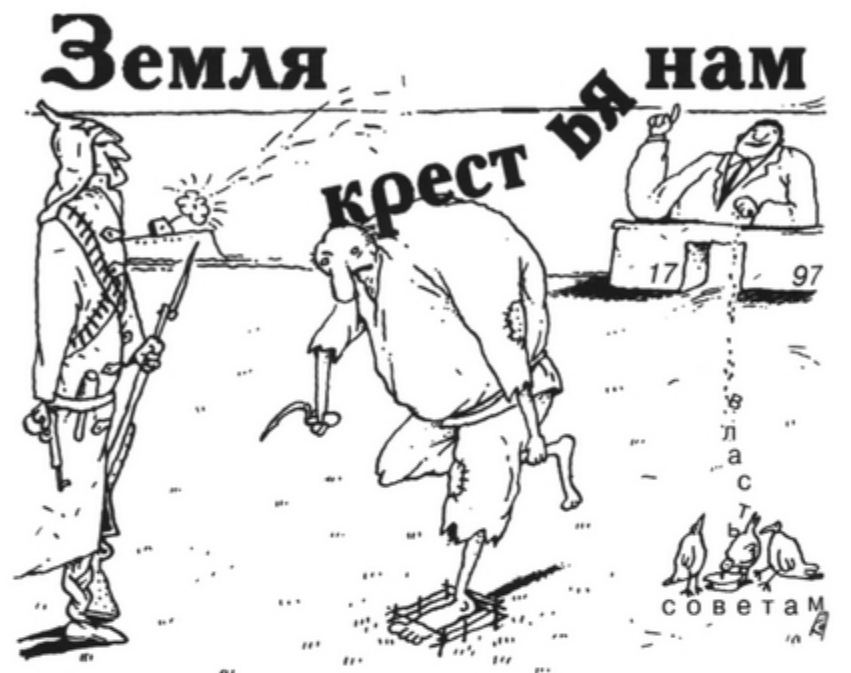
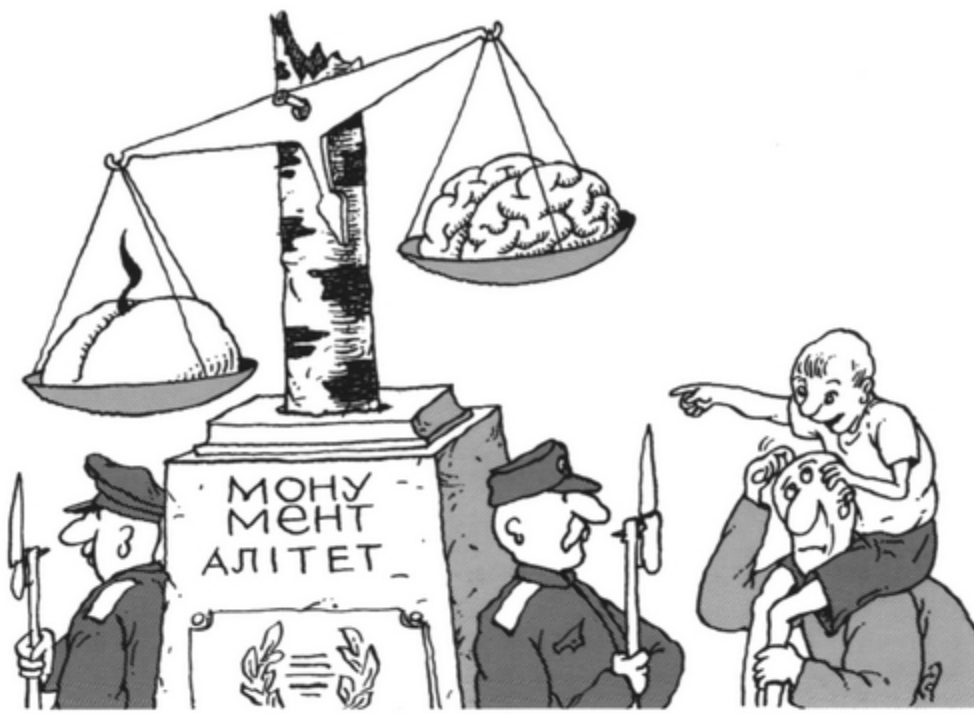

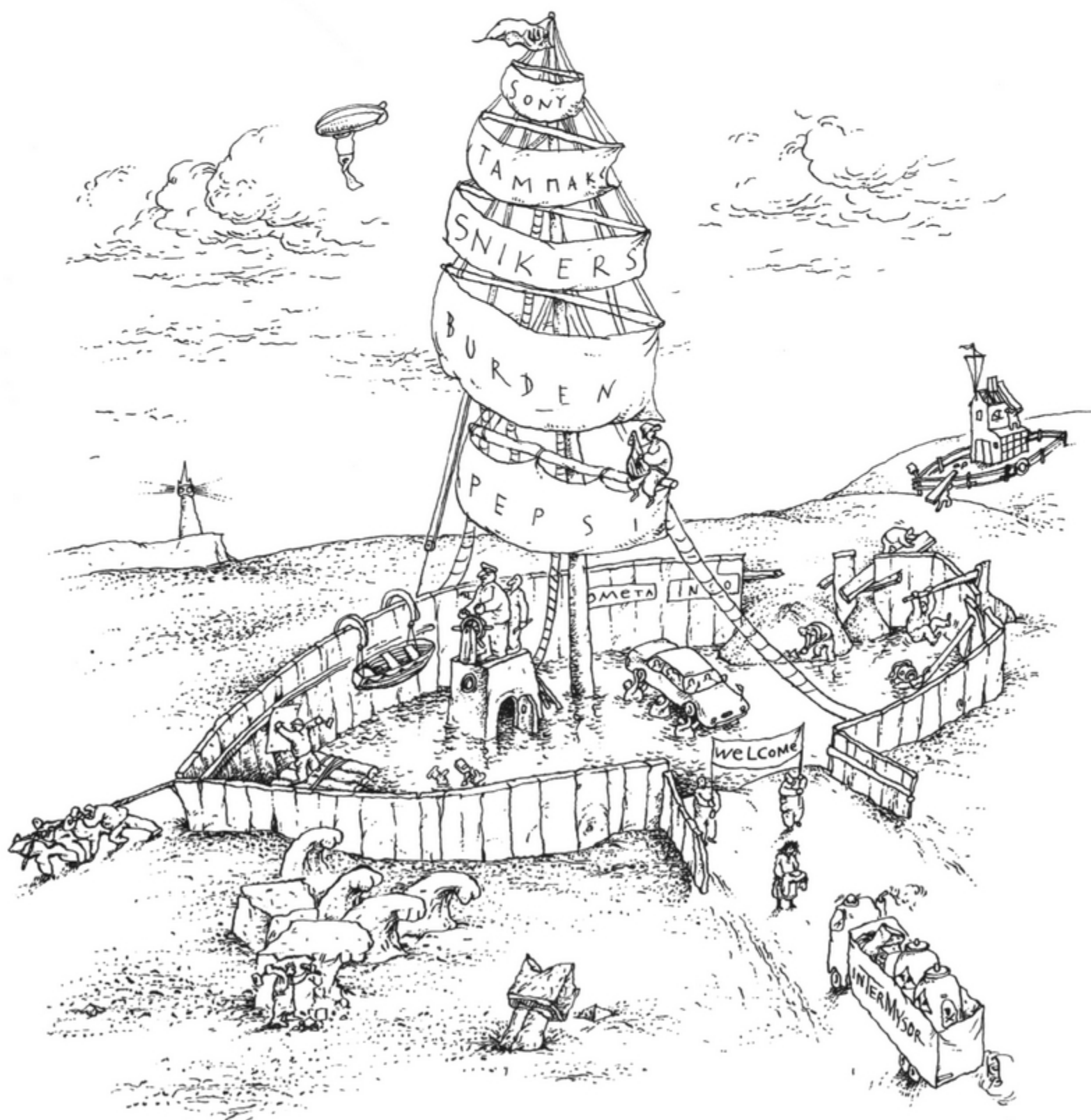

3 (ТРИ) ветки власти (независимой)

ТРИ ВЕТВИ ВЛАСТИ НЕЗАВИСИМОЙ ©

Three independent power branches

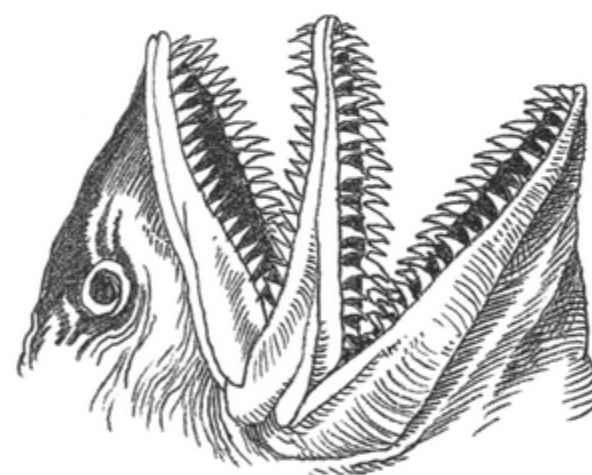
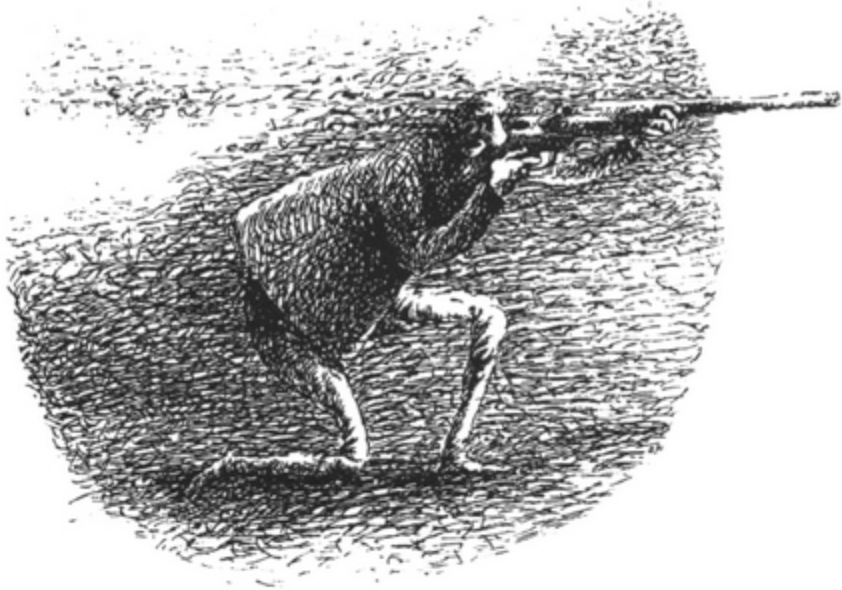

ЧЕЛОВЕК-ГРАНИТ
The person-granite

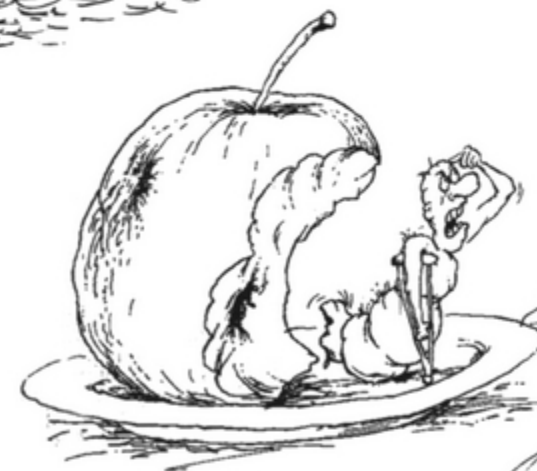
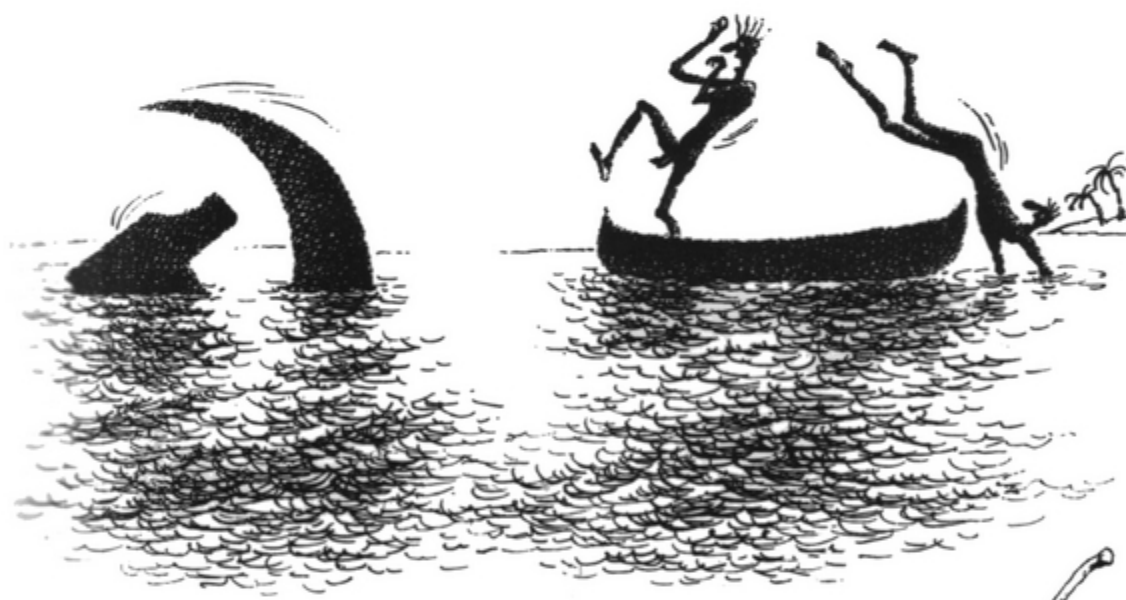
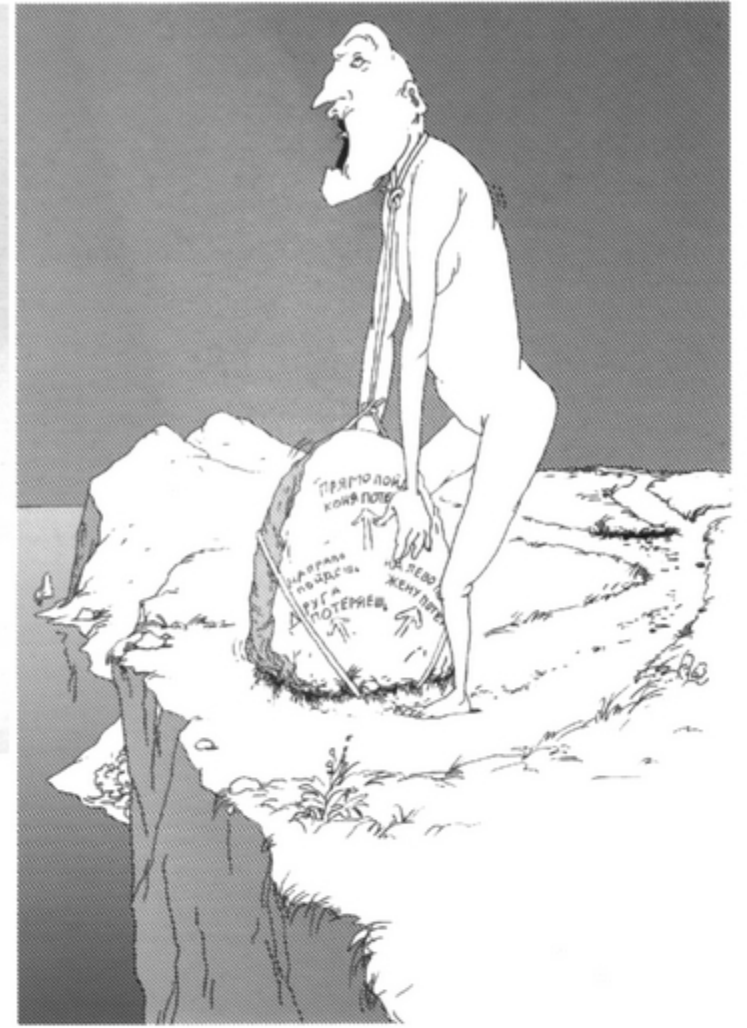

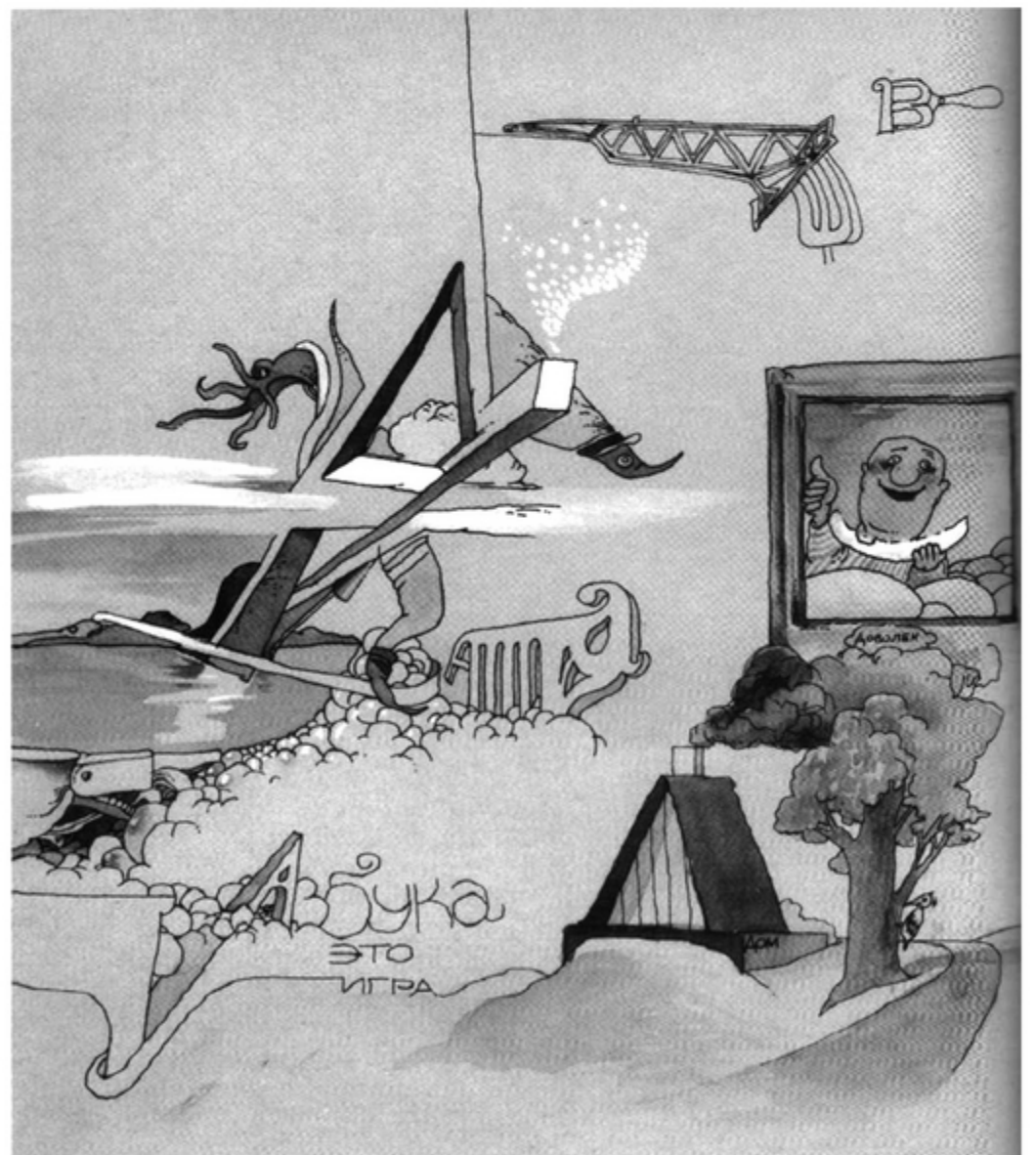
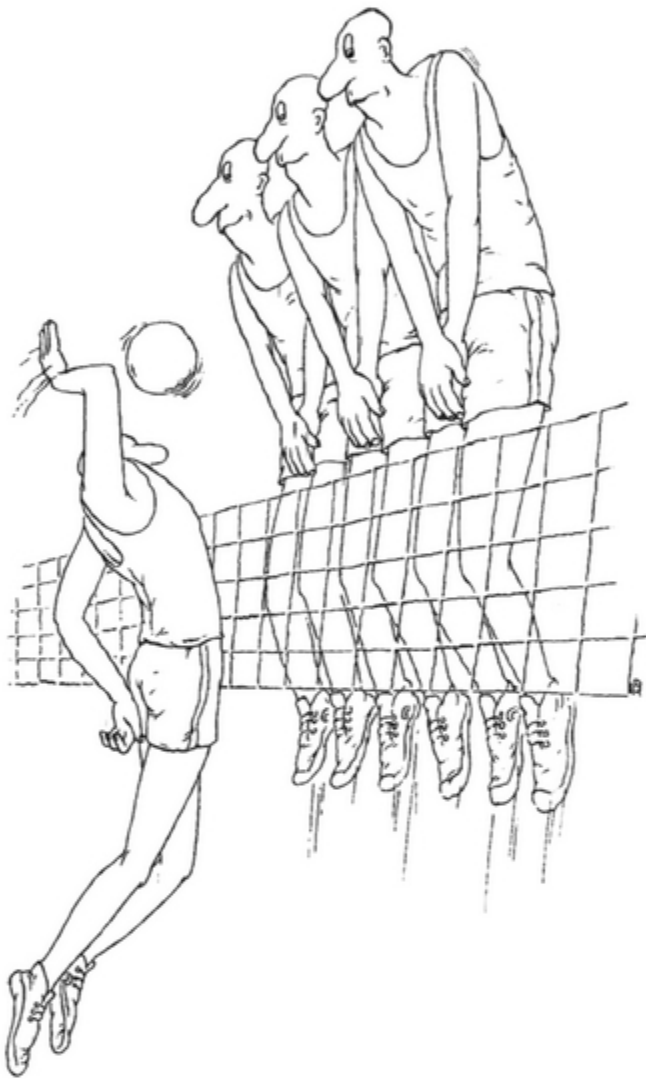
К

ТРИ ЧЕЛЮСТИ ВЛАСТИ
Three jaws of authority

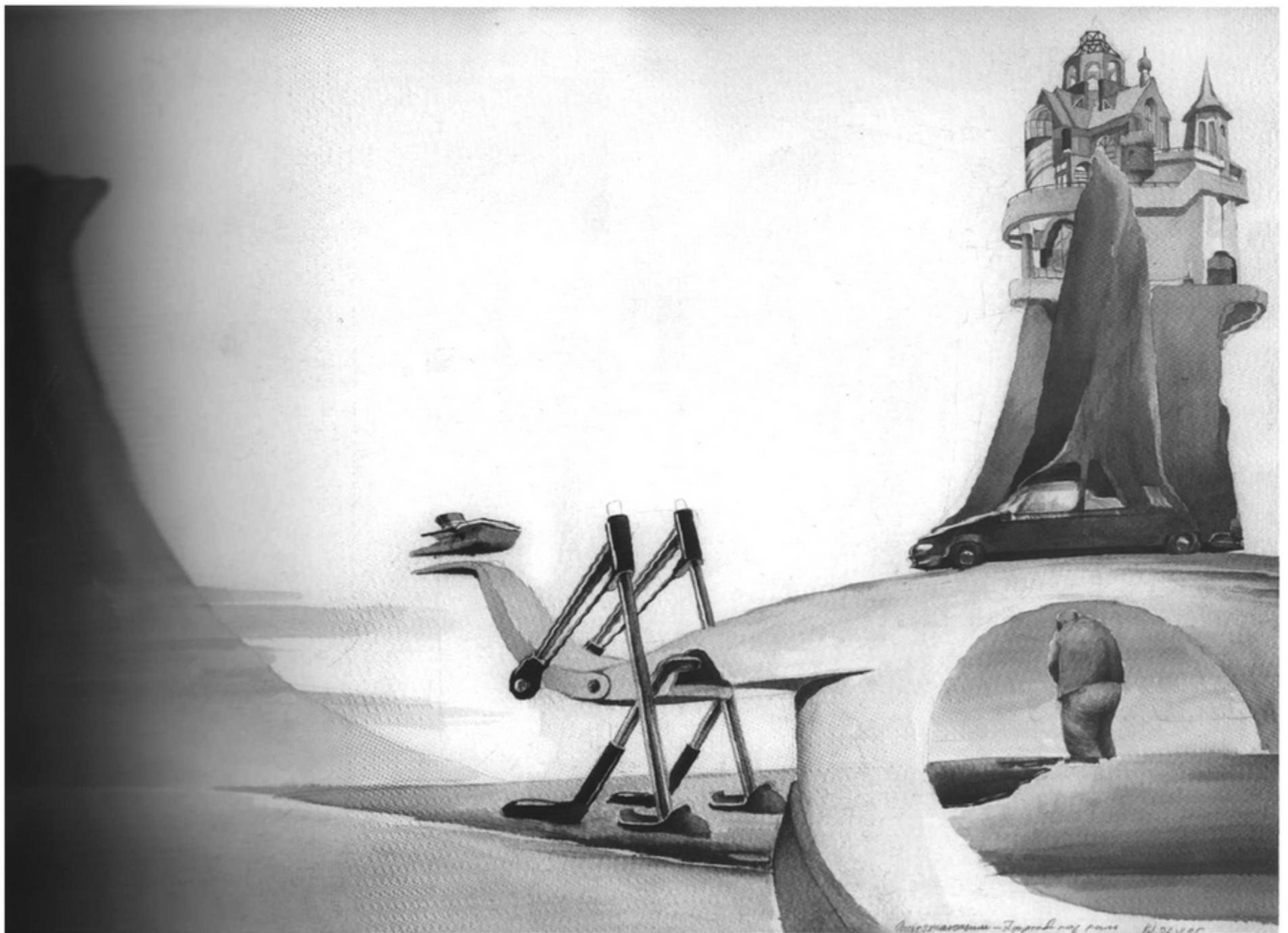
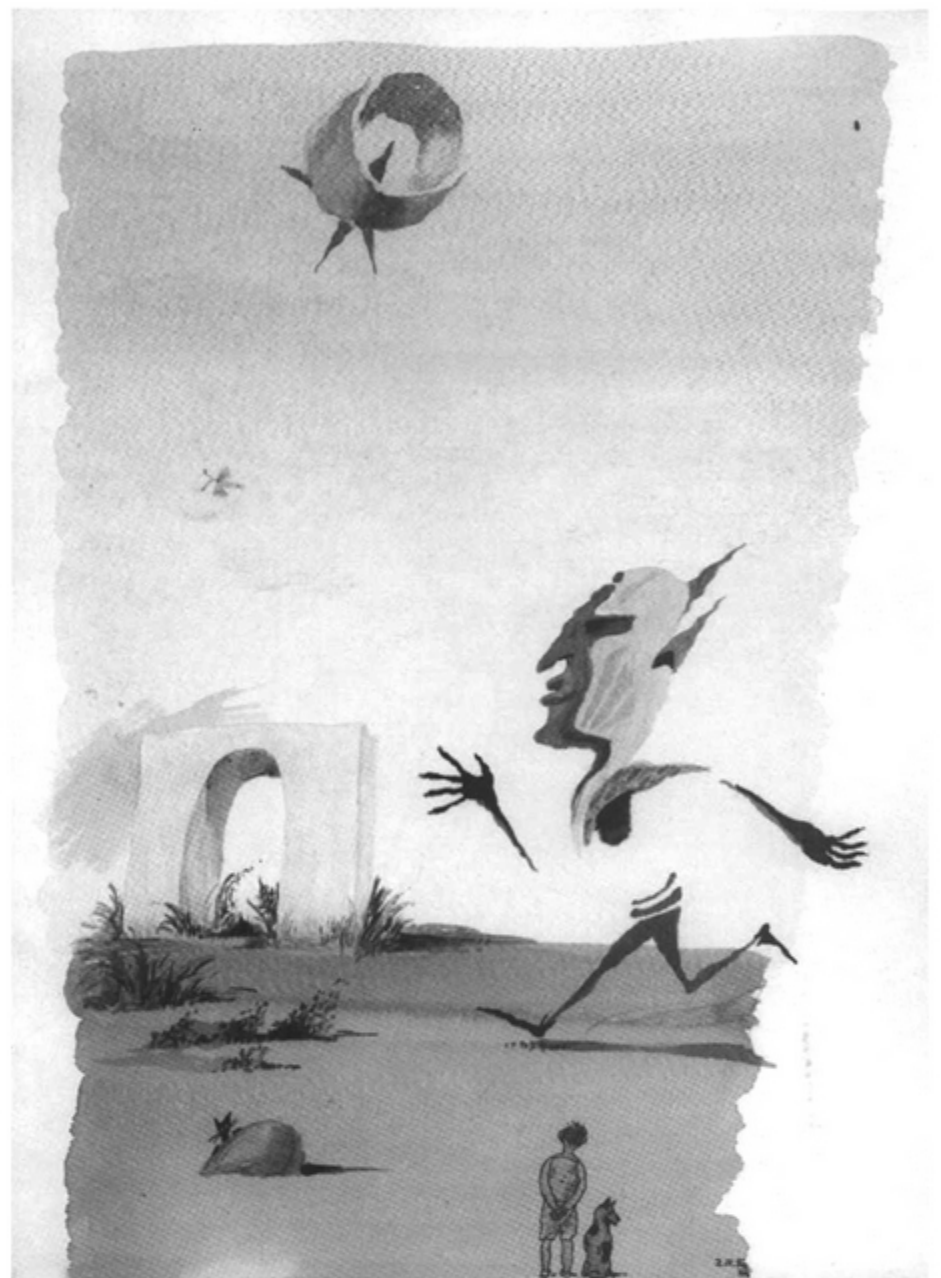
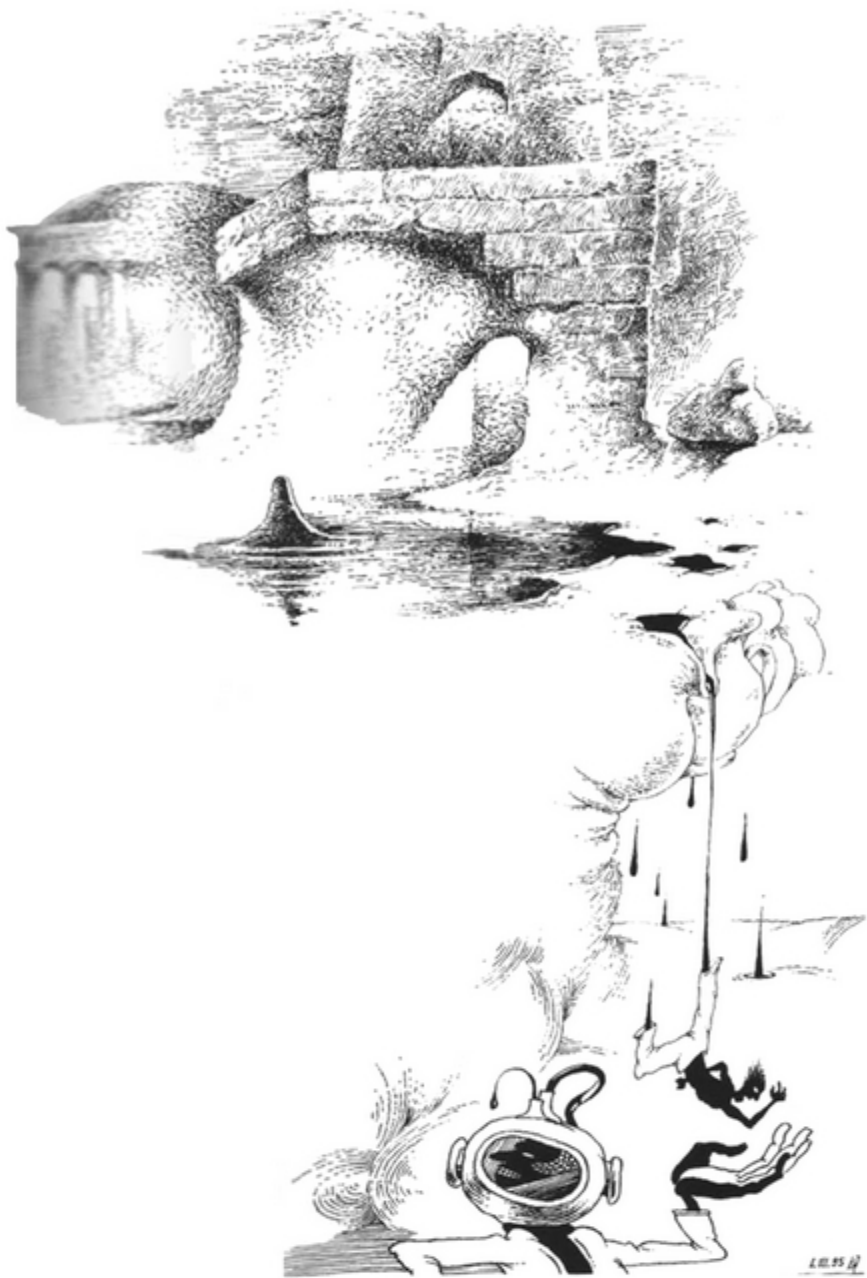

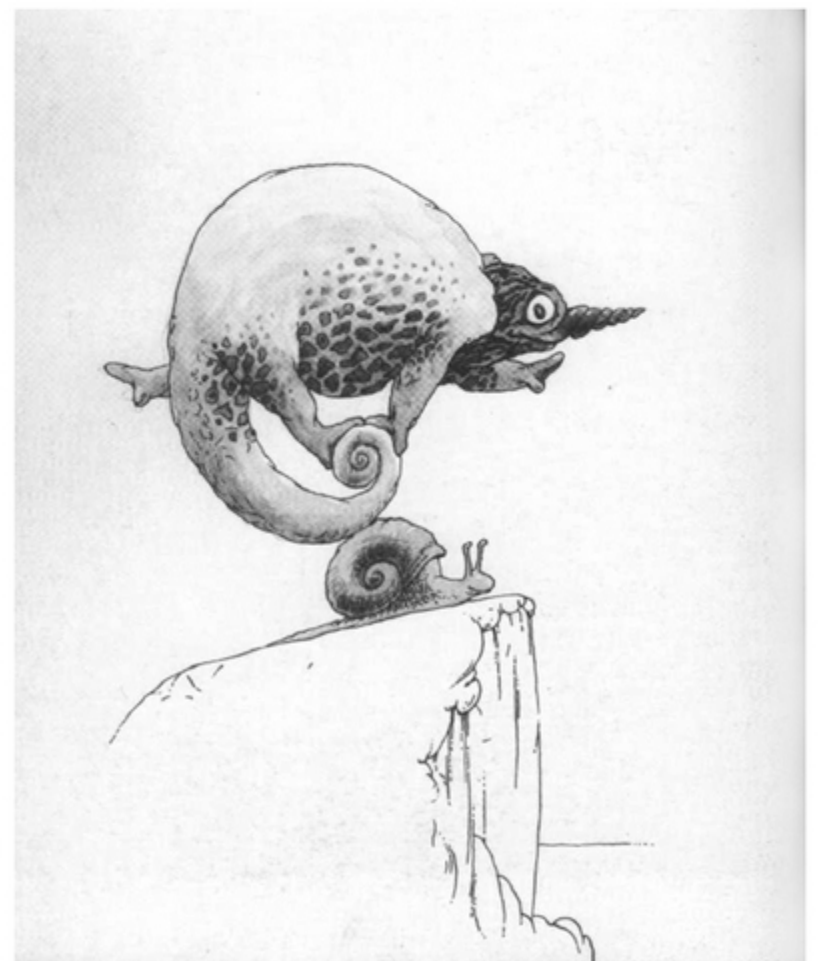
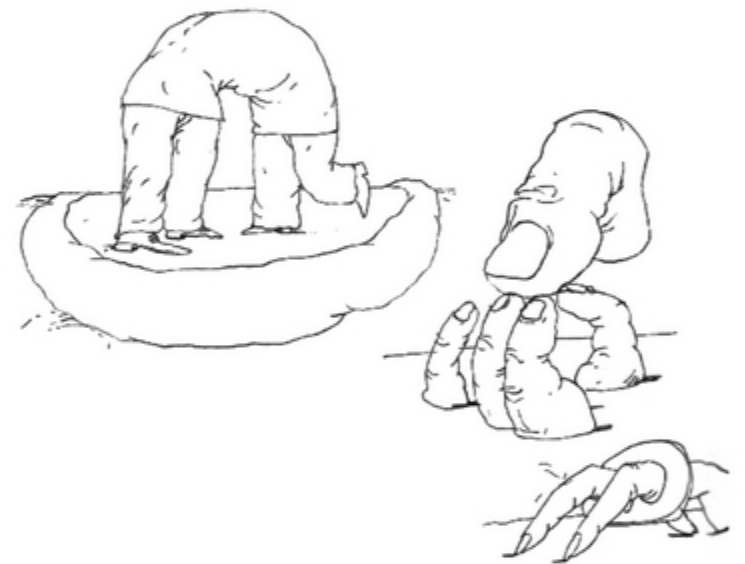
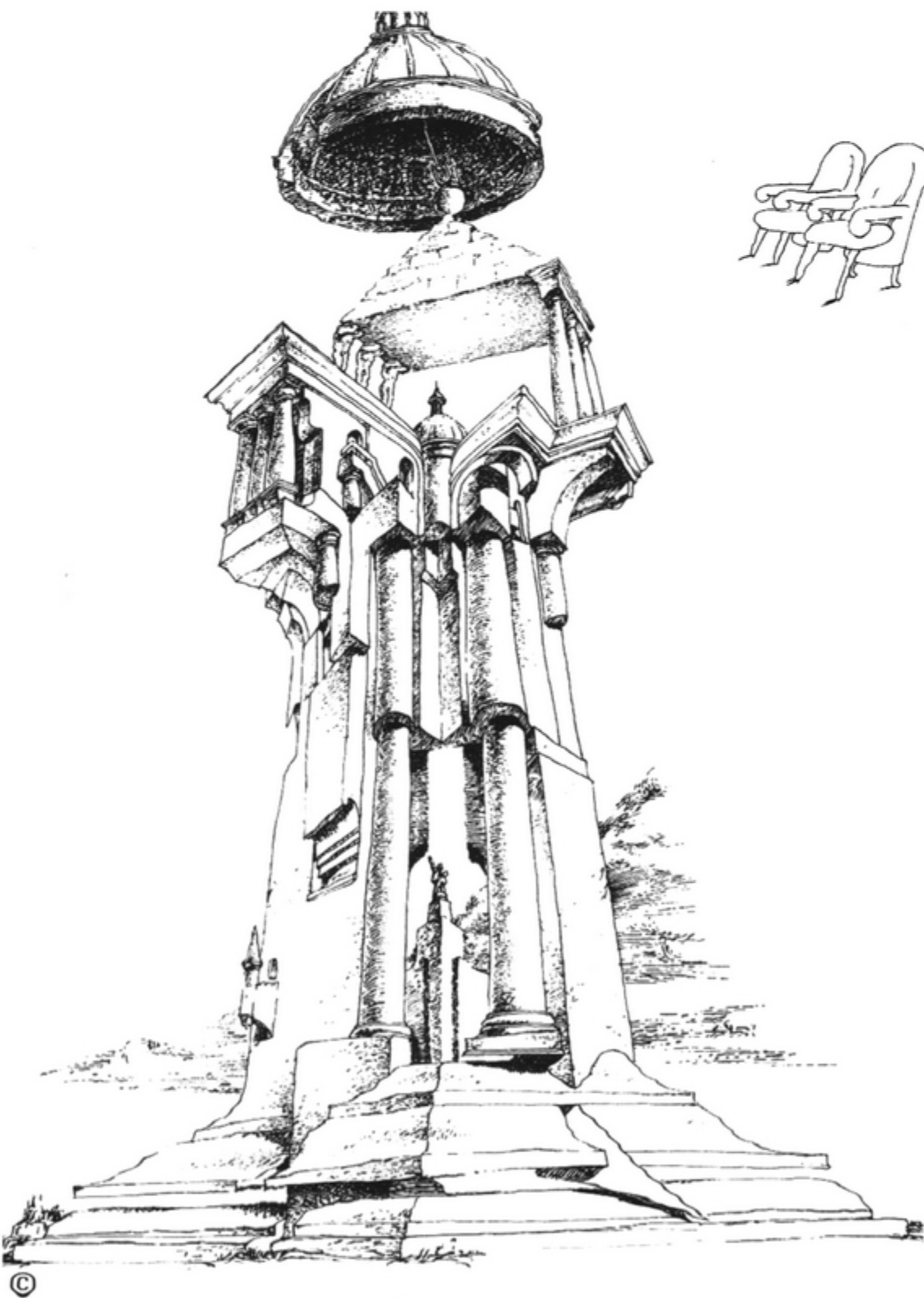
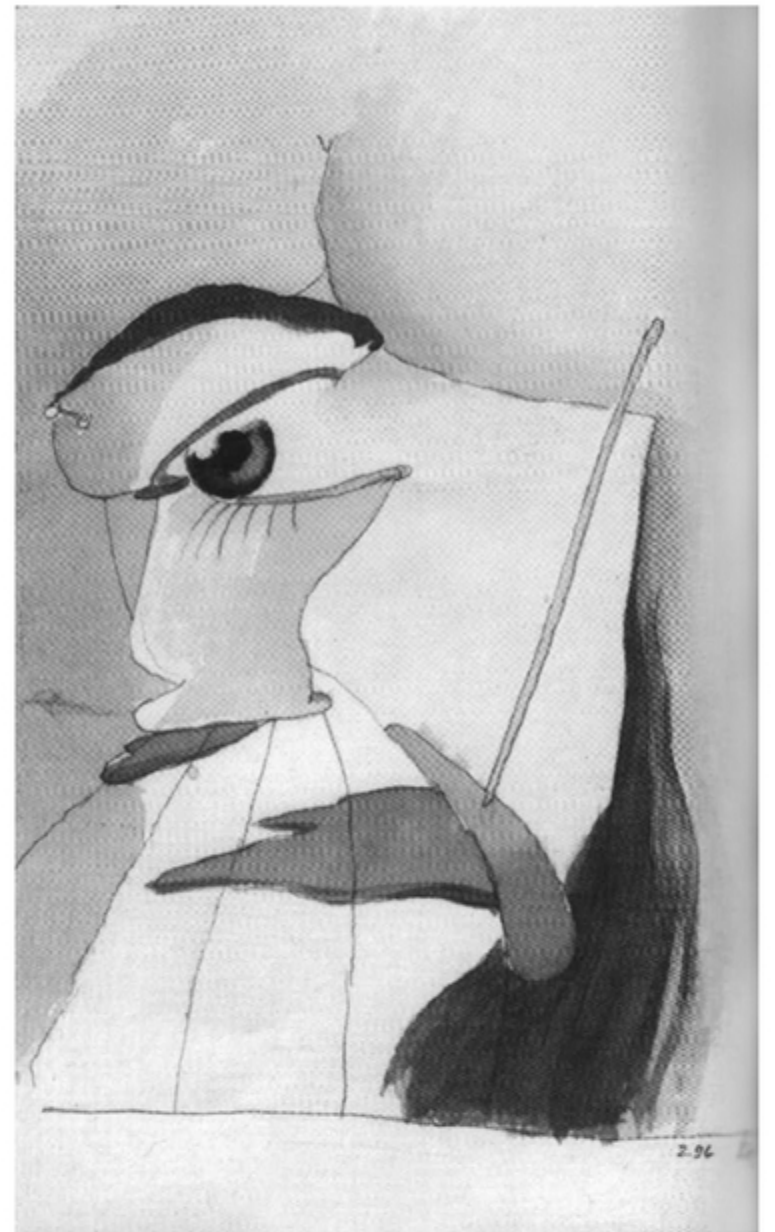

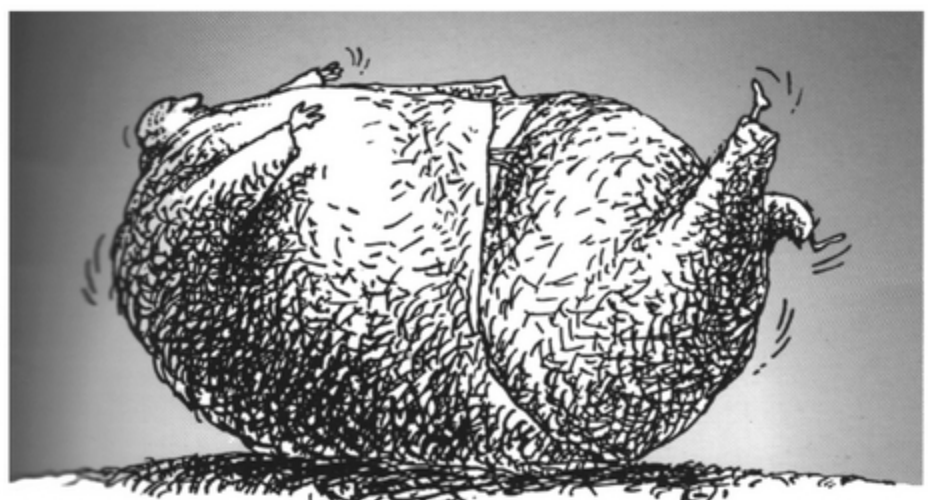
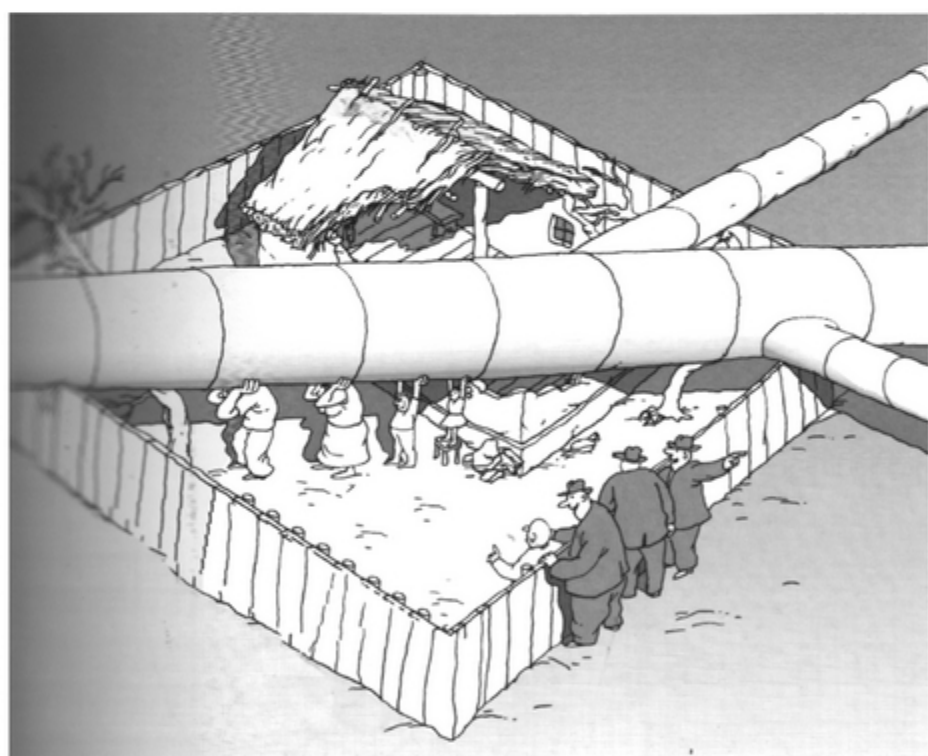

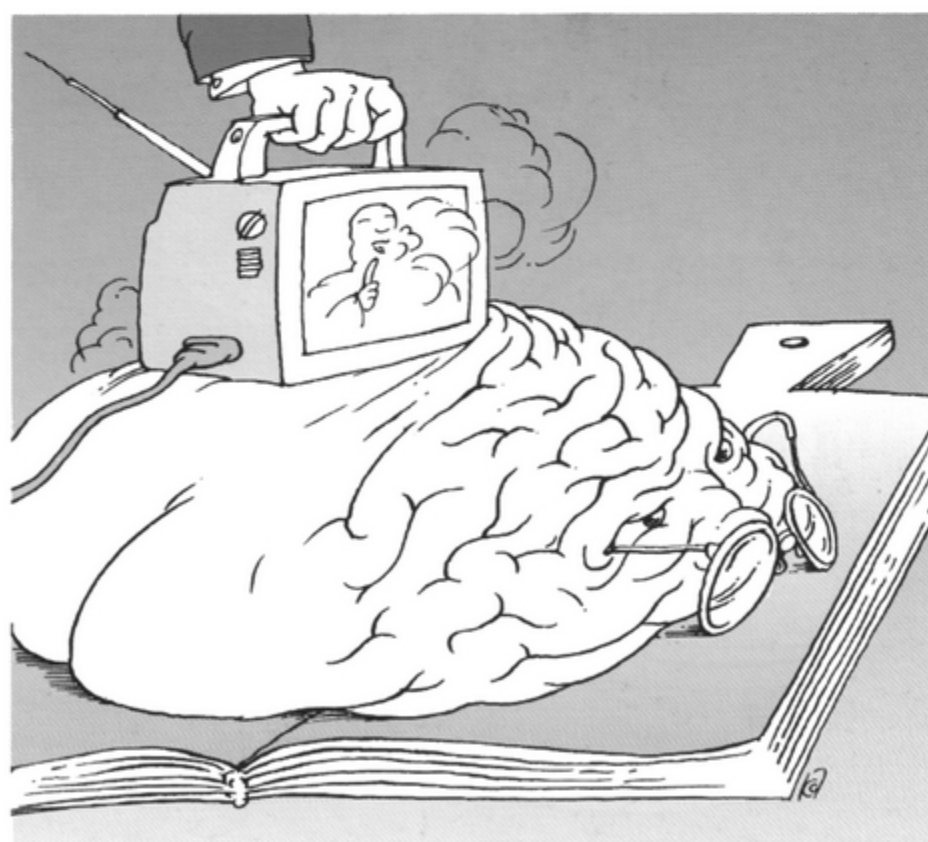

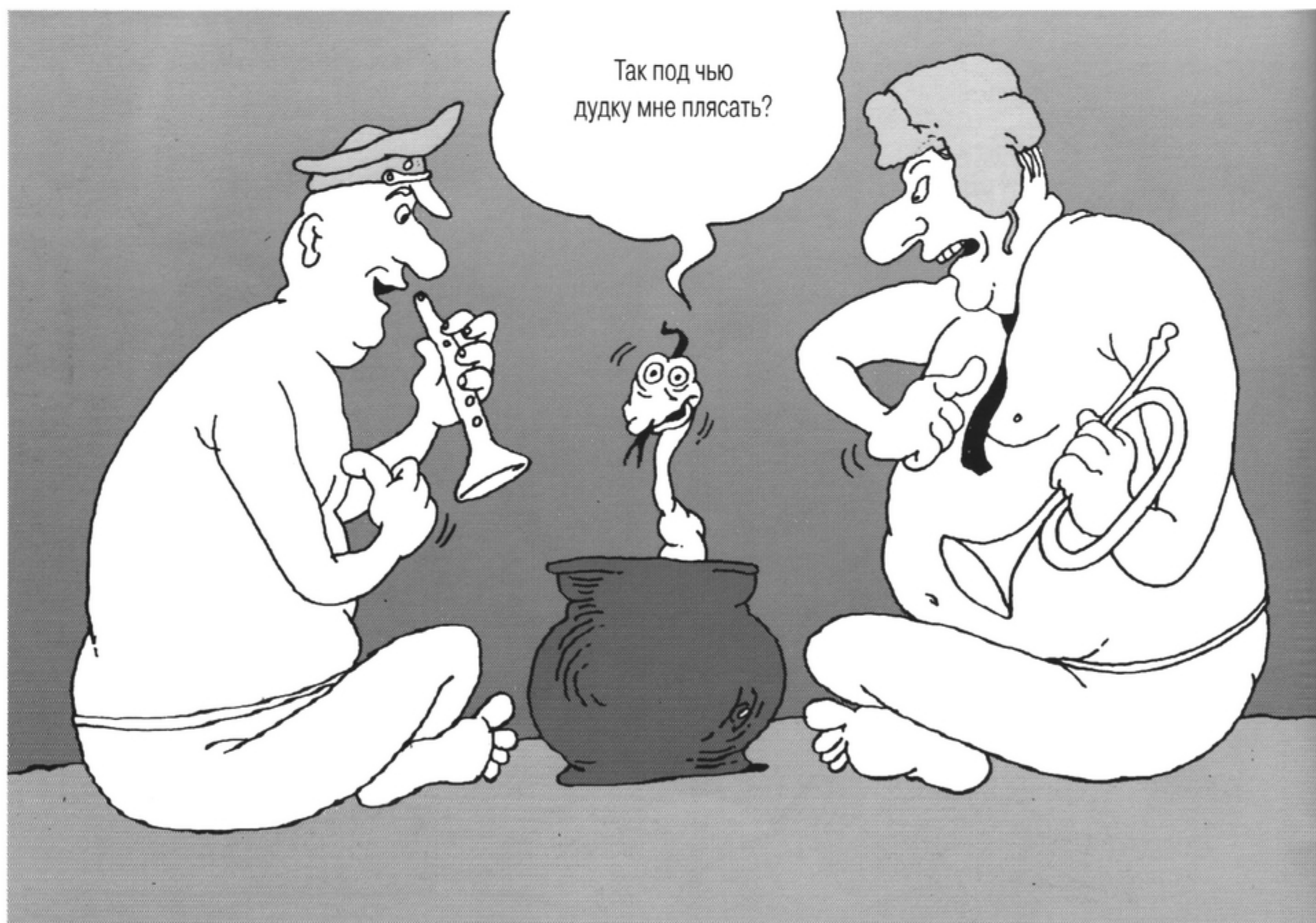
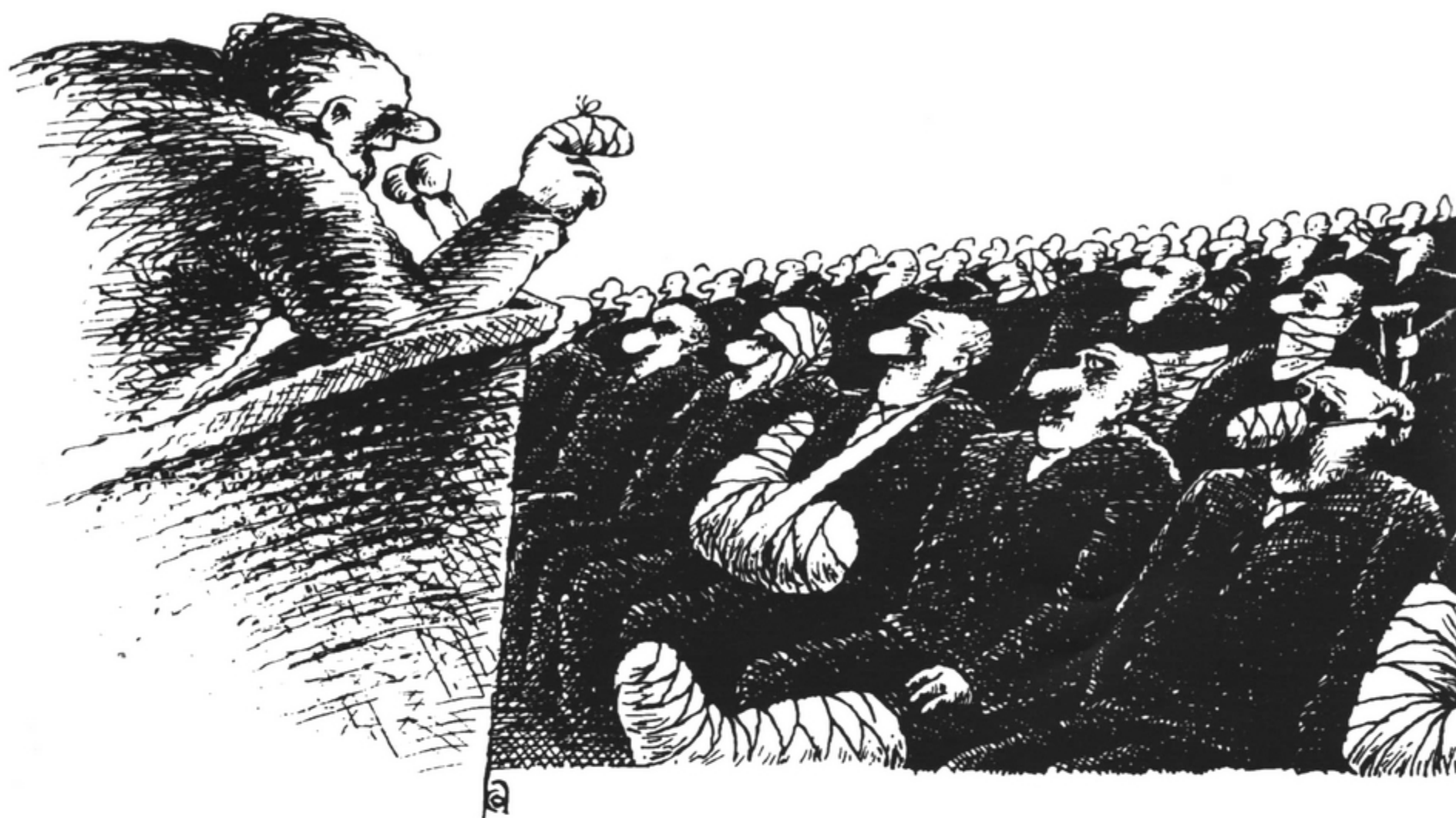

Встанет правительство – и экономика поднимется!

Мы живем в переломное время!

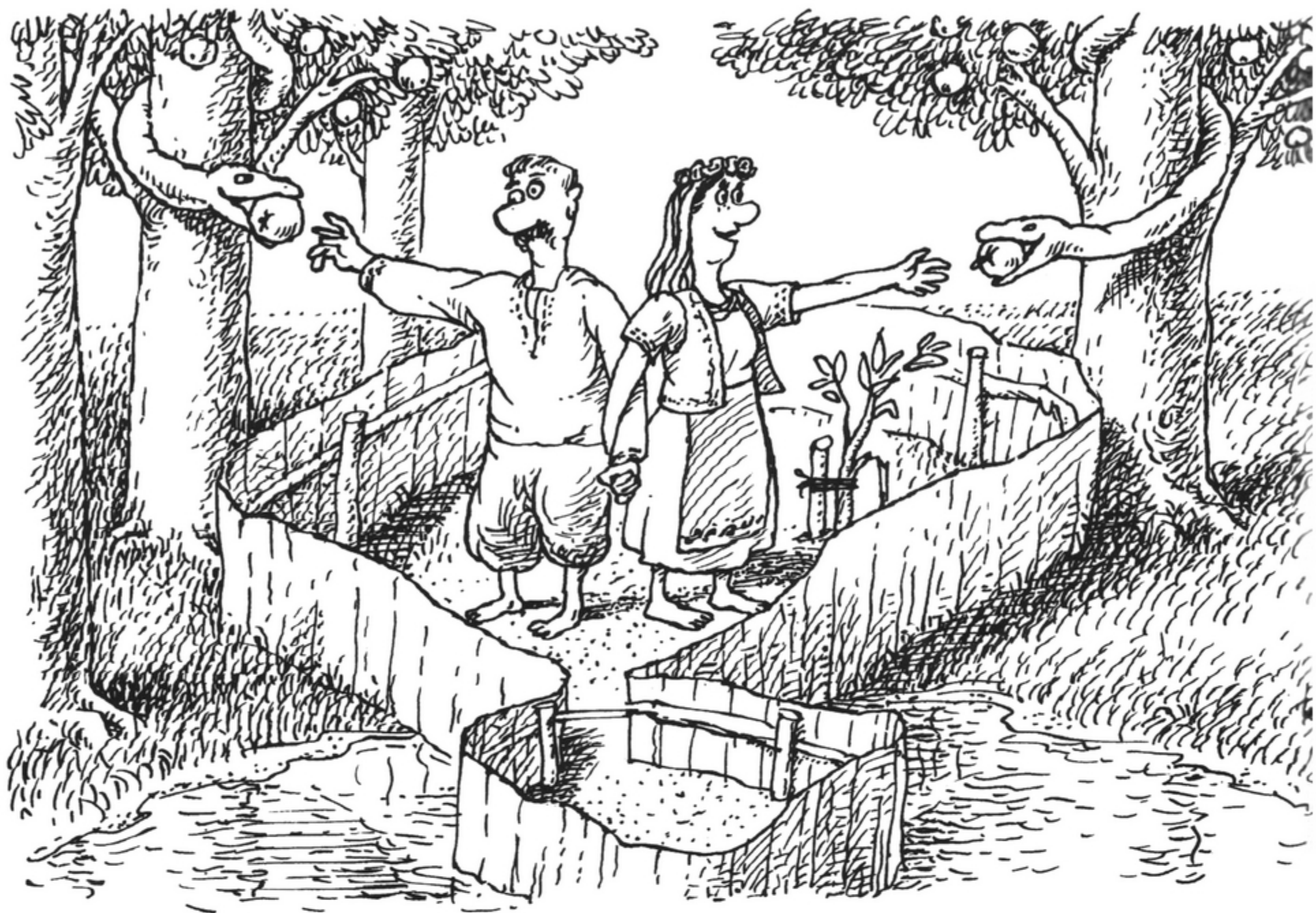
НА ВОСПОМИНАНИЕ
О ДЮРЕРЕ

Дюрер является сильнейшим
графиком всех времён.....
но достаточно об этом,
подумавем © Бокс

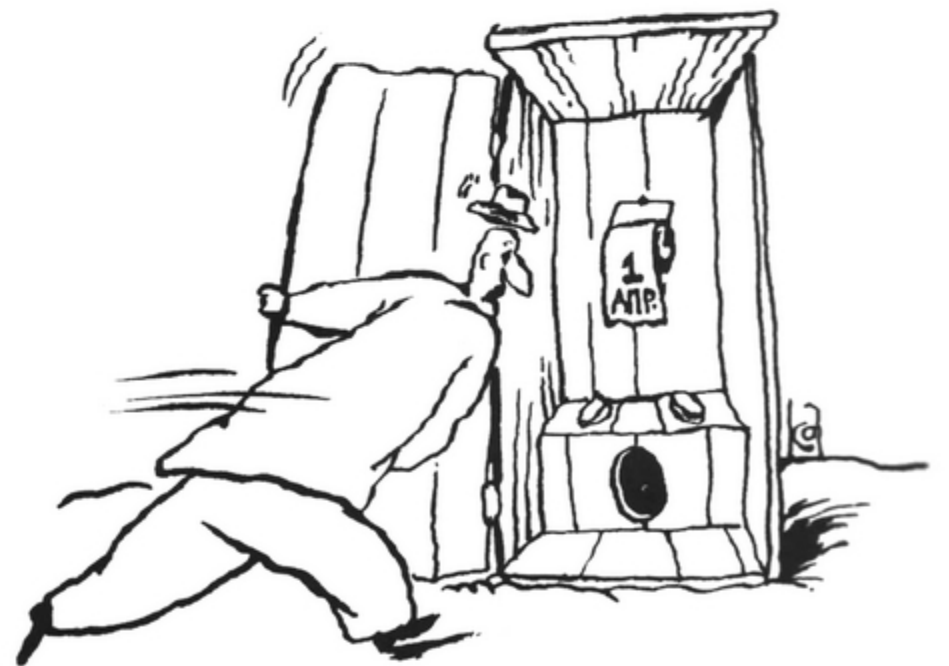
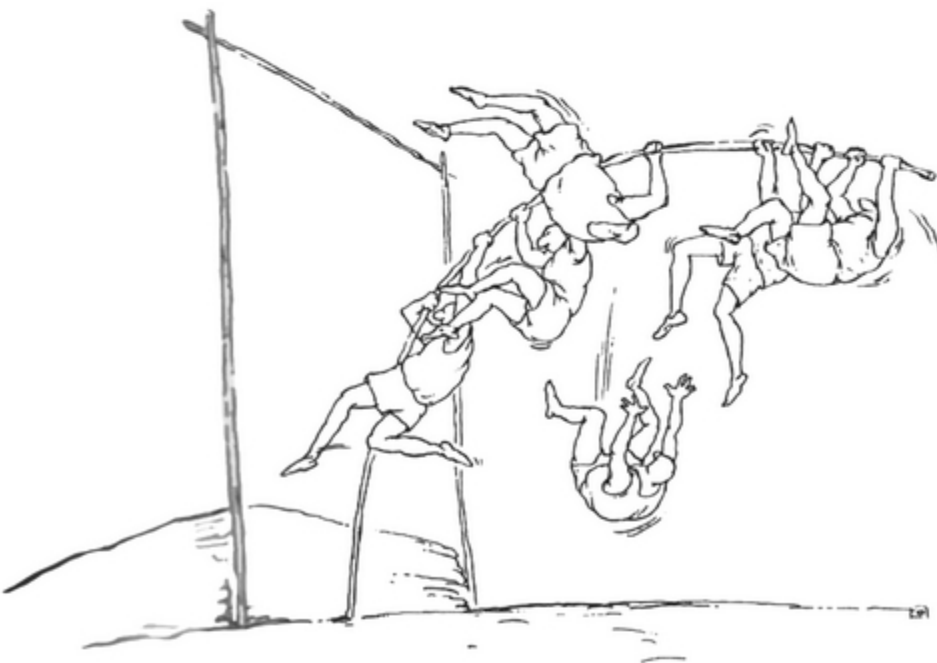
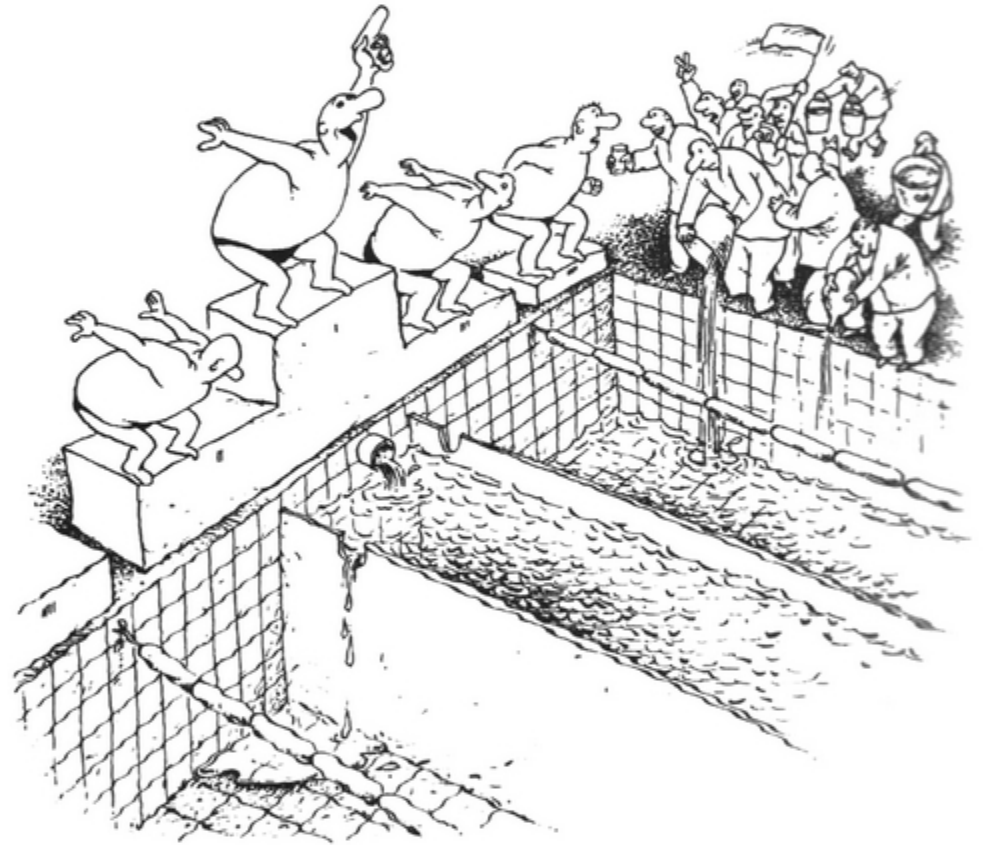
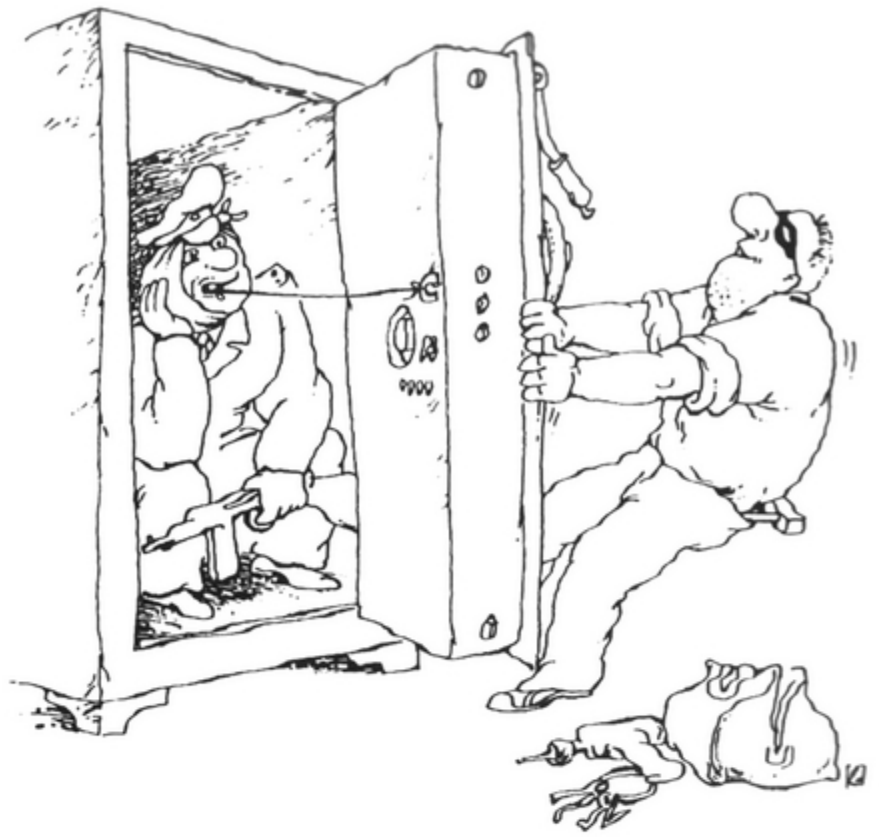
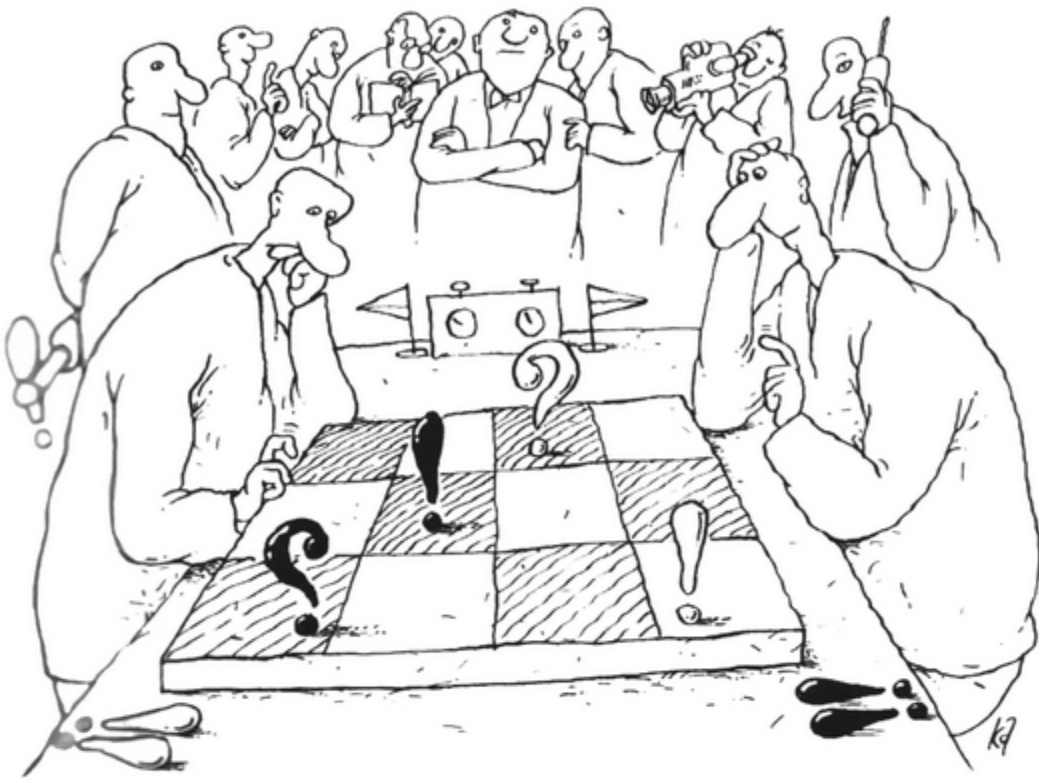
Дюреру посвящается...!!

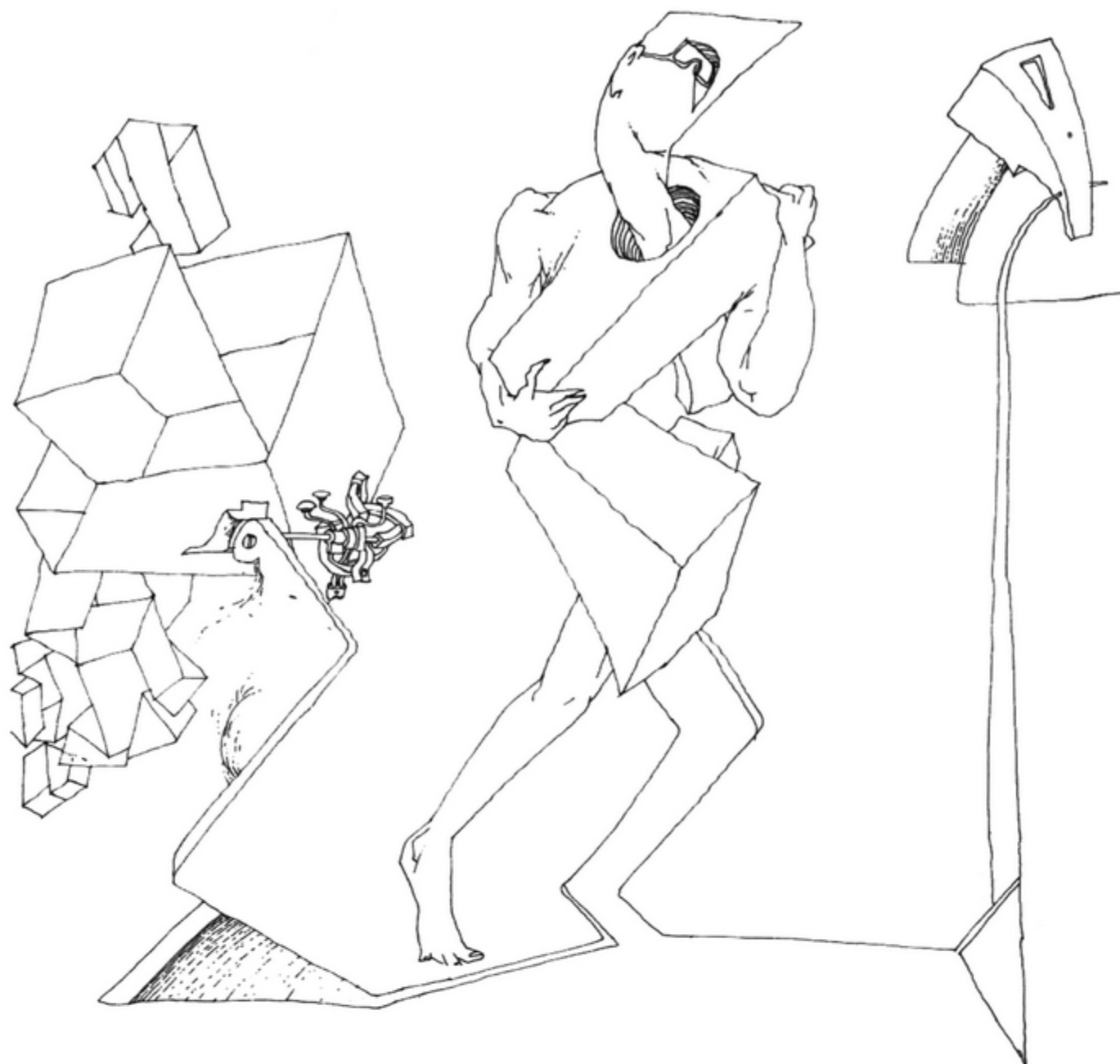
©

ДЛИННАЯ ДОРОГА В МИР СОБСТВЕННОЙ ГРАФИКИ

Можно долго говорить, кем был Анатолий Казанский. Был он – художником от Бога, мастером на все руки, прекрасным инженером, талантливым архитектором. Он был замечательным собеседником. Он был увлекающейся натурой. Он был непоседой. Он умел по-детски непосредственно радоваться. Он умел грустить. Он умел переживать. Он умел любить. Он умел мечтать. И он любил жизнь. Он был замечательным человеком – и как это случается с замечательными людьми – очень непростым человеком. У него было обостренное и очень специфическое восприятие мира – и он рисовал мир таким, каким он его видел. Его сюрреалистические рисунки и тщательно рассчитанные механизмы – не менее реальны, чем воздух и вода. Его убийственный сарказм – то, что он ощущал от ежедневного идиотизма политики. Его ирония – скорее, доброе пожелание...

LONG WAY TO THE PRIVATE GRAPHIC WORLD

We can talk a lot about Anatoliy Kazanskiy's status. He was a heaven-born painter, jack-of-all-traders, excellent engineer, talented architect. He was rather conversable. He was of an amorous disposition. He was able to be glad as a child. He was able to be sad. He was able to be worry. He was able to love. He was able to dream. He loved a life. He was a wonderful man - and as it goes with wonderful people - he was a rather not simple man. He had a keen and specific world's perception – And he painted such a world as he saw. His surrealist drawings and thoroughly designed mechanisms – no less real as the air and water. His killing sarcasm – it is what he felt because of idiotism in politics. His irony – it is more a good wish then...

Дорогие читатели, перед вами книга-шедевр!

Как-то я решил выяснить, что такое талант и пришел к выводу: его самое короткое определение — глубина отпечатка. Это касается таланта в любой области: музыке, литературе, науке и т.п. То есть насколько человек сделал глубже слепок или отпечаток с действительности — его работа гениальнее, насколько поверхностнее — бездарнее. Степень таланта и определяет глубина отпечатка.

Этот отпечаток может принимать фантастические, сюрреалистические формы, как в искусстве (Гофман, Гоголь, Булгаков, Босх), или быть документальным, как в науке (Ньютон, Лобачевский, Эйнштейн).

Если руководствоваться этой категорией, то многие работы художника-сюрреалиста и карикатуриста Анатолия Казанского — гениальны.

Теперь подробнее о книге. Она состоит из двух частей. Часть I — «Рисунки на каждый день» и часть II — «Рисунки навсегда».

«Рисунки на каждый день» это произведения с относительно простым сюжетом (но обязательно остроумным), где действуют более реалистические персонажи. Часто толчком для их создания послужило какое-нибудь конкретное событие.

А «Рисунки навсегда» представляют собой серию сюрреалистических композиций. Их условно можно поделить на три вида: рисунки-состояния, рисунки-системы и рисунки-портреты.

На первый взгляд сюрреалистические работы неразрешимо сложны. Но только на первый. Взгляд зрителя тоже может быть поверхностным, но гениальные произведения требуют к себе концентрированного внимания. Если вы сосредоточитесь — эти картины станут совершенно (или «почти», потому как всегда смысл их может быть шире любой трактовки) ясны для вас.

Я, как человек внимательный (к тому же у меня есть то преимущество, что я лично знал художника), могу немножко помочь разобраться в этих произведениях тем, у кого нехватка времени разобраться в них самим. Если вы хотите самостоятельно их осилить — смело перелистывайте страницы с текстом и сразу окунайтесь в картины Казанского. (К тому же позднее, я уверен, появятся десятки толкователей его произведений. На здоровье!)

Они искусно заполнены образами-символами, связанными между собой. Во взаимодействии они образуют основную идею рисунка. Ее может определять иногда очень маленькая и якобы незначительная деталь.

Первая работа «Длинная дорога в мир собственной графики» достаточно понятна и так для тех, кто умеет читать, потому что автор сам обозначил все образы-символы.

Эта картина — отправная дверь, начало пути в мир фантазии, куда проникает карандаш, вслед за воображением художника.

Но проанализируем ее. Центральным персонажем ее является художник. Перед ним расположено «хрустальное полотно пелены», которое приняло форму кульмана (а точнее и ватмана и кульмана одновременно). Сказалось архитектурное образование Анатолия. За подобным кульманом он провел сотни часов.

Карандашом, словно зубилом, художник на полотне высекает дорогу и горы по ее сторонам. Но ему идти вперед по «дороге в графику» постоянно что-то мешает. Например, «колебания гордыни». «Улитка гордости» с рожками в виде пальцев (очень популярный образ Казанского) тянет его за штанину и стаскивает с пути.

Вдоль позвоночника у художника расположен «стоп-кран вседозволенности». Его удерживает в стабильном положении надутая перчатка. Она раскачива-

ГЛУБИНА ОТПЕЧАТКА

ется вместе с поднятым вверх указательным пальцем, и получается запрещающий жест. Если этот запрет (в виде перчатки) сорвать и повернуть «стоп-кран вседозволенности», то серп, что закреплен внизу его рычага, ударит по заводным «яйцам искушения».

Перчатка так же указывает на координатную систему, где живет и начинает свой путь художник. От исходной точки расходятся координатные оси: «время», «надежда», «любовь».

Вдали виднеется «мертвое море сомнений», которое мастер уже преодолел.

Возле его ног лежат «точные инструменты логики». Это компас и молоток. Одним (деревянным) молотком мастер пользуется, дабы высекать рисунок, а точнее свой мир. Но другим, металлическим, он разбил компас, поскольку этот прибор в мире воображения бесполезен. Видно и начало границы этого мира — оно там, где земная дорога переходит в воображаемую.

Помогают мастеру две вещи: «отстраненность самоконтроля», крошечный голый мужчина — очередное «я» художника, который рассматривает полотно в воронку, и «интуитивные ориентиры», светящиеся в виде чертежной лампы. То есть автор дает понять: интуиция в творчестве важнее логики.

Внизу находится «реакция общественной установки» — это огромная лужа самогона, из которой выглядывает верхушка разбитого самогонного аппарата. Туда же выливается водка из бутылки во льду. Рашпель, через который перекачивается спиртоносная жидкость, «очищает» самогон. Он уже в очищенном, так сказать, готовом к употреблению виде попадает в ложку. А из нее уже самогон вливается в Алкогольное море.

Да, действительно, славянская общественная установка — всегдашняя готовность выпить. И реакция на эту установку — выпить по поводу. А поводом может быть успех. Поэтому поднимающиеся капельки из змеевика попадают на «хрустальное полотно пелены», при чем на ее обратную сторону. То есть обратная сторона успешной работы — выпивка с обществом. К тому же общество само этого требует. Капельки водки конденсируются на «полотне» и, стекая, тоже вливаются в Алкогольное море. Из него всплывает подводная (или точнее — «подводочная») лодка, поднимающая «перископ истории». То есть Казанский говорит, что у нас часто вот таким, довольно оригинальным способом, может быть замечен народом успех мастера. Судьба Есенина, Шукшина, Шевченко, Высоцкого — тому яркие примеры.

Важная, в личном плане для Казанского, и картина «Высота и напряжение». Альпинист-художник (это видно по торчащему карандашику из рюкзака) забрался на безумную горную высоту. Причем поднялся он туда, изучив даже дно находящегося далеко внизу моря. Об этом говорит болтающийся у него на карабине батискафчик.

Что высота огромна дает понять близость к альпинисту спускающегося парашютиста и пролетающий невдалеке самолет, к которому привязан больной зуб месяца. Месяц внимательно следит за ним, ожидая финала этой древней стоматологической операции.

Далее мы видим высоковольтную линию передач, провода ее закручиваются в паутину. Своим напряжением она создает ощущение опасности. Оно усиливается и тем, что наш радостный художник-альпинист выбрал крайне неустойчивые средства для передвижения по горам — роликовые коньки. Но зато он опирается на цапли ножки с когтями, используя их как палки. То есть своим рукам он доверяет больше. Ну а кому доверять художнику?

Теперь — что все это символизирует. Художник забрался на безумную, опасную высоту, чтобы подключиться там троллейбусными дужками на своей шапочке к току и получить заряд энергии.

На линейке-электропередаче мы видим дату — 1990. Это год, когда Казанский стал настоящим мастером сюрреализма и сам осознал свою силу. Когда два существа (некая когтистая ящерица на линейке и муха) соединятся, брюшко-лампочка мухи загорится. Свет для Казанского, как и в предыдущей картине — надежда, освещающая путь. 1990-й — начало его Сюра.

Но альпинист полон решимости забраться еще выше и дальше, туда, куда ему указывает горный палец его самолюбия (изображена рука Казанского), протыкающий небо. То есть постигнуть глубину высоты! Могучая вещь!

С электричеством связан и другой сложный рисунок-система — «Электрическая цепь тщеславия, или Ожидание короткого замыкания».

Ее центральный образ — некий важный начальник, который в виде керамического изолятора венчает композицию. На груди у него висит медаль. Она же одновременно является розеткой. Его карьерные соображения сводятся к тому, чтобы замкнуть на себе электрическую цепь. Цепь — тщеславие — карьера. Но, как видно из рисунка, для этой цели он беспощадно использует людей: один человек держит его столб, другой завершает собой штепсель, готовый уже воткнуться в розетку-медаль, третий в виде перчатки на руке, собирающейся включить рубильник. Они — жертвы карьерного тщеславия начальника. (Кстати, еще одно отражение его сущности — памятник ворону, застывшему в позе вождя. Его выгрыз из ствола дерева червяк). Система должна сработать так: рука включит рубильник, птица сидящая на проводе с ножницами вместо клюва, должна воткнуть человеко-штепсель в медаль. Цепь замкнута, цель достигнута! Но эта же птица имеет возможность перерезать клювом-ножницами провод и устроить нашему значительному господину короткое замыкание. Однако воспользуется ли она этой возможностью? А почему бы нет? А потому, что если она разорвет его цепь, то отложенные ею на электрический чайник яйца будут погублены, поскольку лишатся подогрева. Такая ситуация нередко встречается и в жизни: порой мы можем остановить какого-нибудь влиятельного негодяя, но тем самым обязательно нанесем вред себе. Выбор за нами!

На рисунке «Стрижка Воды» мы видим некую процедуру дамского туалета. Олицетворение Воды — огромная русалка, черты лица которой обозначены капельками, а ее волосы плавно растекаются в виде океана. При помощи довольно-таки нелепой системы люди подстригают Стихию: мужчина в подвешенном состоянии крутит посредством ременной передачи дисковую пилу, разрезающую водную гриву волос, затем рука с насадкой в виде женских ног (стрижка все-таки дамская!), вдетых в кольца ножниц, обрезает две плоских струи, которые в виде стекла падают в ящик.

Люди стремятся взять от Воды хоть ящичек стекла! «Состричь купоны»!

Почему вода на картине превращается в стекло? Тут просматривается игра слов: стекло (глагол) — стекло (существительное). Один из любимых поэтических каламбуров. Как, например, в песне у питерского исполнителя Розенбаума: «В дом наш как-то туча забрела и стекла со стекла». Ну и, конечно, оба этих вещества объединяет прозрачность.

Вторым фоном в картине звучит идея тщетности человеческих усилий в использовании природной стихии. Человечки удочкой пытаются хоть рыбку из ее волос вытащить, да и ту ловко перехватывает птица.

В ответ Вода для собственного увеселения использует жалкие потуги мужичка, крутящего велосипедные педали, дабы он ускорял движение воды в дудке, на которой она безмятежно выводит пальчиками свои водяные мелодии.

Люди могут только молиться Стихии — вдали Анатолием показан Храм Воды. Двое безумных жрецов старательно доливают из кувшинов воду в океан. (Две колонны, как мастерски изображено Казанским, состоят не из камня, а из воды!) Вероятно, это «жертвоприношение» для того, чтобы стекла больше произвести.

То есть сила человеческая в сравнении с силой Воды — ничто. Что видно по сводкам со всей планеты о потопах, цунами и других водных бедствиях.

Противоположной по смыслу является картина «Сон архитектора». Виртуозно выстроенная и математически выверенная пирамида из людей, сказочных персонажей, архитектурных элементов и машин ажурно подымается в небеса.

Центральных образов тут два — заснувший на кулмане архитектор и гигантский атлет, на котором держится вся конструкция, олицетворяющий интеллект архитектора. Никакая разрушающая стихия не может уничтожить эту виртуозную конструкцию. Вода здесь послушно течет под мостом, на котором лежит атлет-интеллект. И даже атлант, сидящий на трубе проплывающего парохода, помогает ему, поддерживая мост.

Если в «Сне архитектора» властвует интеллект, то на картине «Страсти», соответственно — накал страстей.

Тут ими проникнуто все! Главный персонаж — ее величество Страсть. Эта мощная дама состоит из разных элементов. Ее лицо обозначено трещинами на куске стены старой крепости. Брови — тоже трещины, глаза — ползущие насекомые, нос-крючок (как символично!), губы состоят из неких разнополых существ, слившихся в экстазе. Ее грудь является одновременно и ягодицами особы мужского пола, пылко обнимающими ее талию. Голова у него бычья, а рога его обозначают нижнюю часть лица Большой Страсти. Ноги ее спускаются вниз в виде фрагментов горы.

Справа от нее расположен романтический балкончик. Под подобными испокон веков горланят серенады кавалеры. Для них даже приготовлена лестница, по которой уже устремляются наверх чьи-то нетерпеливые ноги.

В проеме за балконом мы видим двойное изображение: с одной стороны это завлекающе улыбающаяся женщина, но с другой — ее лицо складывается в ужасную зубастую бабу с ножом в руках. Любовь и Смерть — две стороны одной медали. (Как писал Булгаков в «Мастере и Маргарите»: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож!»)

Автобус самцов, вдохновенно стремящихся к заветной лестнице, наверняка ждет не только наслаждение. Услужливо поддерживают мостик для них два сложенных спиной друг на друга голых дяди. (Какой мужик не даст другому ключи от квартиры, если НАДО?)

По левому краю головы Страсти радостно взбирается обнаженная девица с игриво распущенными волосами. Невестушка в костюме Евы! Однако наверху стены уже есть одна такая, ставшая женой. Но теперь, в качестве супруги, она удовлетворяет далеко не сексуальную страсть своего муженька, а вынуждена поддерживать (в прямом и переносном смысле) его страсть (и его друзей) к выпивке. Что ж, это на Руси не ново.

Причем страсть к выпивке и дружескому общению стоит на картине выше эротической.

Далее два очень забавных рисунка: «Комната любви» и «НИИ самолюбия».

Вдумчивый зритель с удовольствием отыщет в первой массу эротических подробностей (являющихся недюжинными дизайнерскими находками!): крючок в виде женщины, чайник на столе, портрет на стене, тапочки героя, тиски, ножницы, гантели, часы, карманы брюк, кресло, закладка для книги, столик, подставка для цветов и т.д.

Но это не было бы выдающимся полотном Казанского, если бы он не определил центр Эротической Вселенной — абазур в виде барышни в платье с кринолином, куда сексуально озабоченный лысый мужчина вкручивает лампочку. Именно вокруг этого центра вра-

щается вся Эротическая Вселенная из десятков амурных предметов. Он сообщает ей динамику.

В «НИИ самолюбия» Анатолий использует игру с символом сердца. Тот нюанс, что этот символ напоминает филейные части. Говорят, в древности сдвоенные помидорные половинки и означали это самое, но строгие церковники для повышения духовности населения сделали их символом сердца. Хотя они похожи на сердце очень приблизительно.

Картина «Механический балет» говорит о предопределенности и запрограммированности людей. Особенно, если они внутри пусты. Абсолютная имитация искусства, потому как танцовщик и танцовщица не имеют даже ничтожной свободы выбора. Их пуанты, словно отвертки, вставлены во вращающиеся части механизма под сценой. (То же касается и механического оркестра в глубине сцены — ведь механическая музыка мертва). «Механический балет» — это имитация красоты, поскольку красоты жеста без естественности не бывает. А естественности не бывает без свободы. Но не это ли в конце концов случается с нами, когда свобода ограничена?

Как продолжение этой работы — картина «Расчлененный в равновесии».

Ее главный персонаж весь расчленен на составляющие: у него отдельно от руки висит кисть, его туловище разрублено на два «блина» (рядом топор, после проделанного «труда», воткнут в колоду), его ноги согнуты, а зажатые под коленями педали велосипедного колеса позволяют проделывать ногам только самые примитивные круговые движения. При чем ногам до такой степени неудобно, что из них выпирают кости. Апогеем «неправильности сборки» является голова, которая перевернута и вместо того, чтобы присоединяться к туловищу шей, — прилеплена к нему носом. Однако организм «расчлененного» живет. И его существование поддерживает окружающая система, напоминающая Живую Арку. Она состоит из слитых в единое целое, наподобие Тяни-Толкая, существ. Слева у Арки птичьи ноги-лестницы, посередине брюхо, усыпанное звездами, а справа — великанская человеческая нога. Голова центрального персонажа прикреплена именно к ней. Причем из ее колена выглядывает наблюдатель и следит, чтобы все было В ПОРЯДКЕ. Но это тот порядок, который устраивает Живую Арку, ведь на самом деле все обстоит наоборот.

Кажется, один только месяц, свисающий со звездного брюха, недоуменно стучит себя по лбу, как бы говоря: «Друг, по-моему с тобой что-то ненормально?». Более того — у гражданина ненормально ВСЕ.

Кроме велосипедного колеса и «точки прикрепления» головы, горемыку удерживают в равновесии еще крылья с ладонями (символ вдохновения), вцепившиеся пальцами в его пиджак, и собственные руки, которых несколько пар (руки для Казанского, как для художника, всегда олицетворяют силу).

Короче, несмотря на расчлененность несчастного и разрывающие его противоречия, Живой Арке (семья, общество) выгодно удерживать его в этом неестественном положении. Как, например, в 30-е годы советским массам нагнетался, как образец, Павлик Морозов, мило сдавший своего папу. То есть предательство выдавалось за норму. Власть это было нужно, дабы насаждать террор, собирая «урожаи неосторожных пап» и отправляя их углублять Беломоро-Балтийский канал. Но это, повторяю, для примера. Вы можете чудно подобрать любой другой.

В «Детских мечтах» советую обратить внимание на маленького мальчика, который замечтался на краю скатерти, подперев подбородок руками. Художник, сидящий за столом — Анатолий Казанский во взрослом состоянии, на краю скатерти — в детстве.

О других «Рисунках навсегда» можно вполне судить, исходя из их названия.

Хочу еще остановиться только на двух.

К «Зеркалу веры в свое совершенство» вполне подошла бы цитата из Пушкина: «Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи: кто на свете всех милее, и румяней, и белее?». То есть этот монстр, собранный

из железного каркаса (на семьдесят процентов он состоит из металла и пустоты!) видит в зеркале только свою нормальную верхнюю часть. И это его вполне удовлетворяет. Он, судя по улыбке, даже доволен. Но это не устраивает самого Казанского, который гневно смотрит на картину в его сторону. И даже зеркало, чувствуя фальшь отражения, рассыпается на осколки. Как ни странно, но эта вещь связана с «Портретом в раме».

Раму, собранную из мраморной колонны, бетонного блока, листовой и кирпичной труб и из ствола дерева, — не заметить трудно. А так же лицо главного персонажа, которое состоит из висящих в воздухе глаз, носа, рта и подбородка, вместе как бы образуя птицу, сидящую на жердочке. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что клетка уходит в халат, где пустое пространство. Халат надет на человека-невидимку!

Пустота в картинах Казанского — отдельный персонаж. Что это может быть? Да что угодно: осознание человеком своей слабости, своего несовершенства (как в «Зеркале»). Семьдесят процентов героев Чехова страдали от пустоты — от безволия, ненужности и невостребованности. И часто от всего этого они впадали в уныние. Анатолий любил повторять, что уныние — один из самых страшных грехов. Что же может спасти от пустоты? Деятельный талант! Как его олицетворение (в который раз!), у Казанского в «Портрете» из вроде бы пустого халата выглядывает могучая рука. Она, настолько сильна, что вместо скипетра спокойно удерживает в ладони перевернутое дерево — символ созидания. Развивать свой талант — верное лекарство от пустоты. Плюс — чувство юмора. Поэтому Лицо, Заключенное в Клетку, хитро улыбается нам. Мол, не надо воспринимать все так серьезно. Трагедия и комедия всегда идут рука об руку.

Что касается «Рисунков на каждый день», то для восприятия они гораздо проще, поэтому подолгу на них останавливаться не стоит.

Хочется отметить четыре вещи: «Украина», «Развал Союза», рисунок с аутодафе (он без слов) и «Визитку».

Детальнее о двух последних.

В рисунке с аутодафе сделан уникальный сюжетный ход: ОДНИМ жестом переворачивается мир. (Как, например, происходит мгновенный сдвиг масштаба в строке Маяковского: «Гремит, приковано к ногам, ядро земного шара»).

Толпа радостно и с большим удовольствием собралась спалить очередного Джордано Бруно. Однако поджигающий мужчина повернул горящий факел не влево, в сторону поленьев, а вправо — и поджег край рисунка, тем самым поджигая несправедливый мир. К нему наклонился инквизиторский судья, говоря: «Что ты делаешь?! Тебе вон кого следовало поджигать. Ты ошибся!» Но поджигатель-то как раз тут один и прав. Нет, разумеется, вдвоем. Вместе с тем, что привязан к столбу и приветливо ему улыбается. В то время как публика, собравшаяся поглазеть на казнь, начинает в ужасе разбегаться от пылающей кромки. «Аутодафе» — сильнейшая сюжетная вещь!

И последняя работа в альбоме — «Визитка».

Черные фигуры на шахматной доске сражаются с белыми. Появляются красные и, нарушая все правила игры, расстреливают и тех и других.

Внизу Анатолием пунктиром нарисована стрелочка и с угрозой в адрес красных написано (конечно, каламбур) «Ждите моего визита». Какая изящная и красивая шутка! Опять же в остроумной форме Казанский затрагивает тему справедливости.

Несправедливо то, что он ушел из жизни в 49 лет, так и не увидев своей первой книги, о которой очень мечтал. Но он вернулся к нам в виде своих парадоксальных рисунков. Его визит на планету Земля, по сути, только начинается.

Если использовать как оценку степени талантливости такую категорию, как глубина отпечатка (о чем я говорил в начале), то Анатолий своим творчеством оставил ГЛУБОЧАЙШИЙ отпечаток собственной души. И он сейчас перед вами!

Константин Рылеев, «День»

Dear readers, what you see now is masterpiece of a book!

I once decided to find out what talent is and came to the conclusion that its briefest definition is depth of imprint. This applies to talent in any field, be it music, literature, science, etc. In other words, the deeper the imprint or mold that an individual has made from reality, the more talented his work is, and the more shallow the imprint, the less talented the work. It is the depth of imprint that determines the degree of talent.

This imprint can assume fantastic and surrealist shapes, as in art (Hoffmann, Gogol, Bulgakov, Bosch), or be documentary, as in science (Newton, Lobachevsky, Einstein).

Viewed from this angle, many works by Anatoly Kazansky - a surrealist and cartoon artist - are the sign of genius.

Now more details about the book. It consists of two parts: part 1, «Drawings for Every Day», and part 2, «Drawings Forever».

«Drawings for Every Day» are pieces with a relatively simple plot (not necessarily witty) and more realistic characters. A concrete event was often behind the pictures.

Conversely, «Drawings Forever» is a series of surrealist pieces. They can be arbitrarily divided into three types: drawings of a state, a system, and a portrait.

At first glance, surrealist works are infinitely complicated. But only at first glance. The glance of a spectator can also be superficial, but works of genius require concentrated attention. If you concentrate on these pictures, they will become absolutely (or «almost») - because their meaning can be broader than any interpretation) clear to you.

I, as an attentive person (besides, I have the advantage of having personally known the artist), can help a little those who don't have enough time to understand these works by themselves. If you want to get the hang of them on your own, just begin to leaf over the text and get immediately absorbed in Kazansky's pictures.

They are quaintly filled with interconnected symbolic images. Interacting, they shape the main idea of a drawing. Even a small and seemingly insignificant detail can sometimes reveal this idea.

The first work, «A Long Way into the World of My Own Graphics», is clear enough for those who can read because the author himself marked all symbolic images.

This picture is the door of departure for the world of fantasy, into which the artist's pencil penetrates following his imagination.

But let us analyze it. An artist is its central character. He has in front of him a «crystal-clear shroud of canvas» which has taken on the shape of a drawing board (to be more exact, the drawing paper and board at the same time). This reflects Anatoly's architectural background. He used to spend hundreds of hours behind a board like this.

Using the pencil as if it were a chisel, the artist carves a road and the surrounding mountains on the canvas. But something always hampers him from walking down «the road to graphics», for example, «the oscillations of false pride.» A «snail of pride» with horns shaped like fingers (a very popular image of Kazansky's) is pulling him off the road by a trouser leg.

A «stopcock of permissiveness» is installed along the artist's spine. The cock is being held in place by an inflated glove whose index finger has stilled in a forbidding gesture. Should this prohibition (in the shape of a glove) be lifted and «the stopcock of permissiveness» be turned off, the sickle fastened below its brace will immediately mow down the clockwork «eggs of temptation.»

Depth of Imprint

The glove also points at a coordinates system, where the artist lives and sets out on his way. The point of departure gives forth such coordinate axes as «time,» «hope,» and «love.»

Looming far away is «the dead sea of doubts» which the master has already gotten across.

Lying by his feet are «the precise tools of logic:» a compass and a hammer. The master uses one (wooden) hammer to chisel a picture or, to be more exact, his vision of the world. But, using the other, metallic, one, he broke down the compass, for this instrument is useless in the world of imagination. The boundaries of this world are also discernible - where the real road turns into an imaginary one.

What helps the master is two things: «detached self-control,» a tiny naked man - another ego of the artist who is looking at the canvas through a funnel, - and «intuitive benchmarks» shining as a drawing-board lamp. This means the author makes it clear that intuition is more important than logic in the creative process.

Down below is «the reaction of public attitudes» in the shape of a huge puddle of hooch from which the top of a broken home-brewing device is coming up. Vodka «on the rocks» is also flowing down there. The rasp, over which the liquor rolls, «cleanses» the hooch. The latter, already purified and, so to speak, ready for use, gets into the spoon. It then flows from the spoon into the Alcohol Sea.

Yes, indeed, the ever-present readiness to drink is a Slav public attitude, while drinking to a certain event is reaction to this attitude. And success can be this kind of event. This is why the drops rising out of the hooch-brewing spiral eventually get onto «the crystal-clear shroud of canvas,» to its reverse side at that. This means the reverse side of successful work is boozing in a company. Besides, the company itself requires this. The drops of vodka, condensed on the «canvas,» trickle down and also flow into the Alcohol Sea. It is out of this people's sea of alcohol that a submarine surfaces and displays «the periscope of history.» In other words, Kazansky says our society can often notice the success of a master in this, rather original, way. The destinies of Yesenin, Shukshin, Shevchenko, and Vysotsky are vivid examples of this.

The picture «Altitude and Tension» is also important for Kazansky in the personal plane. A mountaineer artist (you can see a tell-tale pencil sticking out of his backpack) has climbed up the mountain of a mind-boggling height. What is more, he clambered there after exploring even the bottom of the sea far below. This is testified by a tiny bathyscaph dangling on his swirl-lock.

That the height is enormous is clear from how close the mountaineer is to a descending parachutist and a flying-by plane to which the moon's aching tooth is tied. The moon is closely watching, awaiting the outcome of this centuries-old dental operation.

Then we see a high-voltage line, with wires spinning into a web. It creates, with its voltage, the sensation of danger. What also enhances this sensation is the fact that our cheerful mountaineer artist chose roller skates, an extremely unreliable means of movement in the mountains. On the other hand, he leans against clawed heron legs, using them as ski-sticks. In other words, he more trusts his own hands. And who else will the artist trust?

Now, about what all this symbolizes. The artist has climbed a mindless and dangerous height in order to get the tram-type contacts on his hat in touch with the overhead wire and charge himself with energy.

We see the date - 1990 - on the high-voltage ruler line. This was the year when Kazansky made a true master of surrealism and became himself aware of his power. When the two creatures - a certain sharp-

clawed lizard on the ruler and a fly - get into contact, the fly's belly-bulb will light up. For Kazansky, light is, like in the previous picture, the hope illuminating the path. 1990 is the beginning of his surrealism.

But the mountaineer is determined to climb still higher and further, following the index-finger-shaped rock of his ambition (Kazansky's hand) that pierces the sky. The aim is to gauge the depth of height! Terrific!

Another complex drawing of a system, «The Electric Circuit of Vanity, or Waiting for a Short Circuit,» is also connected with electricity.

The central image is a certain «big shot» who crowns the picture in the shape of a porcelain insulator. A medal, also serving as a power point, is hanging on his chest. His career-seeking intentions boil down to closing the electric circuit on himself. The circuit - vanity - career. But, as the drawing shows, he ruthlessly exploits people to this end: one person is propping up his post, another tops the plug ready to be inserted into the medal-cum-socket, and still another emerges as a glove on the hand about to pull the knife-switch. They fell victim to the boss's career-seeking vanity. (Incidentally, another reflection of his essence is the monument to a raven stilled in the pose of a leader. He was gnawed out of the tree trunk by a worm). The system should work as follows: the hand will pull the knife-switch, and the bird perched on the wire, with scissors instead of a beak, must thrust the human plug into the medal. The circuit is closed, the aim has been reached! But the same bird might as well cut the wire with the scissors-cum-beak and short-circuit our VIP. But will the bird seize this opportunity? Hardly ever! Because if it breaks the circuit, the eggs it laid on the electric teapot will be destroyed due to lack of warmth. This kind of situation often occurs in real life: sometimes we can straitjacket an influential rogue but will surely do harm to ourselves. The choice is ours.

The drawing «The Transformation of Water into Glass» reveals the futility of human efforts in the conversion and usage of a natural element, water in this case. The latter is personified by a huge mermaid with her facial features marked as drops and her hair smoothly flowing around to form an ocean. See how many preposterous gadgets people invented to snatch, in the shape of glass, at least a portion of the Water Element: a suspended man is turning a belt-driven disk saw which cuts the watery shock of hair, then a hand with an extension shaped as female legs in scissors rings will cut off two flat jets to let them fall, as glass, into a box.

How many awkward efforts for the sake of one small boxload of glass! In reply, the Water Element, just to please herself, uses the pathetic strains of a puny fellow who is pressing the bicycle pedals to speed up the movement of water in the flute on which she plays her watery melodies with her tender fingers. Meanwhile, some people try at least to pull a fish out of her hair, but even this is being promptly snatched away by a bird.

To stress the futility of human efforts to globally influence the power of the Element, Anatoly shows the Temple of Water in the distance. Two priests are painstakingly pouring water from the jugs into the ocean. (Two columns, as Kazansky skillfully depicted, consist of water, not of stone). In all probability, this «sacrifice» aims to produce more glass. Human power is nothing compared to that of Water. This is proved by global reports about floods, tsunamis, and other water-related calamities.

The picture «The Dream of an Architect» is opposite in concept. A fabulously built and mathematically calculated huge pyramid of people, fairy-tale characters, architectural elements and machines soars high into the sky.

There are two central images here: an architect dozing over the drawing board and a gigantic athlete supporting the whole structure which embodies the architect's intellect. No devastating element can destroy this virtuosic structure. Water is obediently flowing under the bridge on which the intellectual athlete is lying. And even the atlas sitting on the passing-by ship's funnel helps him, propping up the bridge.

While intellect rules the roost in «The Dream of an Architect,» the high pitch of passions does so in the picture «Passions.»

Passions permeate everything here! Her Majesty Passion is the main character. This portly lady consists of various elements. Her face is represented as cracks on what remained of an old fortress. Her eyebrows are also cracks, the eyes are creeping insects, the nose is a hook (how symbolic!), and the lips consist of some heterosexual creatures in the heat of ecstasy. Her breasts are at the same time the buttocks of a male passionately hugging her around the waist. His is a bull's head, with horns meaning the lower part of the Big Passion's face. Her legs reach down in the shape of mountain fragments.

On her right is a small romantic balcony. For centuries on end, beaux have been bellowing serenades under such balconies. There even is a ladder prepared for them, with somebody's impatient feet already climbing it. We see a double image through the balcony banister: on the one hand, it is an amorously-smiling lady, but on the other, her face forms an awful, toothed devil of a woman with knife in hand. Love and Death are the two sides of one medal. (As Bulgakov wrote in *The Master and Marguerite*, «Love popped up in front of us the way a murderer pops up in a narrow street and struck both of us at once! Only a lightning and a feather-knife can strike so!»).

A busload of greedy males, heading with inspiration for the coveted ladder, is sure to get not only gratification alone. Two naked fellows, with their backs tightly pressed to each other, prop up slavishly the bridge for them. (Will a true he-man ever refuse another a key to his apartment if NEED be?).

A naked girlie with frivolously let-down hair is cheerfully climbing up the left edge of the Passion's head. A bride in her birthday suit! However, there already is one like this on top of the wall - but she a wife. But now, as a spouse, she, instead of satisfying her hubby's sexual passion, has to support (both literally and figuratively) his (and his friends') passion for drinking. Well, a situation as old as the hills in this country.

What is more, the picture places the passion for drinking and socializing above the erotic drive.

Then another two funny drawings: «Love Room» and «The Research Institute of Self-Love.»

A penetrating viewer will happily find a host of erotic details in the former (quite a nice invention of a designer!): a woman-shaped hook, a teapot on the table, a portrait on the wall, the hero's slippers, a vice, scissors, dumb-bells, a clock, trouser pockets, a bookmark, a dressing-table, a flowerpot, etc.

But this would not be Kazansky's outstanding canvas if he had not identified the hub of the Erotic Universe - a lampshade in the form of a crinoline-dressed damsel, in which a sexually-conscious baldish man is screwing a light bulb. It is around this hub that the whole Erotic Universe, consisting of dozens of love-related objects, is turning. The hub sets it in motion.

In «The Research Institute of Self-Love,» Anatoly employs a play on the symbol of heart. The point is this symbol resembles the backside. Word has it that in ancient times the doubled halves of a tomato meant exactly this, but the strict clergy - to ennoble the population's spiritual values - made it the symbol of heart. Yet, they only remotely resemble a heart.

The picture «Mechanical Ballet» says that humans are pre-determined and pre-programmed, especially if they are empty inside. Art is totally subject to imitation because the dancers do not have even the slightest freedom of choice. Their point-shoes are inserted, like screwdrivers, in the revolving mechanism under

the stage. (The same also applies to the mechanical orchestra further on the stage, for mechanical music is dead). «Mechanical Ballet» is imitation of beauty, for an unnatural gesture cannot be beautiful. And there is no naturalness without freedom. But does this not happen eventually to us when freedom is limited?

The picture «Dismembered in Equilibrium» is continuation of the previous work.

Its main character has been dismembered into the components: his hand is hanging separated from the arm, his trunk has been hacked into two «pancakes» (with an ax thrust into the block after the «work» done), his legs are bent, and the bicycle pedals, affixed under the knees, only allow the legs to do the most primitive circular movements. What is more, the legs find this so uncomfortable that they show bones jutting out of them. The acme of a «wrong assembly» is an upturned head attached to the trunk by the nose instead of the neck. Yet, the «dismembered» body is still living. It is being kept alive by the environment resembling a Living Arch. It consists of creatures put together like «push-pull» two-headed horses. The Arch's has a bird's-leg-shaped ladder on its left, a star-studded belly in the middle, and a gigantic human leg on the right. It is to the latter that the main character's head is affixed. Moreover, an observer is looking out of its knee, making sure everything is IN ORDER. But this is an order suiting the Living Arch, for in reality everything is just the contrary.

Only the moon hanging from the starry belly seems to be knocking itself on the forehead in puzzlement, as if saying: «Hey, buddy, I guess there's something wrong with you!» What is more, this individual has EVERYTHING wrong about him.

The hapless guy is being kept in balance not only by the bicycle wheel and the head's «attachment points» but also by the wings with palms (the symbol of inspiration) that have clasped his jacket, as well as several pairs of his own hands (Kazansky, as an artist, always looked on hands as a symbol of force).

In brief, although the hapless guy is dismembered and tormented by contradictions, the Living Arch (i.e., family and society) finds it rewarding to keep him in this unnatural position. Suffice it to recall the 30s, when the Soviet masses were forced to adore the model image of Pavlik Morozov who had nicely «turned in» his daddy. In other words, treachery was hyped up as a norm. The authorities needed this to impose terror, reaping the «harvests of carefree daddies» and sending the latter to dig up the White Sea-Baltic Sea Canal. But, I say it again, is only an example. You might as well pick up any other one.

As to «The Child's Dreams,» I advise to pay attention to the little boy absorbed in thought with his chin propped by his hands on the edge of a table-cloth. The artist sitting at the table is Anatoly Kazansky as an adult and the boy is Anatoly in childhood.

You can easily judge about other «Drawings Forever» by their titles.

I only want to comment another two of them.

«The Mirror of Faith in His Perfection» might well be matched by this quotation from Aleksandr Pushkin: «My love, my little mirror, tell me all the truth: who is the most beautiful, rosy-checked, and fair-haired in the world?» In other words, this monster assembled of an iron carcass (it consists seventy per cent of metal and void!) only sees in the mirror his normal upper part. And this fully satisfies him. Judging by his smile, he is even happy. But this does not suit Kazansky himself, who is depicted looking angrily in his direction. Even the mirror, aware of the false reflection, gets shattered in pieces. Oddly enough, this work is connected with «A Framed Portrait.»

You can hardly miss the frame made of a marble column, a concrete slab, a plate-metal and a brick-lined pipe, and a tree trunk. Nor can you miss the main character's face consisting of the suspended eyes, nose, mouth and chin - all looking like a bird perched on a wire. But I want to draw your attention to the fact that the cage merges with the empty-spaced dressing-gown. The gown has been put on an invisible man!

Emptiness is a separate character in Kazansky's pictures. What can it be? Whatever you want: e.g., the awareness by an individual of his weakness and imperfection (as in «The Mirror»). Seventy percent of Chekhov's heroes suffered from emptiness, i.e., lack of will-power and the feeling of being unnecessary and unrequited. So they would often sink into gloom out of this. Anatoly said repeatedly that gloom is one of the most terrible sins. What can save one from emptiness? An active talent! It is represented (by no means for the first time!) in Kazansky's «Portrait» by a mighty hand showing from a seemingly empty dressing-gown. The hand is so strong that it is easily holding, instead of a scepter, an upturned tree - the symbol of creation. Developing one's talent - plus the sense of humor - is a sure remedy for emptiness. This is why the Caged Person is wryly smiling at us, as if saying: take it easy. Tragedy and comedy always walk hand in hand.

As to the «Drawings for Every Day,» they are far easier to perceive, so it is not worth commenting on them at length.

I would like to point out four pieces: «Ukraine,» «The Collapse of the Union,» a drawing about auto-da-fe (without words), and «The Visiting Card.»

More details about the last two.

A unique move was made in the plot of the auto-da-fe drawing: ONE gesture overturns the world. (Like, for example, the following Mayakovsky's line instantly shifts the scale: «The iron ball of the globe is rumbling, chained to the feet»).

A very cheerful and happy crowd is going to burn another Giordano Bruno at the stake. However, the fire-setting man turned the burning torch not left, in the direction of firewood, but right - and set fire to the drawing's edge, thus setting alight the unrighteous world. An Inquisition judge bent down to him and asked: «What are you doing?! The one you must set on fire is over there! You're mistaken!» But it is the arsonist who is totally right. Naturally, not only him. Also right is the one tied to the stake and smiling affectionately. Meanwhile, the audience that gathered to gawk at the execution begins to run away in terror from the blazing edge. «Auto-da-fe» is a most powerful and thought-provoking piece!

And «The Visiting Card,» the last work in the album.

Four black figures are battling against the white on a chessboard. Red ones suddenly arrive and, breaking all the rules of the game, shoot down both blacks and whites.

Anatoly drew a dotted-lined arrow under the picture and wrote a threat to the reds (a pun, of course): «Wait for my visit.» What a clever and bright joke! Kazansky again wittily touches on the topic of justice.

It is unjust that he passed away, aged 49, without seeing his first book of which he dreamed so much. But he has come back in the shape of his paradoxical drawings. He is in fact only beginning his visit to the planet Earth.

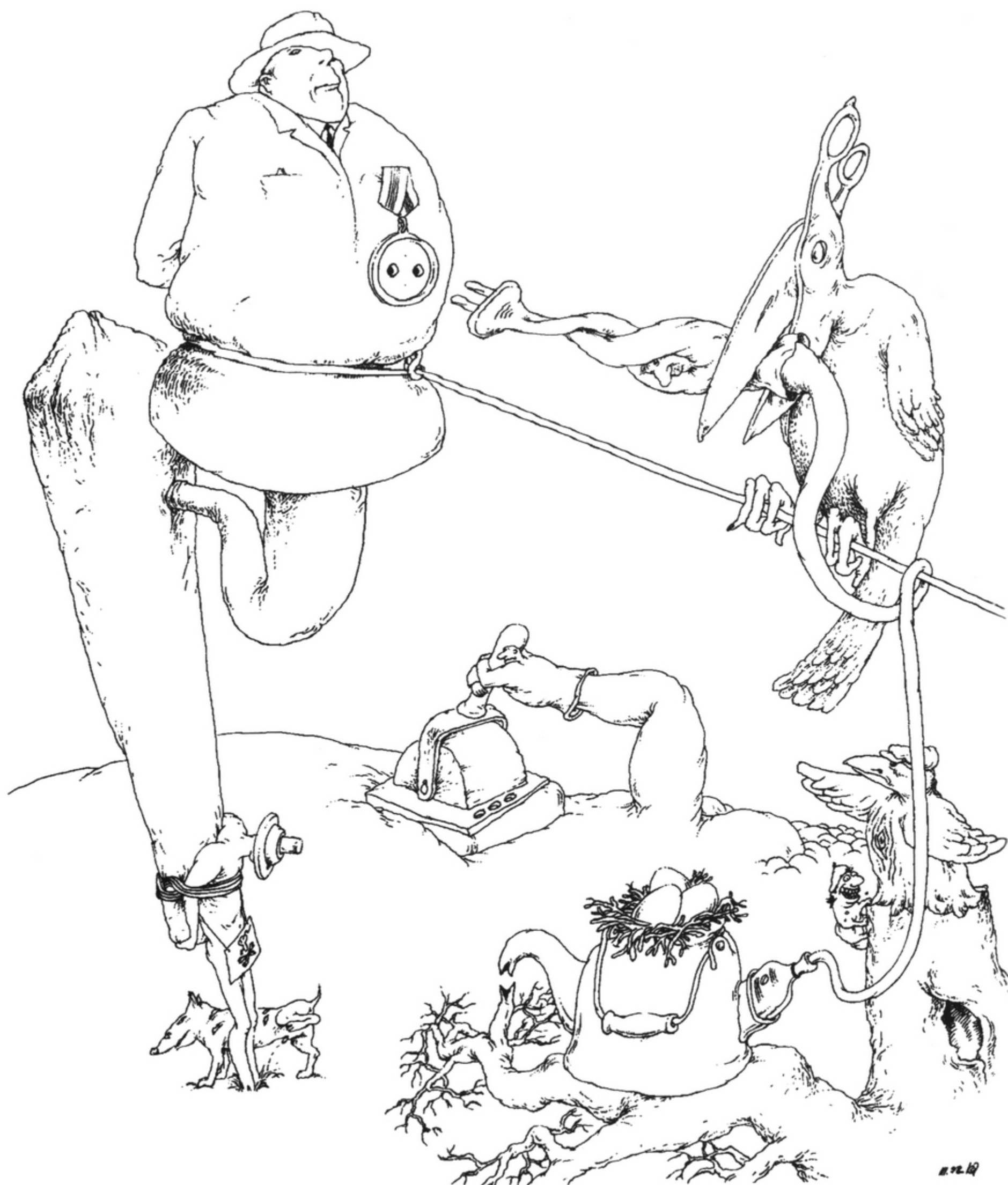
If the depth of imprint is to be used to assess the degree of talent (which I discussed above), then Anatoly left the DEEPEST-EVER imprint of his own soul in his creative work. He is now in front of you!

By Kostiantyn RYLEV, *The Day*

РИСУНКИ НАВСЕГДА DRAWINGS FOREVER

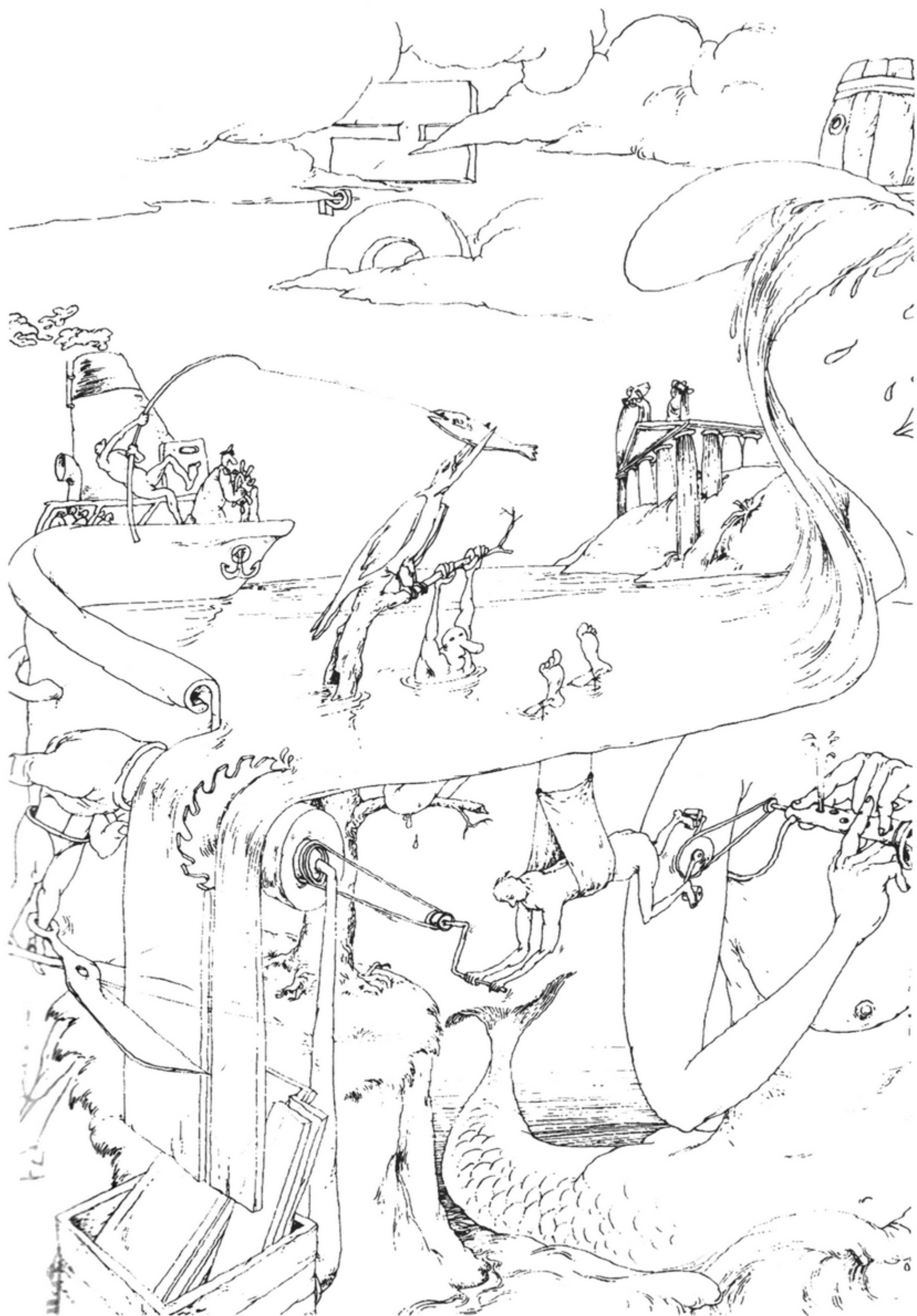

ЭЛЕКТРОННАЯ ЦЕПЬ «ТЩЕСЛАВИЯ» ©

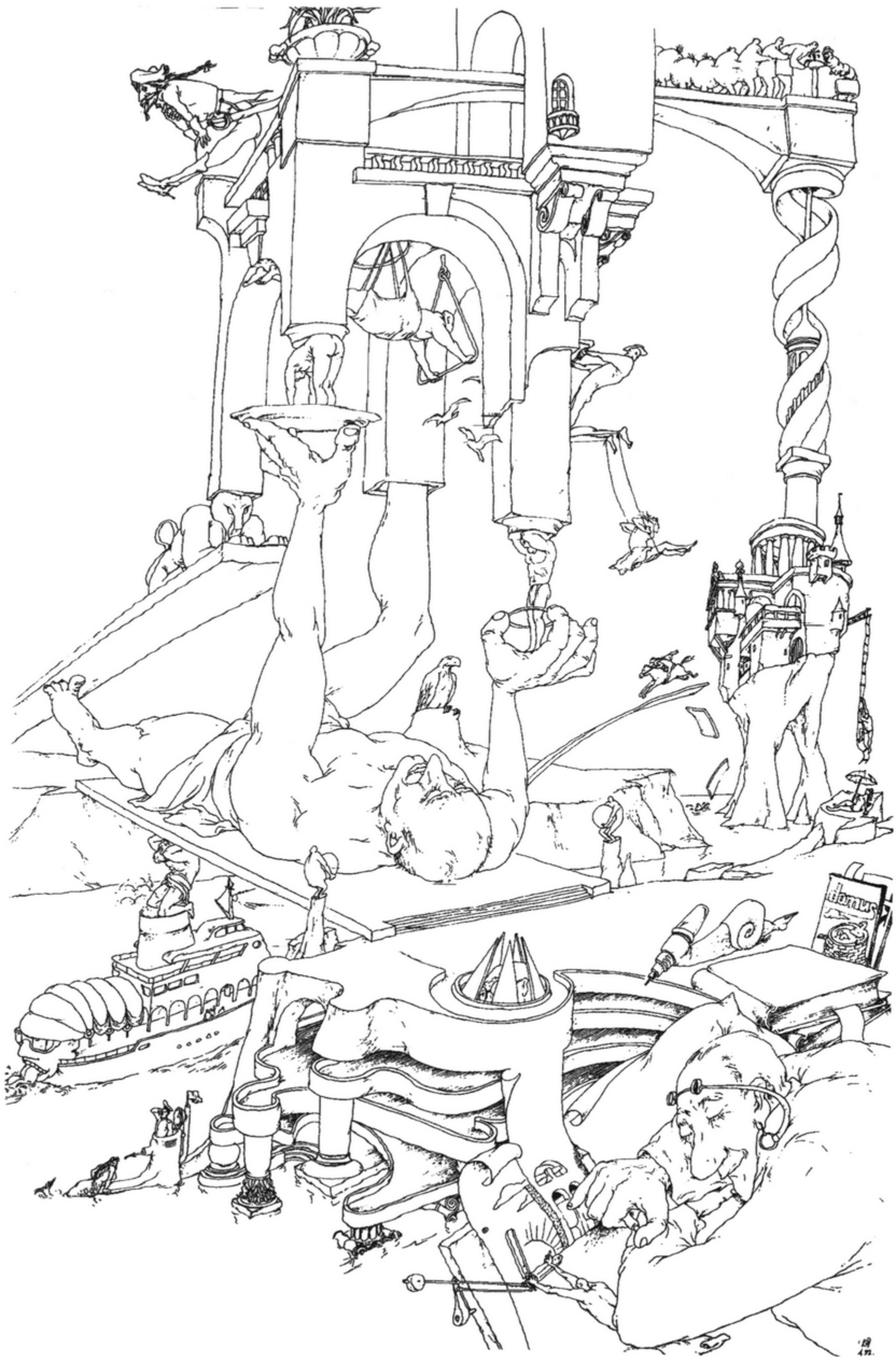
The Electric Circuit of Vanity

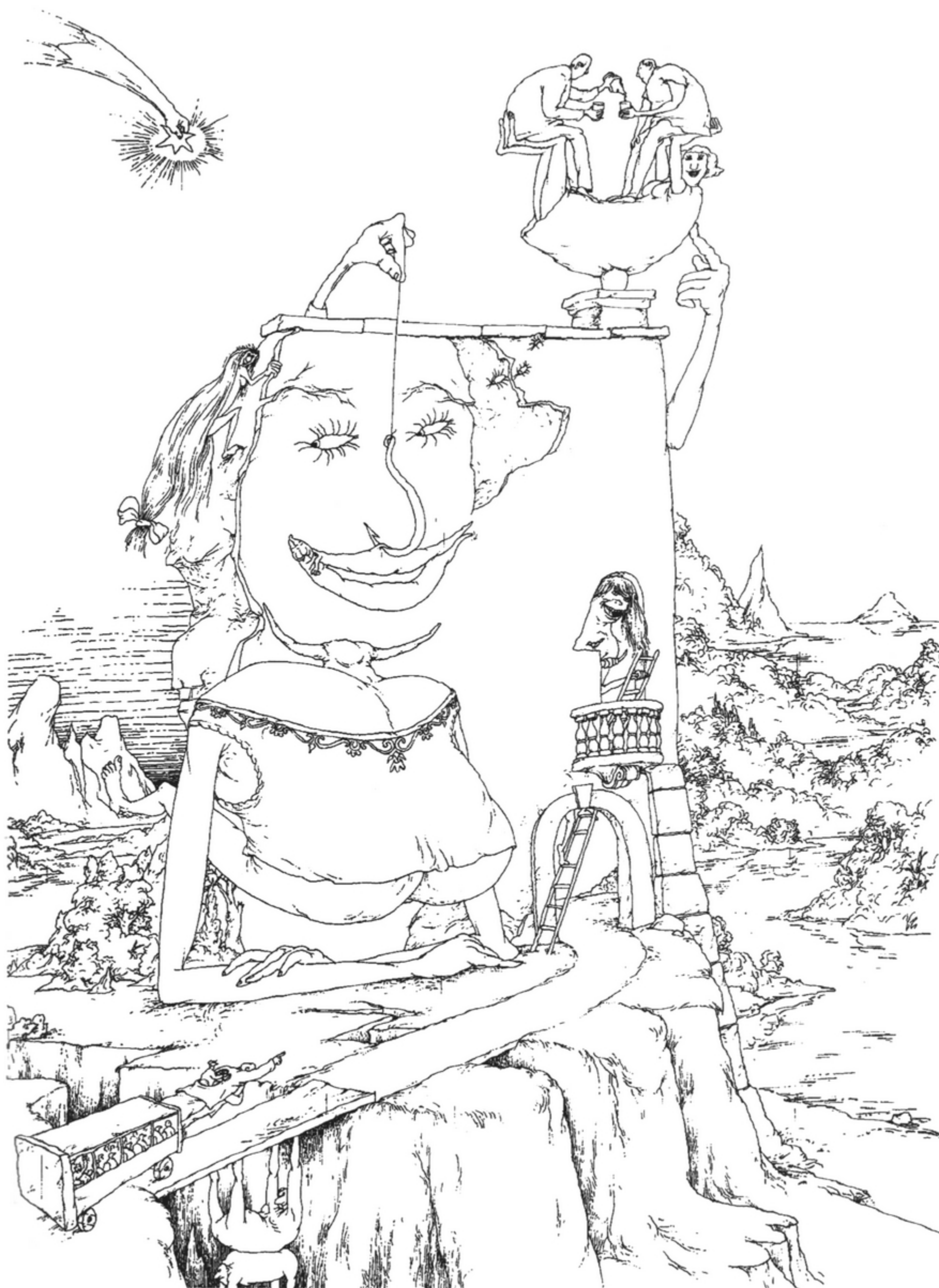
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ВОДЫ В СТЕКЛО ©

Transformation of Water into Glass

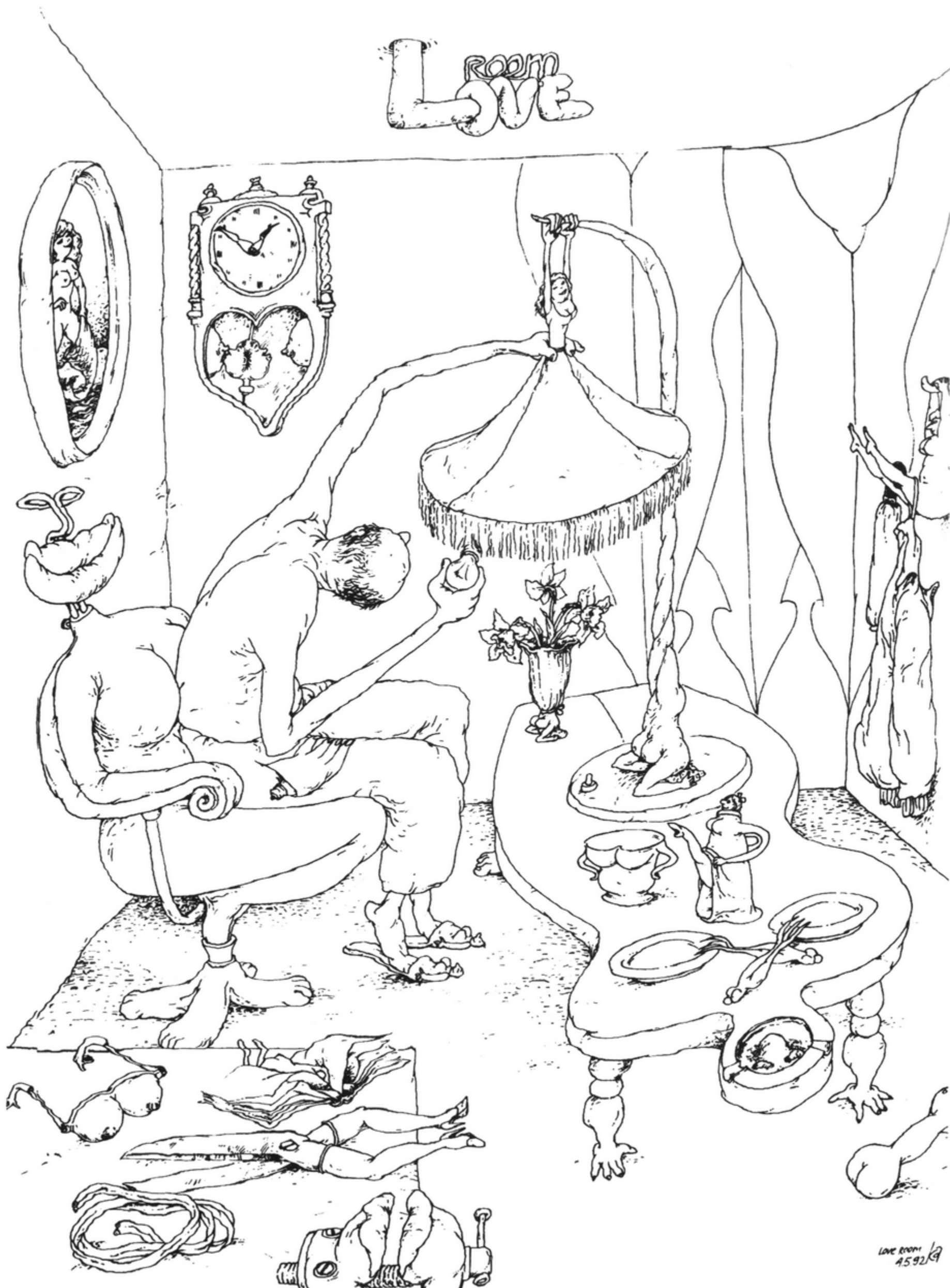

СОН АРХИТЕКТОРА ©

The Dream of an Architect

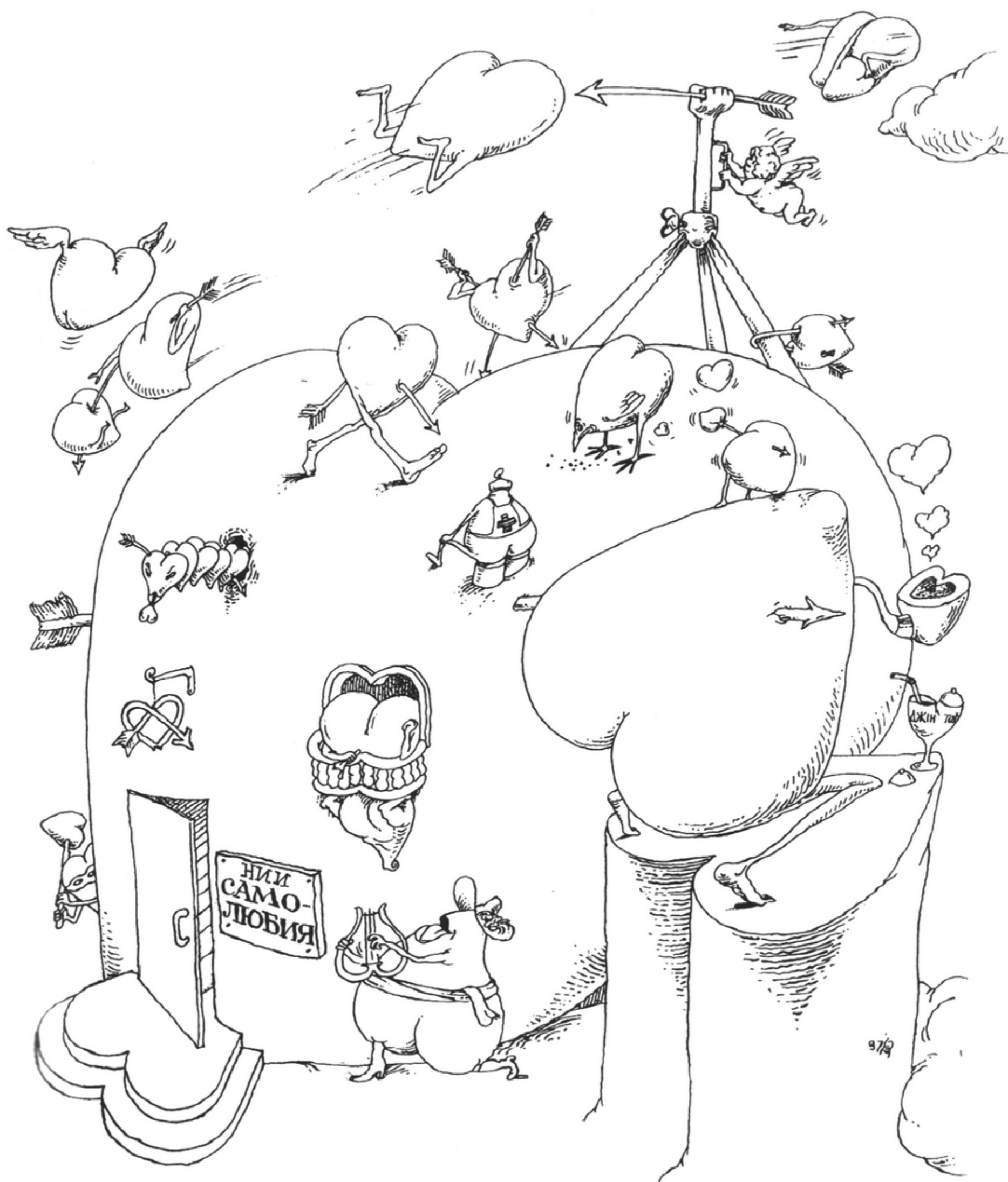

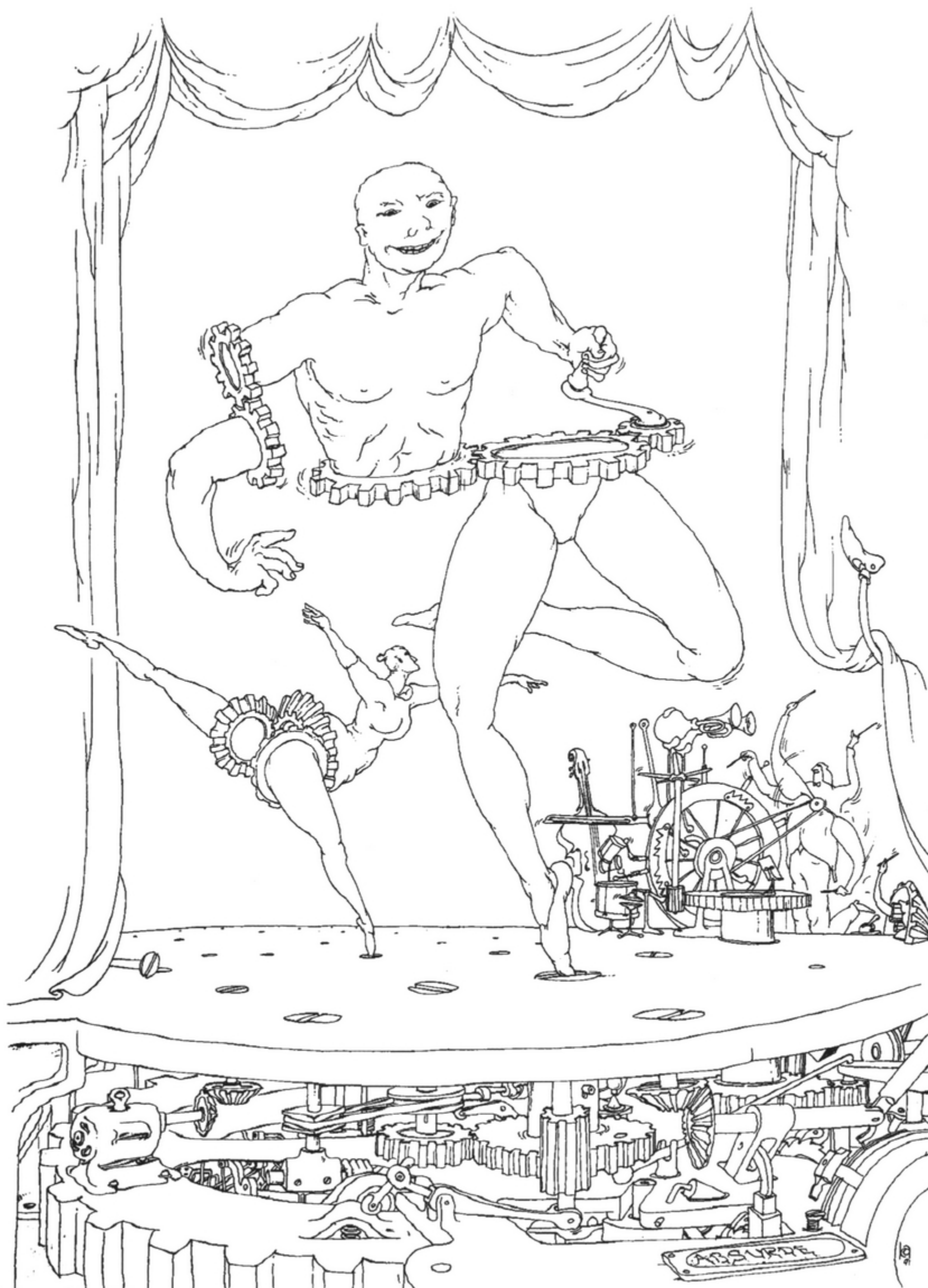
КОМНАТА ЛЮБВИ ©

Love Room

НИИ САМОЛЮБИЯ ©

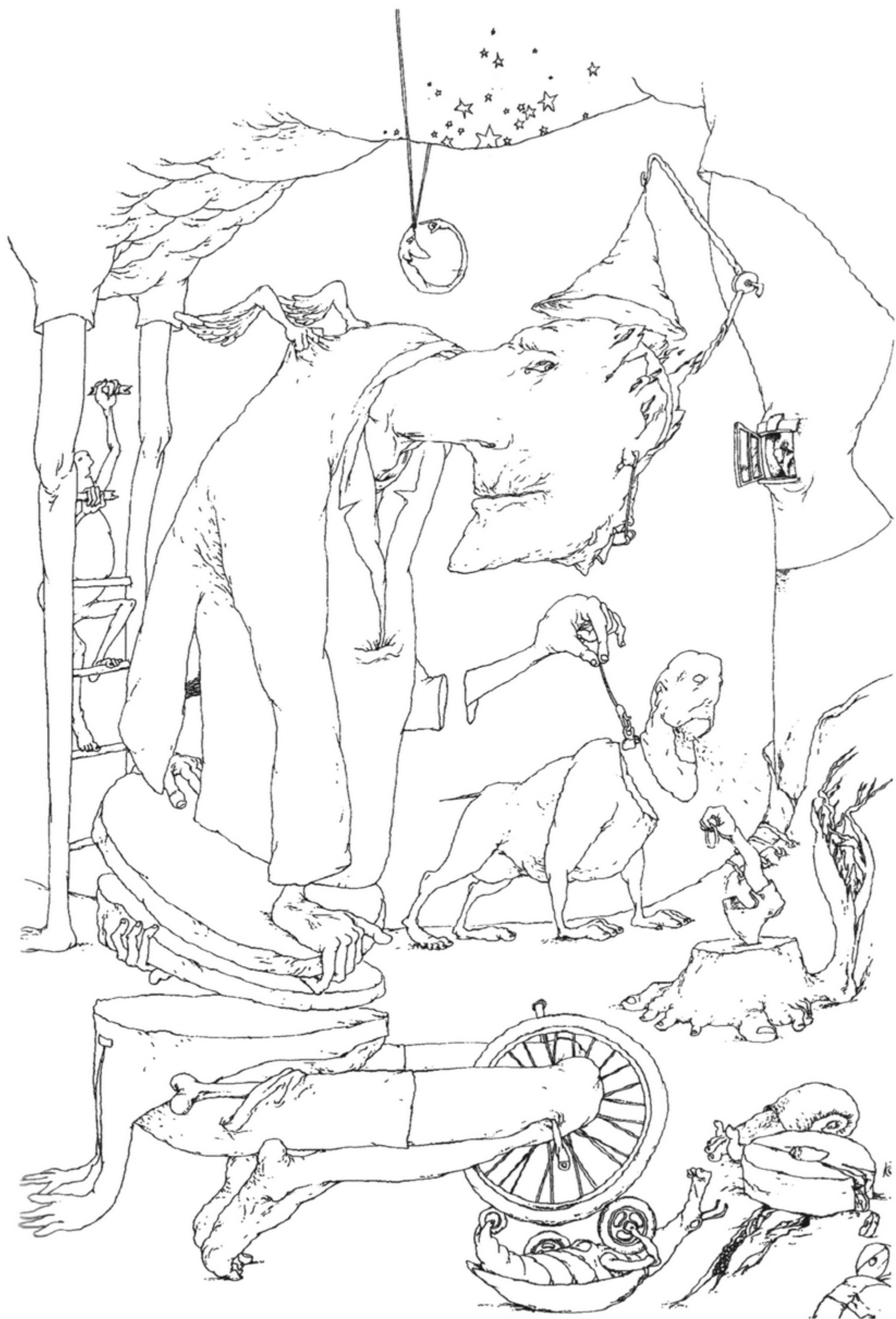
The Research Institute of Self-Love

МЕХАНИЧЕСКИЙ БАЛЕТ ©

Mechanical Ballet

РАСЧЛЕНЕННЫЙ В РАВНОВЕСИИ ©

Dismembered in Equilibrium

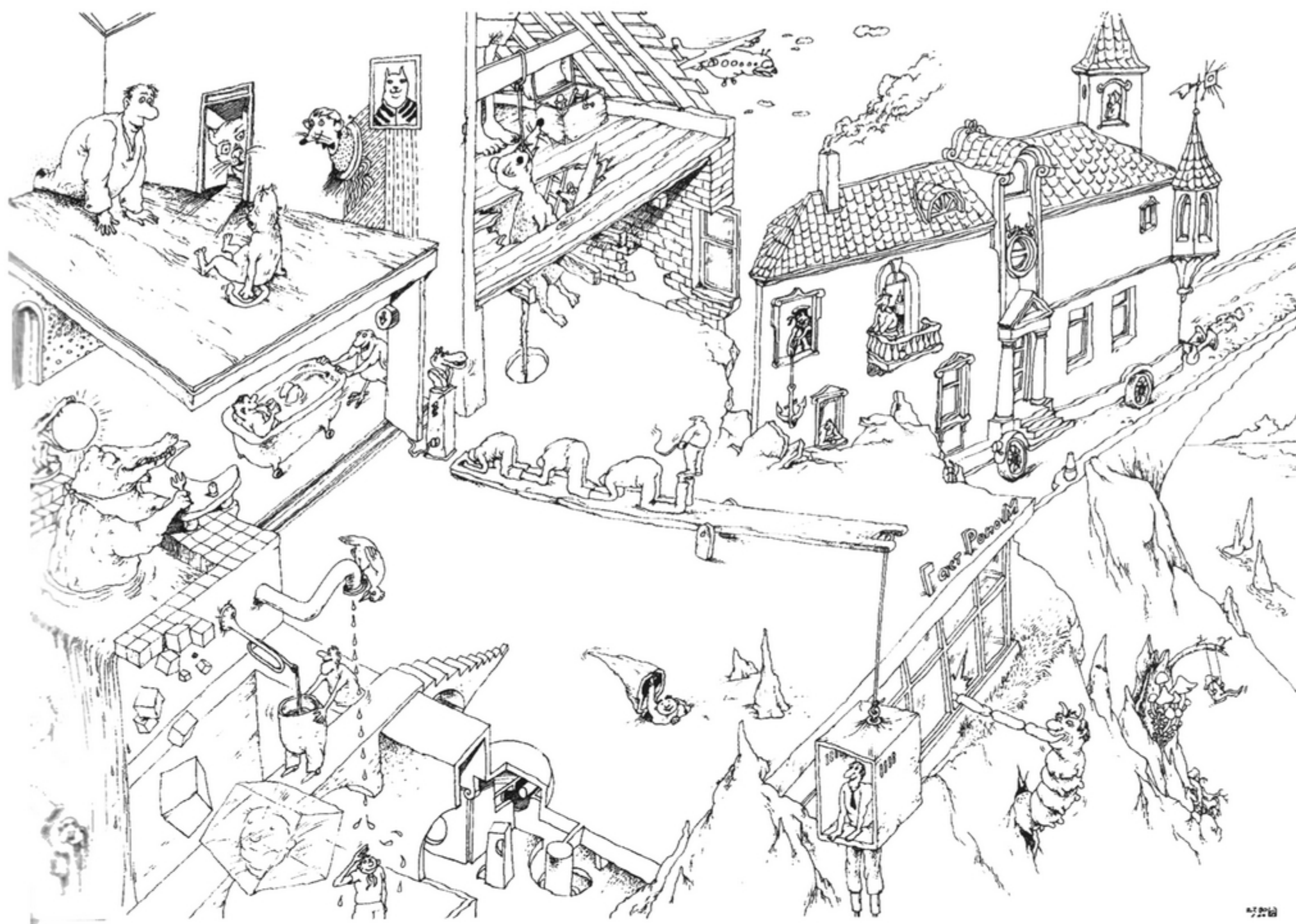

ГОДОМ НОВЫМ

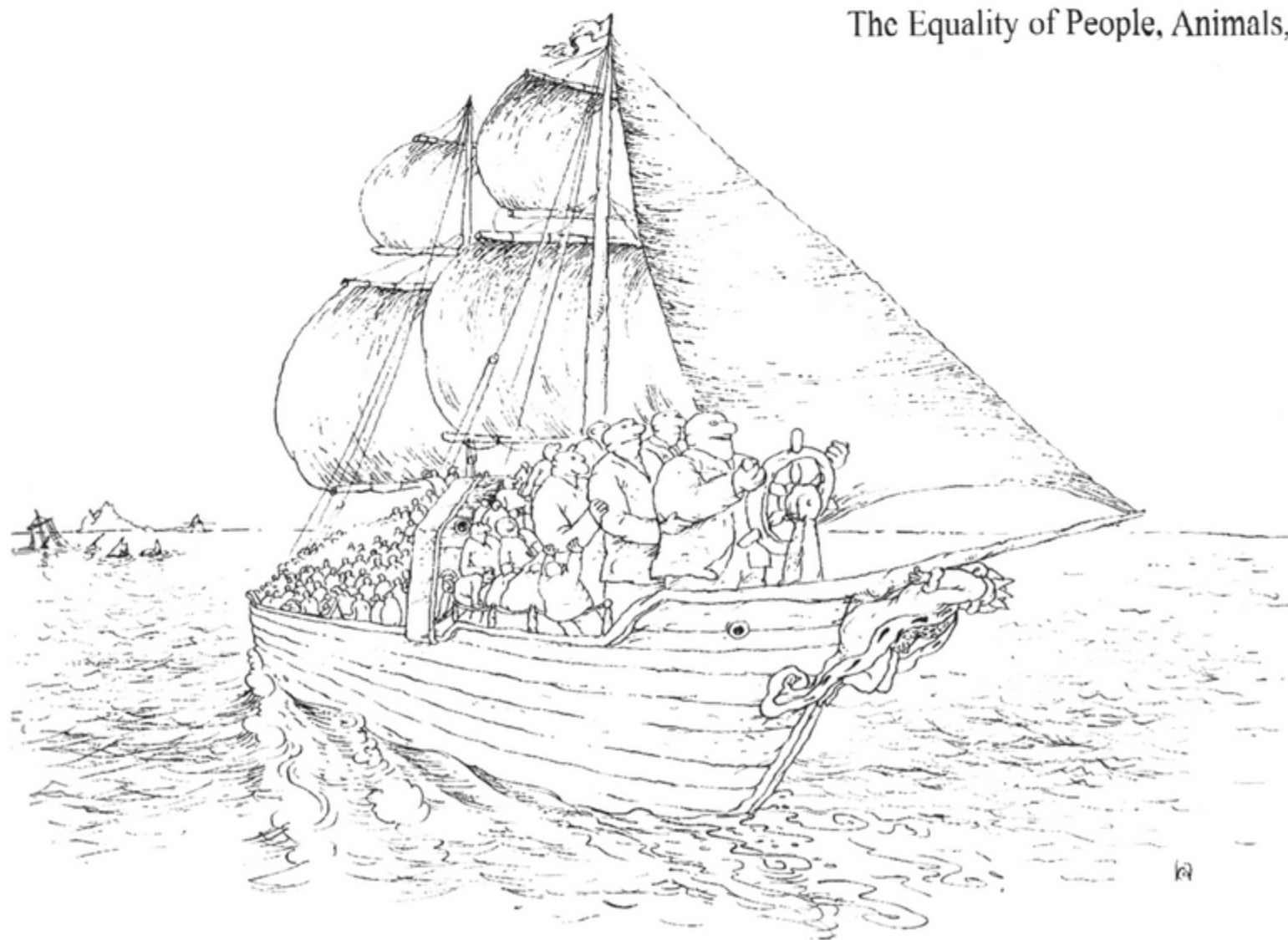

МОИ ЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ ©

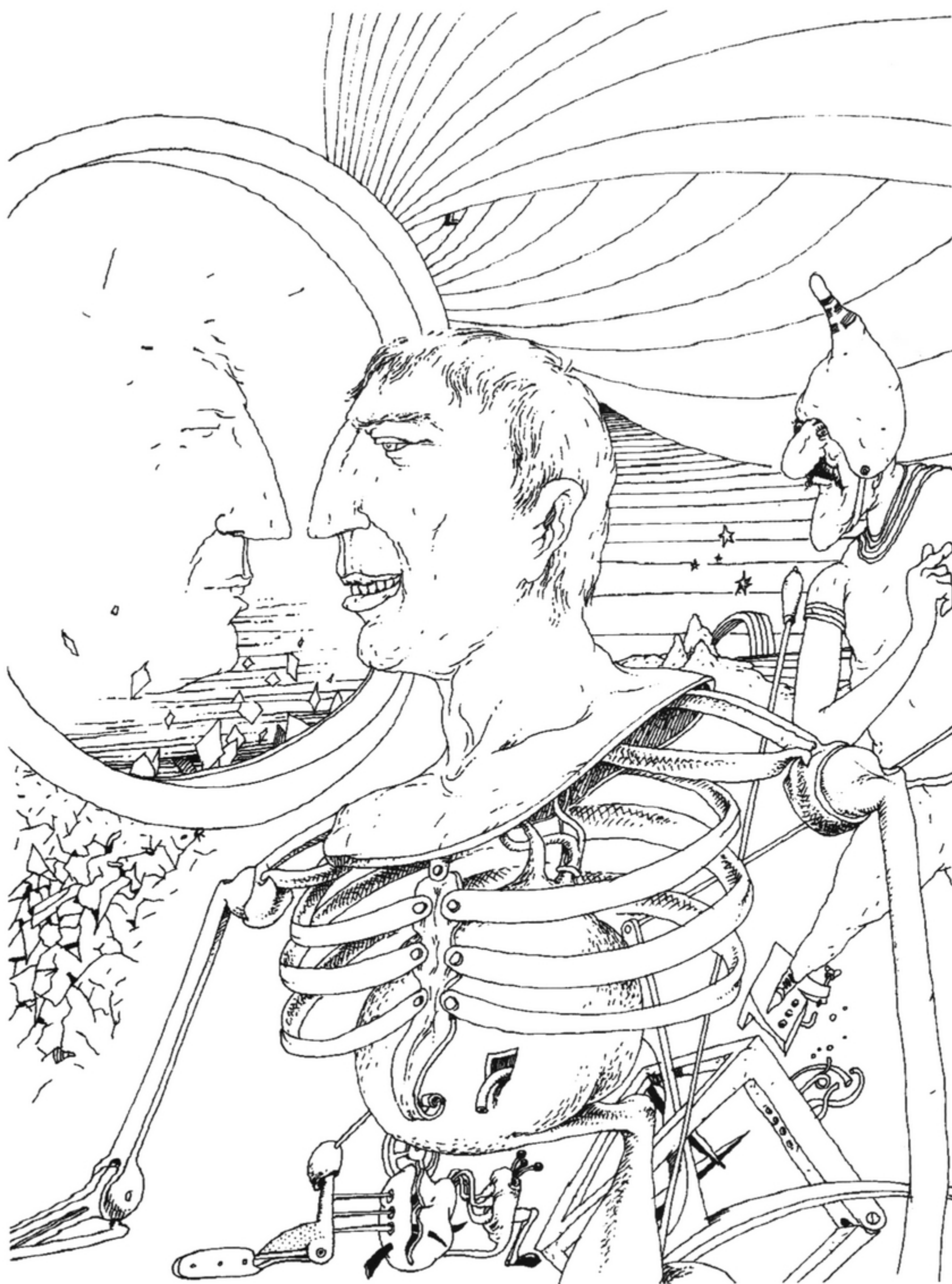
My favorite heroes

РАВНОПРАВИЕ ЛЮДЕЙ, ЖИВОТНЫХ И ГРИБОВ ©
The Equality of People, Animals, and Mushrooms

ЗЕРКАЛО ВЕРЫ В СВОЕ СОВЕРШЕНСТВО ©

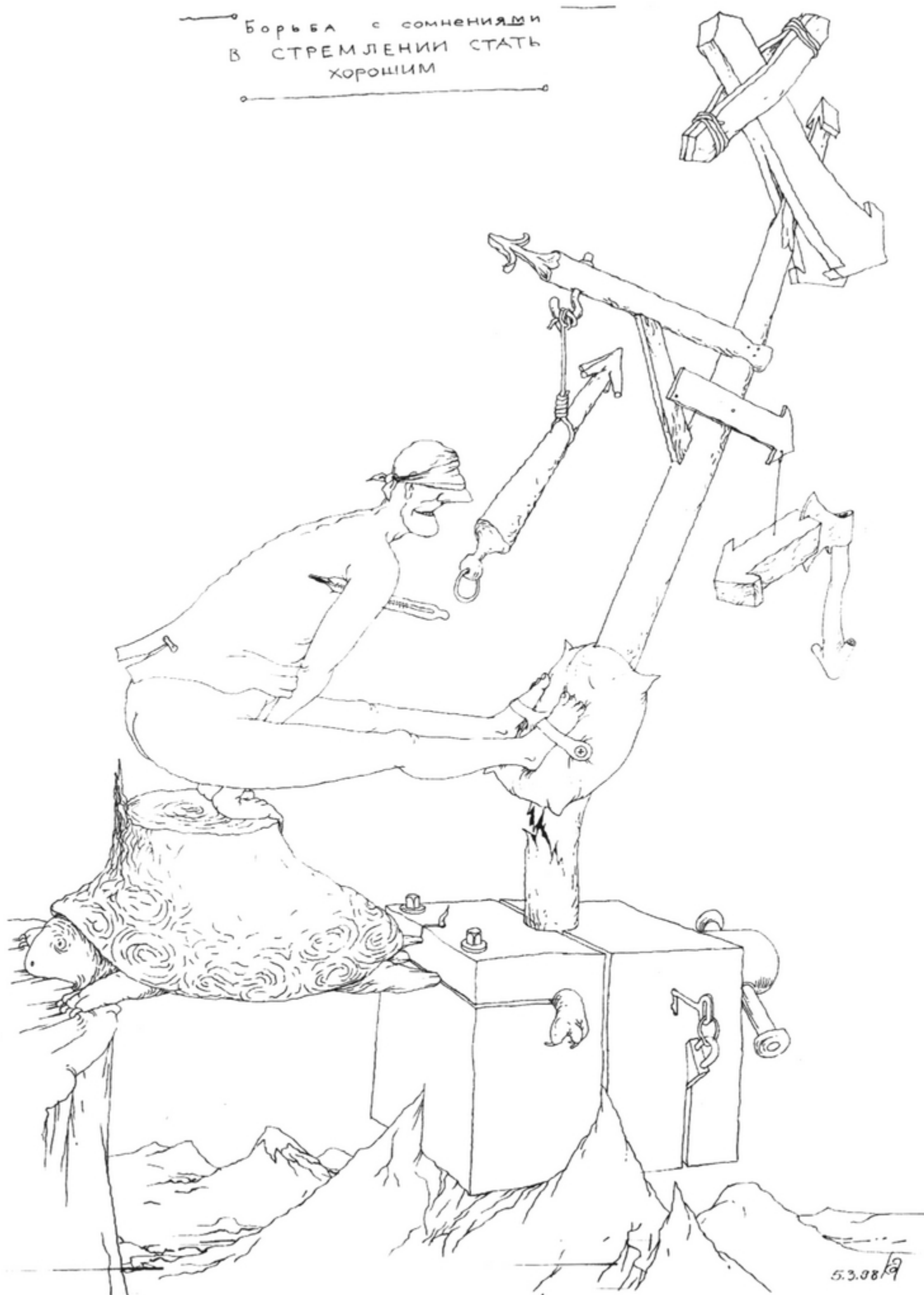
The Mirror of Faith in His Perfection

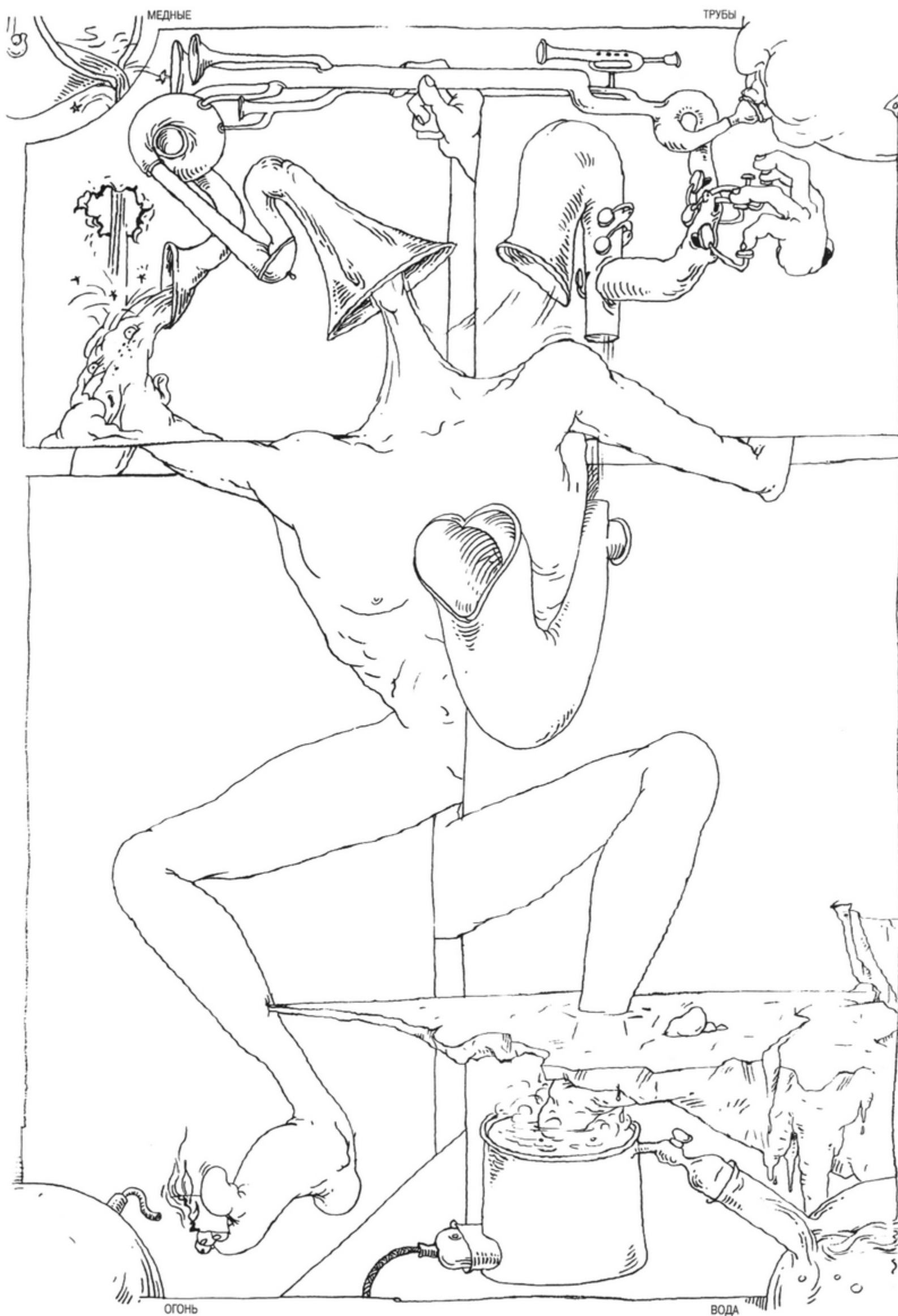
ПОРТРЕТ В РАМЕ ©

A Framed Portrait

Борьба с сомнениями
в стремлении стать
хорошим

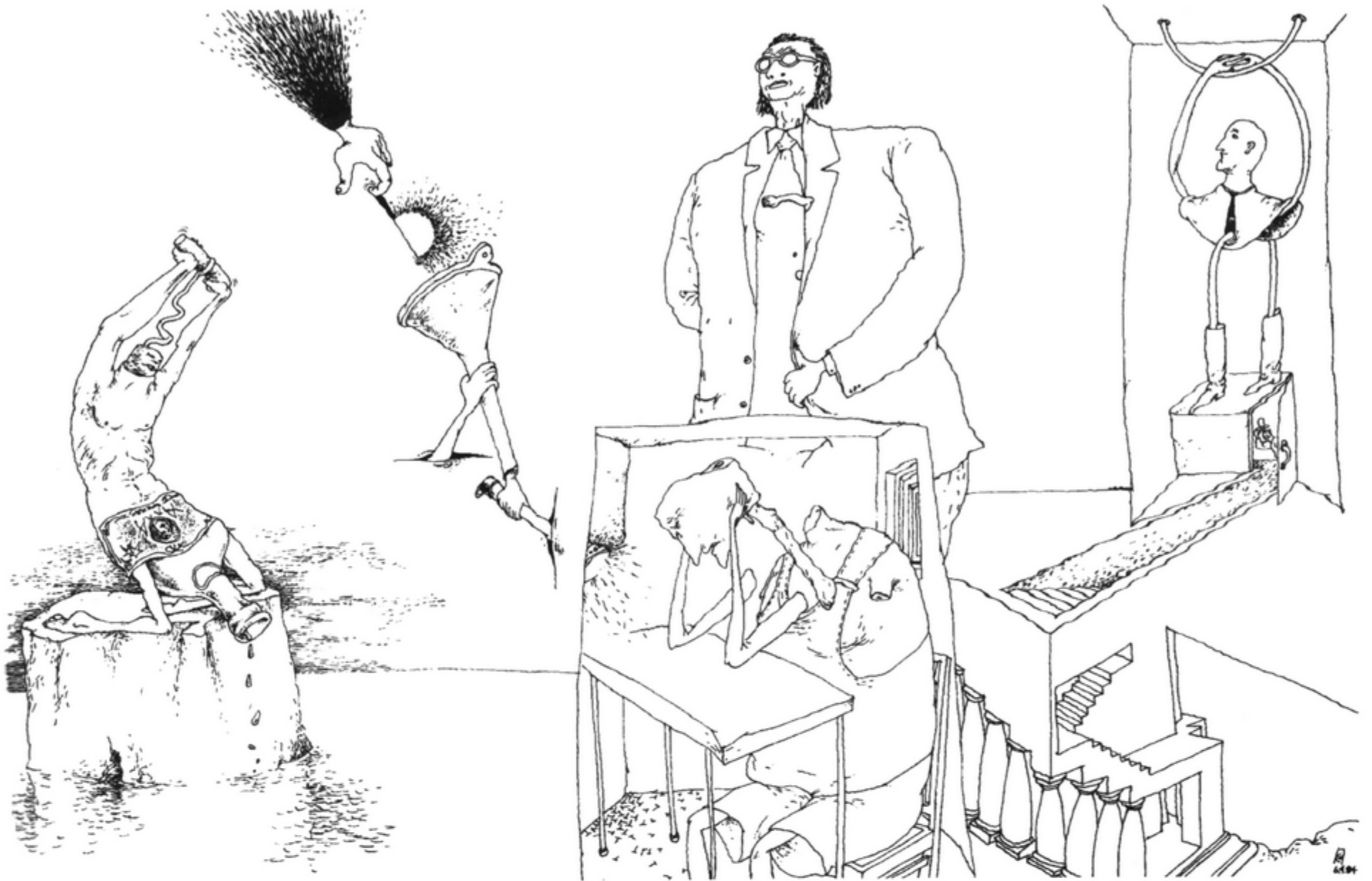
ОГОНЬ, ВОДА И МЕДНЫЕ ТРУБЫ ©

Fire, water and through thick and thin

«ЧОПЕЧЕ» ©

«Not understanding thing»

ПРОМЕЖУТОЧНОСТЬ МЕЖДУ СНОМ И НЕБОМ ©

Between the Dream and the Sky

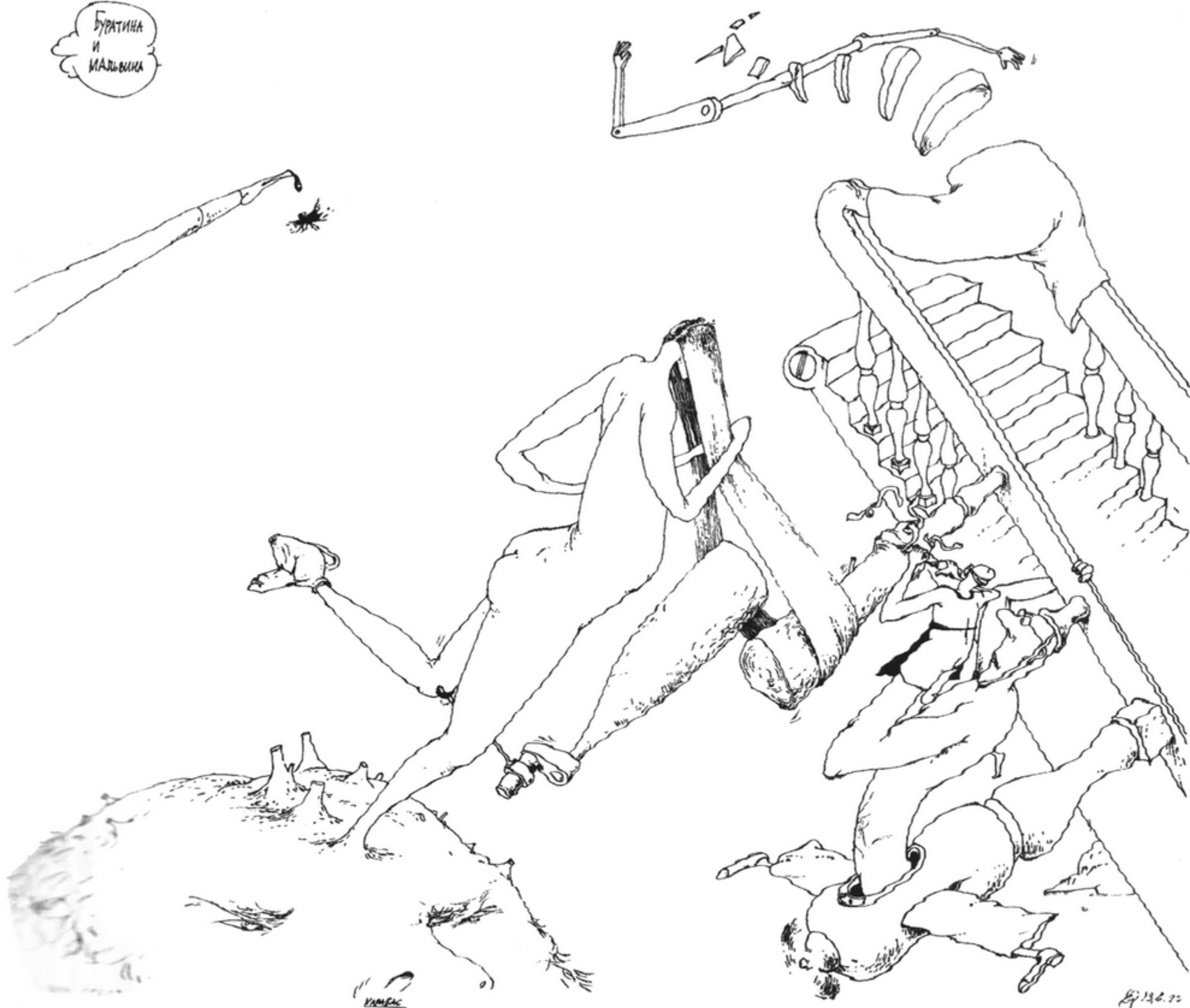

ЖИВОТНАЯ ЛЮБОВЬ ©

Savage Love

БУРАТИНА
И
МАЛЬВИНА

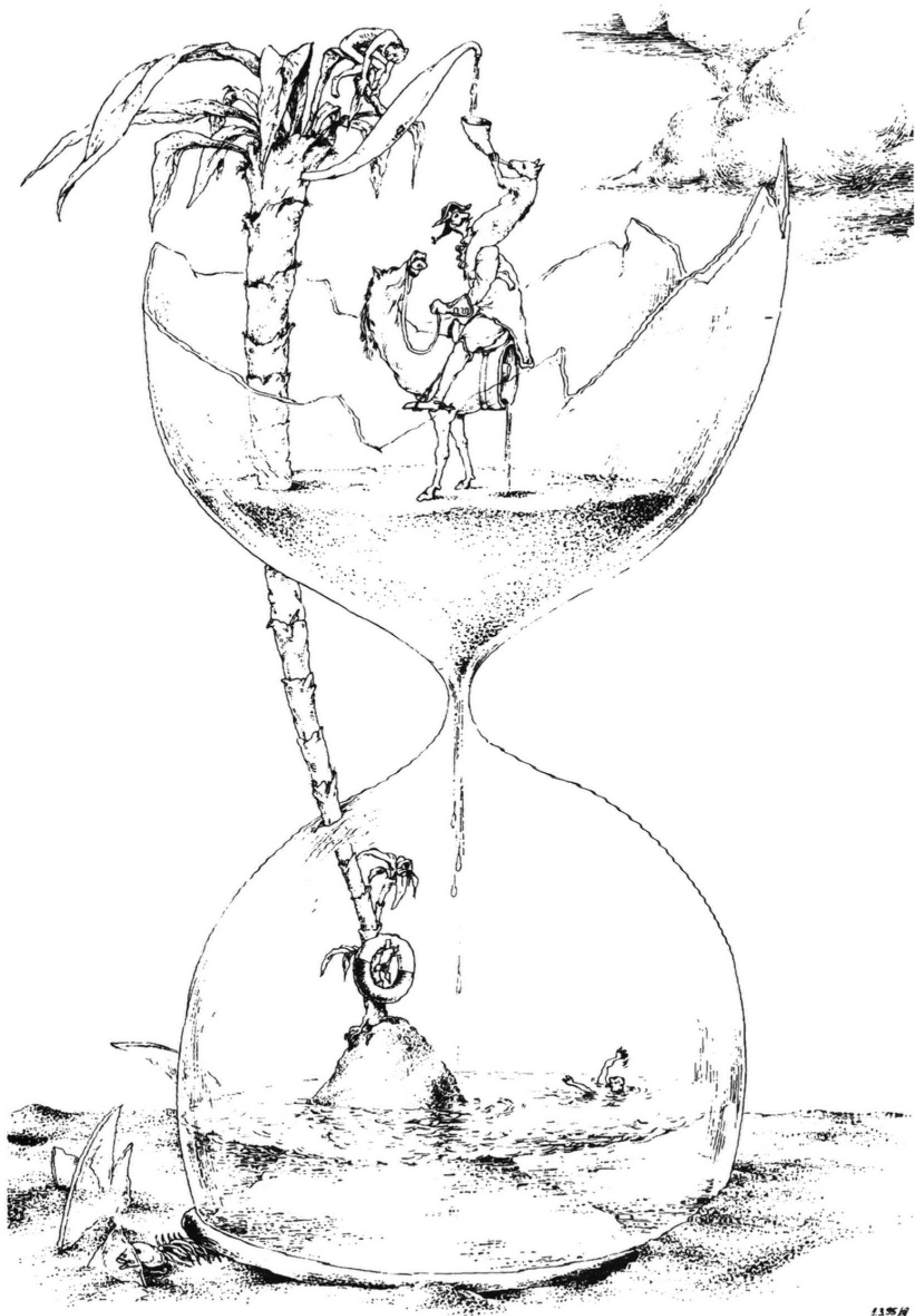

БУРАТИНА И МАЛЬВИНА ©

Burattino and Malvina

(16.7.97)

1.1.95/14

КРУГОВОРОТ ВОДЫ В ПЕСОЧНЫХ ЧАСАХ ©

Water cycle in mnute glass

18.11.37

ЧУВСТВО ЮМОРА ©

Humour sense

ДЕРЕВО И ЧЕРВЯКИ ©

Tree and worms

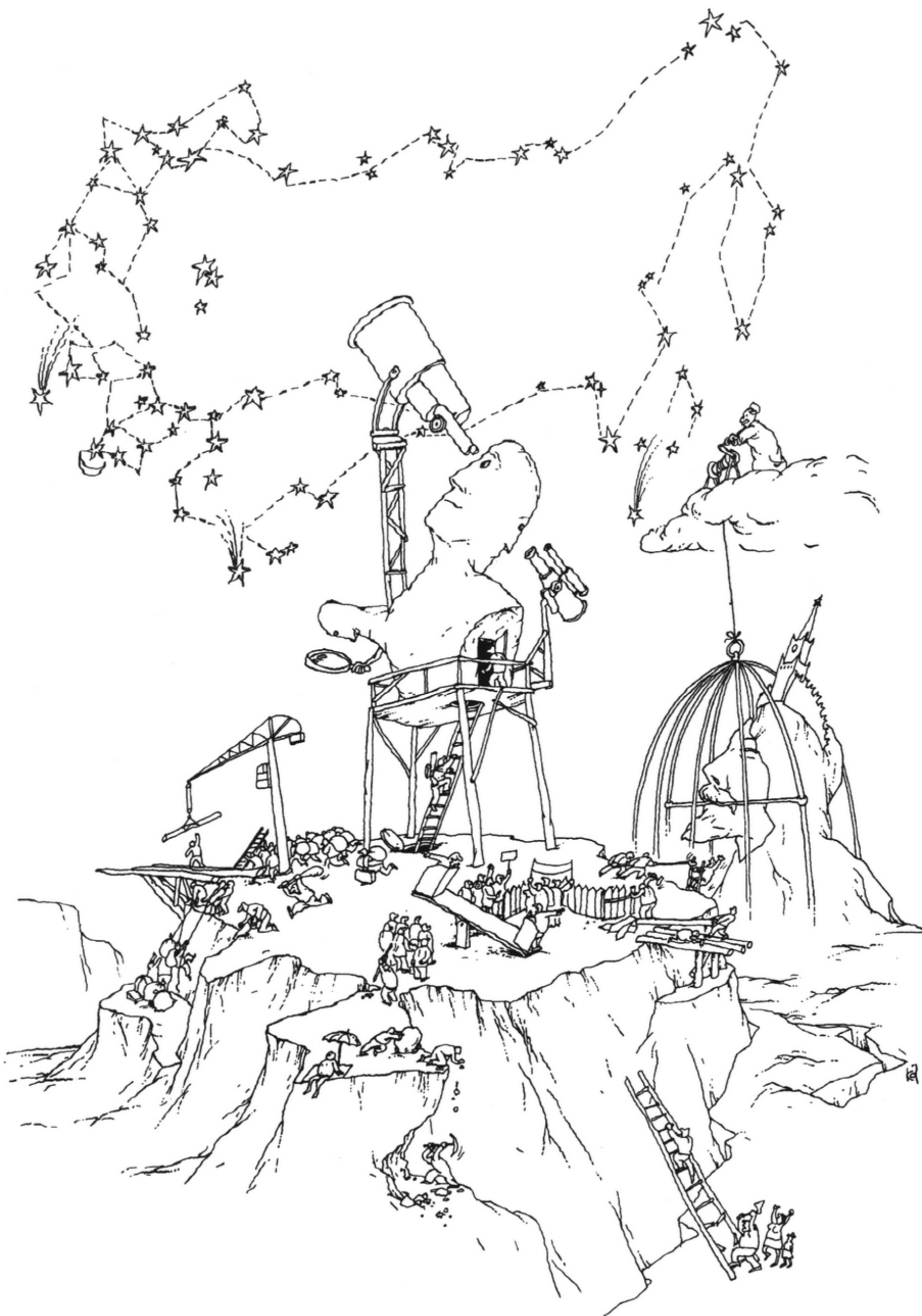

АРХИТЕКТ. ЖУКРАЙНСКО БОРОККОКО [ЛИЗАНН] ПРОСТО ЖУКИ 15.2.97

ПРОСТО ЖУКИ ©

It is simple beetles

РАЗБАЛ СОЮЗА ©

The Collapse of the Union

СЮЖЕТ НА «К» ©

A K-Plot

ДЕРЕВО ЖИЗНИ ©

The Tree of Life

УДК 292 Казанский+75.071.1 (477)(092)
ББК 85.14д(УКР)
К14

В альбоме использованы рисунки А. Казанского из архивов:
© Газеты «День», 2006
© Т. И. Казанской, 2006
© Т. А. Казанской, 2006

В оформлении обложки использован автопортрет А. Казанского

Рисунки или их фрагменты, опубликованные в альбоме, защищены международным и украинским законодательством и не могут быть воспроизведены в какой-либо форме без письменного разрешения издателя и наследников А. Казанского

© Л. Ившина, вступление, общая редакция, 2006
© Издательство ЗАО «Украинская пресс-группа»,
дизайн, макет, 2006

ISBN 966-8152-10-7

К14 Анатолий Казанский. Библиотека газеты «День»
Под общей редакцией Л. Ившиной
К: ЗАО «Украинская пресс-группа», 2006. — 72 с.

В этом альбоме, изданном к 10-летию газеты «День», собраны работы известного наблюдательного карикатуриста Анатолия Казанского. Это имя Украине открыла газета «День». В первом разделе помещены его карикатуры, созданные за период работы в газете «День», а во втором – сюрреалистические рисунки еще не известного Казанского.

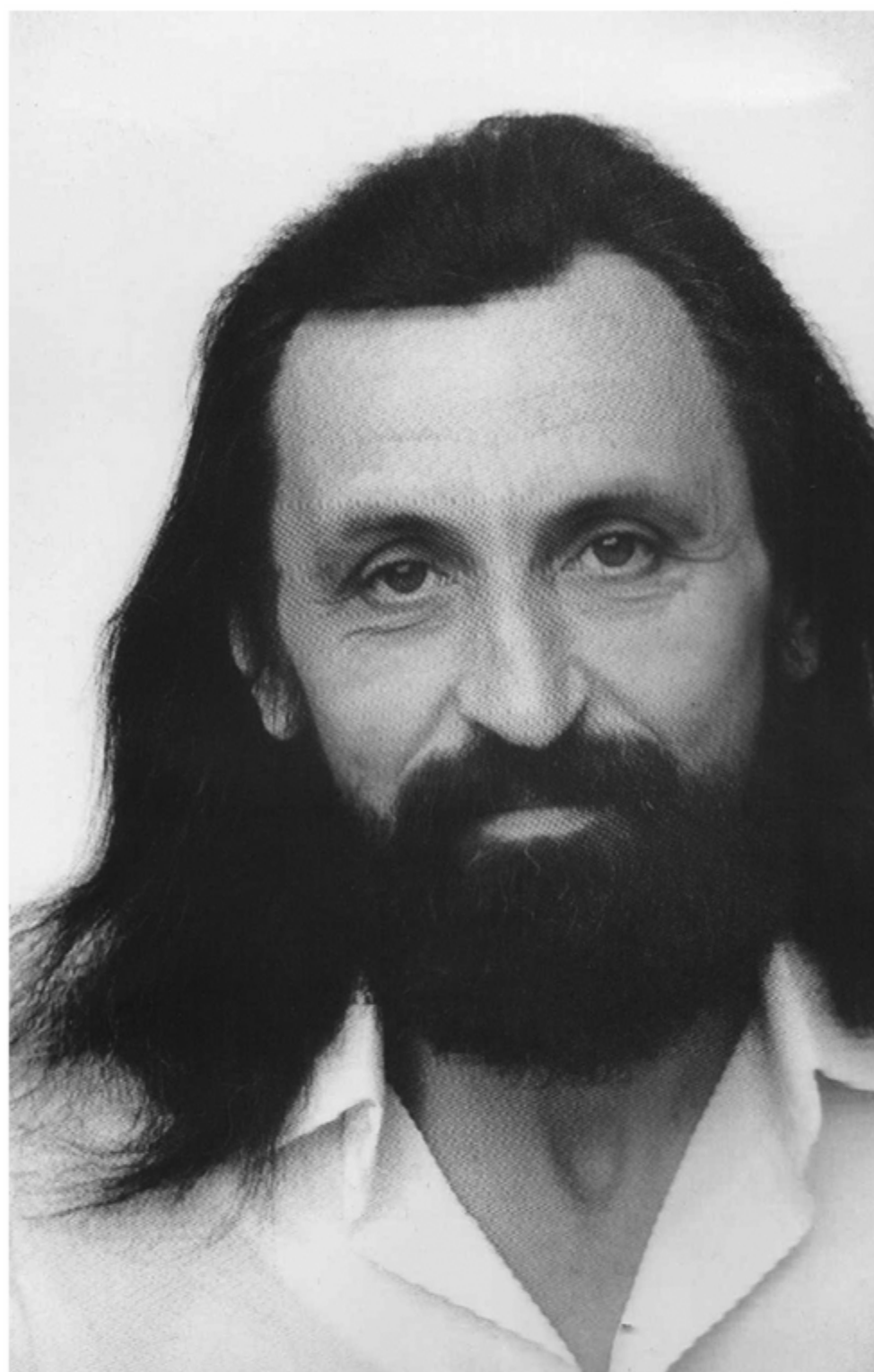
This album, published to mark the newspaper *Den's* 10th anniversary, contains works by the well-known sharp-eyed caricaturist Anatoly Kazansky. It was *Den* that made this name known in Ukraine. The first part includes the cartoons he drew when working for *Den*, and the second one features the surreal sketches of the not-yet-known Kazansky.

Дизайн — Татьяна Казанская, верстка — Елена Дудко,
Людмила Тищенко, Вера Скуратовская

Издательство ЗАО «Украинская пресс-группа»
Регистрационное свидетельство о внесении
в Государственный реестр субъектов
издательского дела ДК №2256
ЗАО «Украинская пресс-группа»
04212, Украина, Киев-212, ул. Маршала Тимошенко, 2л
Тел.: (044) 414-40-66, факс: 414-49-20, 414-44-26,
E-mail: master@day.kiev.ua

Отпечатано СП «Интертехнодрук»
ул. О. Гончара 30а, г. Киев-056, 01056, Украина
Тел.: (044) 238-64-60, факс: (044) 238-63-69
E-mail: admin@itd-druk.com.ua
www.itd-druk.com.ua
Заказ № 619.
Сдано в печать 06.09.2006 г.
Тираж: 2000 экз.

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАЗАНСКИЙ
1949–1998

ШКОЛА

КИСИ
СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
«АРХИТЕКТУРА»

ГИПРОГРАЖДАНПРОМСТРОЙ

ЖУРНАЛ «БАРВИНОК»

УЧАСТИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ
КОНКУРСАХ

СВОБОДНЫЙ ХУДОЖНИК

РАБОТА В ГАЗЕТЕ «День»

SCHOOL

KYIV CIVIL ENGINEERING
INSTITUTE MAJORING
IN ARCHITECTURE

CIVIL AND INDUSTRIAL
ENGINEERING
RESEACH INSTITUTE

BARVINOK MAGAZIN

PARTICIPATION
IN INTERNATIONAL CONTESTS

FREE-LANCE ARTIST

EMPLOYMENT AT DEN / THE DAY
NEWSPAPER

14. XI. 98

Последний рисунок Анатолия Казанского

Украина Incognita

Библиотека газеты

день

ЕЖЕДНЕВНАЯ ВСЕУКРАИНСКАЯ ГАЗЕТА «День»

Наш адрес в интернете: <http://www.day.kiev.ua>

Учредитель и издатель — Закрытое акционерное общество
«Украинская пресс-группа». Издаётся с сентября 1996 года.

Редакционные подписные индексы:

ежедневный выпуск — 40255 (укр.), 40250 (рус.)

пятничный выпуск — 40659 (укр.), 40660 (рус.)

Адрес редакции: 04212, Украина, Киев-212,
ул. Маршала Тимошенко, 2л

Тел.: (044) 414-40-66, факс: 414-49-20, 414-44-26,

тел./факс рекламного агентства 414-67-90

тел. агентства реализации 414-64-00

E-mail: master@day.kiev.ua

ISBN 966-8152-10-7